

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 2
Выпуск 2

2000

Редакционная коллегия:

Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

Украина,
02218, г. Киев,
ул. Радужная, 31-48

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kiev
Ukraine

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 2 • Issue 2 • 2000

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,
Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCPA/IUCN**)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Компьютерный набор — Е.Д. Яблоновская-Грищенко, О.А. Яцеленко
верстка — В.Н. Грищенко
Обложка — домовый сыч, рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 2000
- © Киевский эколого-культурный центр, 2000
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2000
- © Humanitarian Environmental Magazine, 2000
- © Kiev ecological and cultural centre, 2000
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 2000

КАК ОЦЕНИТЬ БИОРАЗНООБРАЗИЕ?

В.Н. Бобылев

Московский государственный университет

Важной причиной деградации биоразнообразия является недооценка его реальной экономической ценности. Это объясняется понятным экономическим бессилием перед стоимостной оценкой колоссальной сложности природы, ее функций, взаимосвязей, системности и комплексности. Между тем необходимость такой стоимостной оценки очевидна.

Мнимое отсутствие “цены” у многих природных благ приводит к экологической деградации. Варианты сохранения биоразнообразия постоянно проигрывают соревнование с лесным хозяйством, добывающей промышленностью, сельским хозяйством, так как выгоды от этих секторов экономики зримы, их можно “пощупать”, они имеют цену.

Для заниженной (или вообще отсутствия) оценки биоразнообразия имеются и объективные экономические предпосылки. Ни централизованно планируемая экономика, ни современная рыночная экономика не могли и, к сожалению, не могут корректно определить ценность природы.

“Экологическая неполноценность” современной экономики признается экономистами. Например, можно упомянуть исследование группы экспертов, выполненное под руководством Роберта Констанца (Мэрилендский университет). Было выделено 17 категорий функций и услуг природы, среди которых были регулирование климата, газового состава атмосферы, водных ресурсов, образование почвы, переработка отходов, генетические ресурсы и

др. Расчеты ученых дали суммарную оценку этих функций в среднем в 35 трлн. долл., что вдвое превышает созданный человечеством ВВП (18 трлн. долларов в год).

Адекватный современной экономической и социальной ситуации страны учет экономической ценности биоразнообразия имеет существенное значение для улучшения ситуации в охране окружающей среды и использования природных ресурсов в России. Это очень важно для принятия правильных экономических решений. Если свести принятие решений в экономике к самой простейшей формуле, то это будет соотношение выгод и затрат. Если выгоды больше затрат, то проект, мероприятие или программа считаются эффективными и пригодными для реализации. Очевидно, что при отсутствии или занижении оценки биоразнообразия принимается неправильное, антиэкологическое решение: при сопоставлении различных вариантов развития природоохранный вариант проигрывает при сравнении с традиционными экономическими решениями в результате двух возможных причин:

- занижение выгод от сохранения биоразнообразия, что приводит к уменьшению суммарной выгоды;
- занижение затрат, что связано с недооценкой потенциального экологического ущерба от деградации биоразнообразия.

Оба этих варианта приводят к неконкурентоспособности биоразнообразия. В России такая ситуация ярко проявляется при принятии решений в пользу развития энергетического, добывающего, лесного и аграрного секторов.

Учет экономической ценности природы в целом требует по крайней мере стоимостной оценки трех природных функций:

- обеспечение природными ресурсами;
- регулирующие функции, ассимиляция отходов и загрязнений;
- обеспечение людей природными услугами, такими как рекреация, эстетическое удовольствие и пр.

Очевидно, что экономическая ценность биоразнообразия определяется прежде всего второй и третьей функциями.

Экономисты-экологи пытаются оценить природные ресурсы и экологические функции, повысить “конкурентоспособность” природы в борьбе с техногенными решениями. Это не означает, что можно точно экономически оценить все природные блага и услуги. Как оценить красивый ландшафт? Как точно измерить экономическую ценность уникального цветка или птицы? Конечно, это невозможно. Для многих природных благ и услуг нет традиционных рынков, стандартных спроса и предложения. Здесь очень важным моментом является экономическая попытка учесть последствия принимаемых решений, стадия предварительного сбора информации и ее анализа для последующего принятия решений. **Чем выше экономическая ценность природных объектов, тем больше вероятность, что принятые экономические решения, воплощенные в различных проектах и программах, будут эколого-сбалансированными, учитывать интересы охраны среды и экономики природных ресурсов.**

Среди имеющихся подходов к экономической ценности биоразнообразия, которые позволяют получить конкретную оценку, можно выделить следующие, базирующиеся на: рыночной оценке; ренте; затратном подходе; альтернативной стоимости; общей экономической ценности (стоимости). Среди

этих подходов наиболее перспективной представляется концепция общей экономической ценности (стоимости) (total economic value). Эта концепция конструктивна с точки зрения комплексности подхода к оценке природы, биоразнообразия и попытке учесть не только прямые ресурсные функции, но и регулирующие, ассимиляционные функции, природные услуги. Данная концепция, возникшая совсем недавно, в 90-е годы, получила признание в мире как в теории, так и на практике.

В общую экономическую ценность (стоимость) биоразнообразия, в основном, входят два агрегированных слагаемых: стоимость использования (потребительная стоимость) и стоимость неиспользования. В свою очередь первое слагаемое состоит из трех:

- прямая стоимость использования — туризм, рекреация, устойчивые охота и рыболовство и т. д.;
- косвенная стоимость использования — глобальные эффекты, экологические функции, связывание углекислого газа и пр.
- стоимость отложенной альтернативы — потенциальные выгоды от использования в будущем.

Важное значение имеет стоимость неиспользования, существования природы самой по себе (экономическая оценка весьма тонких моментов — социальных, этических и эстетических аспектов природы).

Все эти дополнительные оценки зачастую коренным образом меняют приоритеты в экономических решениях.

В России имеются примеры определения ценности биоразнообразия (в основном для особо охраняемых природных территорий) на основе концепции общей экономической ценности (см., например, “Экономика сохранения биоразнообразия” М.: Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, 1995). Проведенные расчеты по определению прямой сто-

имости использования показывают ограниченность и достаточно невысокие экономические оценки для ООПТ. Особенно характерна эта ситуация для Севера Европейской части, Сибири и Дальнего Востока России, где проживает мало населения, а транспортные затраты для проезда в ООПТ данных регионов из Европейского Центра страны, где проживает основное население, велики. В связи с этим сейчас и в самом ближайшем будущем здесь сложно ожидать значительного роста доходов от туризма, рекреации, сбора побочной продукции, охоты, рыболовства и пр. Географическая и транспортная ситуация в отдаленных ООПТ усугубляется и общим экономическим и социальным кризисом в стране.

Можно предположить, что основную часть экономической ценности (стоимости) многих ООПТ будет составлять косвенная стоимость использования, связанная с ролью экологического регулирования ООПТ: связывание углерода, водорегулирующие функции, предотвращение эрозии и пр. Особую роль в экономической оценке ООПТ на основе косвенной стоимости использования может сыграть депонирование

углерода. Киотский протокол (Япония, 1997), подписанный всеми развитыми странами и странами с переходной экономикой для предотвращения глобального изменения климата, создает реальные предпосылки для формирования мирового рынка торговли углеродными квотами. То есть связываемый углерод будет иметь цену, как это фантастично не звучит. По имеющимся оценкам 1 т CO₂ может стоить 10-50 долларов США. В связи с этим косвенная стоимость использования может составлять свыше 90-95 % всей экономической ценности ООПТ.

В развитых и развивающихся странах проведено довольно много исследований по определению стоимости неиспользования, существования, в основном для редких животных и национальных парков. В основе этих исследований лежат социологические опросы населения по определению им экономической оценки уникальных объектов биоразнообразия, потенциальной готовности населения платить за их существование. В экономической теории эти исследования связаны с субъективной оценкой стоимости, “готовности платить”.

БИОРАЗНООБРАЗИЕ НЕ ИМЕЕТ ЦЕНЫ. ИБО ОНО БЕСЦЕННО

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Намерения доктора экономических наук, профессора МГУ С.Н. Бобылева благи и понятны, ибо: *“Варианты сохранения биоразнообразия постоянно проигрывают соревнование с лесным хозяйством, добывающей промышленностью, сельским хозяйством, так как выгоды от этих секторов экономики зримы”*. Поэтому автор считает умест-

ным подсчитать такую экономически высокую стоимость биоразнообразия, что сразу заставит местные власти улучшить охрану природы.

Но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. Дело в том, что охрана природы никогда не может стать экономически выгоднее ее эксплуатации (а значит — разруше-

ния). Это как продажа табака. Курить — вредно, это все знают, но продают отраву. Ибо табачный бизнес экономически выгоден. Борьба с этим злом мы можем только при помощи морали, а не экономически.

С.Н. Бобылев подходит, к сожалению, к охране биоразнообразия со своих узких экономических и антропоцентрических позиций. Но ведь биоразнообразие — это не просто ресурс, созданный природой для удовлетворения человеческих нужд. Это, прежде всего, огромное количество жизней, каждая из которых священна, обладает собственным достоинством, целью и свободой.

Еще Олдо Леопольд ставил под сомнение экономический метод оценки дикой природы. Как, например, быть с видами, рыночная стоимость которых ничтожно мала? С другой стороны, существуют случаи, когда продажа за деньги вообще не возможна: большинство из нас отказалось бы продавать своих близких за любую цену. Слабость экономической оценки прежде всего в том, что она рассматривает природу только с точки зрения человеческого благополучия. Олдо Леопольд писал: *“Каждый американец вдолбил себе в голову, что экономика является делом исконно и истинно выгодным и нужным. Но я могу указать на один ее очень зловредный недостаток. Экология нас учит, что каждая истина не абсолютна”*. И дальше: *“Основная слабость в системе сохранения природы базируется на экономических мотивах и заключается в том, что большая часть членов природного сообщества на земле не имеет экономического значения. Когда одной из неэкономических категорий угрожают, и мы любим эту категорию, мы изобретаем уловки, чтобы придать ей экономическую ценность”*.

Не могу не сослаться и на другого американского пионера охраны природы — Джона Мюира: *“Большинство цивилизованных людей агрессивно на-*

строены против всего, что нельзя взвесить на весах или измерить аршином. Но мы знаем, что многое из того, что наиболее реально, не может иметь качество литого железа или проникнуть в человеческую плоть”.

Дикая природа — не рассадник дичи для охотников и не лаборатория для ученых. Ценности восприятия дикой природы лежат в ее нетрадиционности, поэтому ее “цена” не может быть определена банальным значением рыночной полезности. Как писал Ибн Сина: *“Мирские блага могут повредить более возвышенному благу”*.

Я глубоко убежден, что распространение рыночных ценностей на все среды природоохраны представляет огромную угрозу. Ницше писал: *“Где начинается базар, начинается и шум великих комедиантов, и жужжание ядовитых мух”*. Рынок вообще мало симпатичная вещь, когда он выходит из определенных границ. Поэтому необходимо открыто признать ограниченность экономической оценки дикой природы.

Есть необходимость привести также мнение европейского экофилософа Вильяма Годфри-Смита: *“Вера в то, что все ценности являются соизмеримыми, так что нет проблем в обеспечении удовлетворительного разрешения конфликта ценностей, связана с допущением о том, что ... экономика может обеспечить объективную структуру ссылок, в рамках которой могут быть удовлетворенно разрешены все конфликты интересов. Нам, однако, следует отметить, что при применении анализа расходов и прибылей существует неизбежная предвзятость в пользу ценностей того сорта, которые фигурируют в расчетах (...), которые легко измеряются количественно (...). Существует по крайней мере три категории ценностей и интересов, которые подвержены неадекватному суждению или вообще сбрасываются со счета. Во-первых, существуют ин-*

тересы тех, на кого оказывается воздействие... Во-вторых, есть интересы лиц еще не существующих, то есть будущих поколений. В-третьих, имеются интересы вообще не ассоциирующихся с людьми, такие как права диких животных”.

Другой американский экофилософ, Брайн Нортон, еще более категоричен: *“Защитники природы верят, что политика в области окружающей среды, основанная на чисто экономических причинах, приводит к разрушению скорее, чем к защите природы (...) Защитники природы отвергают ... экономический анализ из-за его статического характера — потому, что они верят в то, что некоторые наборы ценностей являются морально более предпочтительными. (...) Более обобщенно, защитники природы верят в то, что стратегия по сокращению спроса является более предпочтительной, чем стратегия по развитию предложения”.*

В основании работ экономистов и их сторонников, пытающихся подсчитать экономическую ценность заповедников или биоразнообразия, лежит серьезная методологическая ошибка. Она заключается в том, что, по их мнению, охрана природы и рациональное использование природных ресурсов — одно и то же. Это является большим идеологическим заблуждением многих советских природоохранников и их современных последователей. На самом деле мы имеем два разных понятия: целью рационального использования природных ресурсов есть получение большей экономической выгоды для большего количества людей в течение большего времени. Например, целью рационального использования охотничьих ресурсов является получение большего количества мяса и пушнины, целью рационального использования лесных ресурсов — получение древесины. В этом случае экономический подсчет уместен. Но в отличие от рационально-

го использования природных ресурсов охрана природы имеет совершенно иную цель — защиту природы ради нее самой. То есть убийство животного, рубка дерева, уничтожение участка дикой природы согласно природоохранным взглядам является неправильным, греховным по самой своей сути.

Охрана природы, в отличие от природопользования — прежде всего моральна. Так же, как скажем правозащитная деятельность, культура, медицина. Было бы абсурдом попытаться найти, скажем, экономическую стоимость правозащитной деятельности или стихов Сафо. Пусть их читают всего лишь десятки или сотни людей, но, в отличие от стихотворного бреда модных эстрадных певцов, они — пример высочайшей культуры. И поэтому не имеют цены. Ибо бесценны. Проблема многих наших соотечественников, что они не понимают творений Сафо и не могут их оценить.

Так же и с созданиями природы — видами флоры и фауны. Все они являются высочайшими творениями сложнейшего и длительнейшего эволюционного процесса. И также не имеют цены. Ибо бесценны.

Еще более опасными мне кажутся попытки некоторых экономистов оценить стоимость заповедников. Ведь заповедники, так же как храмы, театры, другие моральные человечески институты — суть хранилища нематериальных ценностей. В отличие от бань или стадионов, экономическую полезность которых в общем-то можно подсчитать. Непростительной ошибкой является на одни весы бросать такие совершенно различные понятия как священная территория, национальное достояние, альтруизм, добро, любовь, Ноев ковчег с одной стороны, и — рыночная стоимость, деньги, полезность, выгода — с другой. Рекомендации С.Н. Бобылева в конечном итоге влекут нас как раз к такой дикой морали, когда хорошим считается то, что можно есть.

Хочется сослаться также на мнение известного американского экофилософа Холмса Ролстона III, призывающего держать оставшиеся участки дикой природы вне рыночных отношений: *”вооруженные силы, полиция, суды, школы, музеи, церкви, научные общества, исторические парки — все они стоят денег и имеют бюджеты, но вместе с тем не являются бизнесом, деловыми предприятиями, от которых ожидалось бы получение прибыли... Их предназначение — производить недежные ценности. Сохранять дикое — стоит определенных денег, хотя и маленькую часть от того, чего стоят другие виды человеческой деятельности”*.

По мнению экофилософа, даже в случае полукультурных земель нужно четко отличать обыкновенный полудикий лес от участка, где выращиваются посаженные рядами под рубку сосновые плантации, и здесь рыночные вопросы также выглядят неуместно, поскольку мы хотим услышать и увидеть в лесу то, что не продается на рынке — пение соловья, запах мокрых листьев, кваканье лягушек. Этих благ невозможно ожидать от рынка.

Как считает Холмс Ролстон III, смыслом анализа природных ценностей не должно стать их приведение к одному экономическому показателю, а демонстрация широкого спектра их типов и уровней. *“Мы хотим, чтобы политика защищала эти ценностные измерения не потому, что они являются скрытыми экономическими ценностями, а потому, что они вообще не являются экономическими ценностями”*, — добавляет экофилософ.

Государство никогда не сможет получить экономическую выгоду от заповедников, национальных парков, заказников. Заповедное дело — это всегда убыточная отрасль. Так же как музеи, академическая наука, дошкольные учреждения. Но важность их, как правило, доказывается не с точки зрения эко-

номики, а с культурных, патриотических, политических, религиозных, этических и других позиций.

Заповедники многие называют храмами природы. Но настоящими храмами они станут только тогда, когда из них будут изгнаны торговцы.

Различные попытки обосновать экономическую выгоду природоохранных мероприятий свидетельствует лишь об одном — что в современном природоохранном движении не все в порядке с моралью.

“Экономисты-экологи попытаются оценить природные ресурсы и экологические функции, повысить “конкурентоспособность” природы в борьбе с техногенными решениями”, — говорит С.Н. Бобылев. Но тут же он пишет о том, что экономическая ценность природы заключается в обеспечении людей природными ресурсами, услугами и функциями.

Но для обеспечения людей этими “ресурсами и услугами” как-раз то и требуются часто пресловутые “техногенные решения”. Порочный круг получается, но странно, что его не замечает С.Н. Бобылев. Да, можно доказать, что знаменитую Долину гейзеров экономически выгоднее использовать не для добычи дешевой электроэнергии, а отдать толпам туристов. Но в итоге она все равно будет загублена: не за год, так за полстолетия.

В защиту своих взглядов сошлюсь еще на философскую идею, основанную на концепции высшего и низшего блага. Согласно этого подхода, даже наиболее утилитаристски настроенные философы XIX века всегда признавали, что существуют вещи столь большой идеальной ценности по своей сути, что они исключаются из любых расчетов, связанных с экономической выгодой. К таким вещам “столь большой идеальной ценности” и относятся наши заповедники и многие другие охраняемые природные территории.

Еще один существенный момент, мимо которого проходит С.Н. Бобылев. Дело в том, что каждое существо, участок дикой природы, экосистема обладает внутренней ценностью. Эта ценность независима от оценок оценивающего и является совершенно бесполезной для людей. Внутренняя ценность дикой природы, видов флоры и фауны не имеет цены — она имеет достоинство.

Как полагает американский экофилософ Бэрд Кэлликотт, один из главных мотивов для утверждения того, что дикая природа имеет внутреннюю ценность состоит в том, чтобы исключить ее из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка.

Так, люди попытались убрать с рынка человеческое существо, поставив вне закона рабовладение, попытались убрать секс с рынка, запретив проституцию.

Почему бы не убрать с рынка внутренне ценную дикую природу, поставив вне закона разрушительные для природы виды человеческой деятельности?

Нет, подход в охране природы может быть только один — экоцентричным и моральным. Человек должен ограничить свои потребности и оставить участки дикой природы в покое. Не для себя, а ради их самих.

Все остальное — от лукавого.

Я хочу сослаться еще на одного популярного американского экофилософа — Юджина Харгроува, который вообще ставит под сомнение экономический способ оценки природных ценностей как научный и объективный. По его мнению, во-первых, экономические ценности, власть денег стала такой преобладающей (в основном в западной цивилизации) лишь в последнее столетие. До этого в обществе почитались иные ценности. А если через некоторое время экономические ценности вновь обесценятся, как быть тогда с теми участками дикой природы, денежная сто-

имость которых оказалась низкой и их отдали на уничтожение? Не замучает ли тогда совесть людей, принявших решение на основе экономики, а не вечных ценностей — истины, добра и красоты? Более того, и сейчас на Земле есть культуры, где экономическая ценность мало что значит.

И во-вторых. Харгроув пишет: *“Могут возразить, что экономической ценности следует отдавать предпочтении перед остальными ценностями благодаря тому, что она объективно произошла из науки экономики. Но этот довод не убедителен, так как экономика — это не наука, а следствие этической теории XIX в., претендовавшей на звание науки.*

Современная экономическая теория основывается напрямую на утилитаризме, принявшем научный вид благодаря применению экономического жаргона в духе логического позитивизма.

В отличие от настоящих наук, основывающих свои теории на эмпирических исследованиях, экономика основывается на размышлениях об экономическом поведении так называемого экономического человека, действующего полностью в соответствии с рациональным эгоизмом, не являющимся даже рекомендуемой этической теорией.

Экономика не продемонстрировала то, что экономическая ценность объективно выше других ценностей, более традиционных, она просто игнорирует эти ценности. Причиной того (по крайней мере, частичной), что экономика была принята общественной политикой как объективный фактор, было обеспечение ею способа количественного определения ценности альтернатив в денежном выражении, но также и то, что на Западе стали путаться насчет объективной ценности в общем...”

И путаются до сих пор.

Испанский ученый Умар Ибрагим Вадилло, обсуждая вопросы исламской этики и экологии пишет: *“Изучение*

экономики — недавнее изобретение (примерно 200-летней давности). Многие считают, что это наука, но это не так. Например, в отношении конкретной экономической ситуации, в зависимости от политики и идеологии пишущего, существует много, часто конфликтующих интерпретаций”. По его мнению, в рамках ислама люди должны придерживаться по отношению к природе взгляда, совершенно противоположного взгляду экономики. Согласно исламской модели, то что справедливо, важнее того, что на первый взгляд представляется экономически эффективным.

Экономика напоминает мне “науку”, которая еще недавно называлась “историей КПСС”, когда с приходом к власти нового генсека менялась вся ее интерпретация.

Харгроув предлагает провести мысленный эксперимент; спрашивая, можно ли идеальную ценность Моны Лизы сравнить с ценностью ее полотна и дерева? Конечно, нет.

Ресурсную ценность (ценность полезности) и идеальную (духовную) ценность объектов искусства можно сравнивать лишь тогда, когда материалы, из которых они сделаны, очень дороги — золото, алмазы. Так как ценность полезности и идеальная ценность большинства произведений искусства несравнимы, то было бы чистым бредом предполагать, что решение о дальнейшем сохранении Моны Лизы зависит от ее рентабельности. Чтобы вопрос о рентабельности произведения искусства действительно встал серьезно, идеальная ценность его должна быть очень низкой. Именно из-за своей абсурдности такие расчеты при принятии решений в музеях искусства не учитываются. Однако, к сожалению, в отношении решений по охране, например, природной красоты, такими соображениями руководствуются не всегда.

В данном случае ресурсная ценность природного объекта является ценностью

полезности; ее духовная, эстетическая, религиозная, внутренняя ценности — ценностями идеальными.

Экономисты часто устраивают опросы, нацеленные на подсчет количества денег, которые люди будут согласны платить на поддержание заповедников. Однако такие расчеты кажутся респондентам маловразумительными. Холмс Ролстон III пишет: “Трудность заключается в том, что у респондента нет схемы, по которой он смог бы перевести социальное благо в рыночную стоимость, и мог бы интегрировать типы ценностей по шкале, соразмеримой с рыночной ценностью природных продуктов. Чем более активным он является, тем более далекой от того, на что он хочет указать, оказывается частная форма вопросов”. Взяв эти полуответы-полузагадки за базовые для расчетов, экономисты делают выводы о стоимости видов или участков дикой природы, которые по сути являются профанацией. Холмс Ролстон III продолжает: “И этот результат создает иллюзию математической точности, прикрывая сомнительные ответы в скомканном гипотетическом контексте”.

Как мы не в состоянии практически оценить гениальные произведения искусства, так же мы не в состоянии оценить денежную стоимость последних уголков дикой природы. И почти наверняка этого не знают и те, кто участвует в подобной рыночной деятельности.

Ясно, что Мона Лиза стоит огромную сумму денег, но настоящая ее ценность не денежная, а эстетическая, историческая, духовная. Так же и настоящая ценность видов и участков дикой природы не экономическая, а внутренняя, религиозная, духовная...

Американский экофилософ Джек Тернер с иронией замечает: “Для меня эта новая “этика” охраны природы [основанная на экономике — В.Б.] отдает цинизмом — как будто не сумев убедить и уговорить свою люби-

мую, вы внезапно переключаетесь на наличные. Новые экономические сторонники охраны природы думают, что они являются рациональными, я думаю, они относятся к Матери-Природе как к публичному дому. (...) Я верю, что классическая экономическая теория и все теории, которые она предполагает, разрушают волшебное кольцо жизни”.

И последнее. Опора на экономические расчеты в оценке природы очень опасна в идеологическом плане, ибо лишает природоохранников веских моральных и религиозных аргументов. Из природоохранников они незаметно

превращаются в “природопользователей” с их убогой и скучной рыночной философией. Итог этому может быть только один: природоохранные органы расформируются и передаются в ресурсные министерства. Что, собственно, и произошло в России (и чуть было не случилось в Украине) летом 2000 года. Опора на экономические аргументы в природоохранной идеологии в конечном итоге приводит к поражению, ибо заставляет защитников дикой природы приспособлять свои взгляды и действия к мировоззрению и поступкам потребительски-циничного большинства.

Охрана природы и религия: от науки к утопии?

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев

e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua; vgrishchenko@mail.ru

I

Еще совсем недавно на вопрос “Кто первый природоохранник у нас в стране” даже октябренок спросонок ответил бы не задумываясь: “Дедушка Ленин”. И труды, и биография основателя “первого в мире государства рабочих и крестьян” были “процежены” самым дотошным образом. Из них выудили все, имеющее хоть какое-нибудь отношение к охране природы. Десятилетия нам рассказывали, что Ленин и заповедники создавал, и леса охранял, и дичь оберегал. Потом оказалось, что все это в значительной степени мифы, а он был весьма жестоким не только по отношению к людям, но и на охоте...

Цвета флагов поменялись, а с ними и приоритеты. Теперь столь же усердно штудируются тексты священных книг различных религий в поисках подходящих цитат. На смену “природоохранной лениниане” пришла “природоохранная религиана”. Причина всей

этой бурной деятельности проста и понятна — это стремление освятить охрану природы высшими авторитетами. Желательно при этом не переходить границы здравого смысла.

Должен, правда, отметить, что священные книги, например, Библия, еще более многоплановы и противоречивы, чем труды классиков марксизма-ленинизма. При умелом манипулировании цитатами, особенно выдернутыми из контекста, можно подвести “теоретический базис” под диаметрально противоположные вещи. Тем более, что даже одни и те же цитаты можно по-разному трактовать. Так что ценность таких “обоснований” для здравомыслящего человека достаточно сомнительна.

Однако скептики скептиками, а религия имеет огромное воздействие на людей во всем мире. Естественно, это должно учитываться и использоваться в природоохранной деятельности. Так что, если кто-то хочет попробовать себя

на попроще “природоохранной теологии” — флаг ему в руки и Бог в помощь. Я ничего против не имею. И да простят меня коллеги за прозвучавшую выше иронию.

Но я не могу согласиться с тем, что религия провозглашается главной движущей силой охраны природы и тем более противопоставляется науке. Без науки охрана природы вообще невозможна, это просто смешно слышать. Религия дает лишь мотивацию, но нужно еще знать, *что* и *как* делать.

Сегодня любой более или менее культурный человек моет руки перед едой, чистит зубы, моет овощи и фрукты, прожаривает или проваривает мясо и рыбу, не станет хвататься за оголенный электрический провод и т. п. И делает он это вовсе не из-за религиозных предписаний. Просто он *знает*, что это важно для его здоровья. Религиозные же бытовые установки являются как правило лишь данью традициям (например, запрет на употребление свинины в исламе и иудаизме), рациональное зерно в них найти сложно. Жесткая религиозная регламентация повседневной деятельности была важна в далеком прошлом, когда об уровне образования подавляющей части населения говорить просто не приходилось, и она в определенной степени помогала человеку выжить.

II

Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянников (1999) почему-то только материалистическому мировоззрению приписывают представления о том, что “человек — царь природы”, “природа — ресурс” и т. п. А что в христианстве такого нет? Не из христианства ли взята сама идея о “царе”? По христианскому вероучению ведь Бог создал человека “по образу и подобию своему” и поставил его управлять миром. Скорее права Л. Уайт (1990), считающая, что корень современного экологического кризиса кроет-

ся в христианском антропоцентризме. Но и с ее выводами нельзя согласиться безоговорочно. Все было бы просто, если бы в “вотчине” других религий состояние природы было принципиально иным, но этого мы не видим.

Возьмем индуизм и буддизм. Европейцы часто восторгаются буренкой, спокойно лежащей посреди оживленной автострады в Индии. Но дикой природе-то от этого не легче. Стремительно растущее население (уже перевалившее за миллиард) надо чем-то кормить. То, что значительная часть его придерживается вегетарианства и соблюдает другие религиозные табу в питании, только усугубляет ситуацию, поскольку уменьшается разнообразие возможных источников пищи. Приходится все время увеличивать площадь возделываемых земель, все больше вбухивать в почву удобрений и пестицидов. В итоге площадь более или менее нетронутых участков природы все уменьшается, загрязнение почвы, водоемов, атмосферы все увеличивается. Правоверные индуисты по-прежнему считают священный Ганг чистым, хотя он давно уже является одной из наиболее грязных рек в мире. Священные коровы могут ходить где им хочется и есть что им хочется. Это ни в коей мере не способствует охране редких видов растений и животных.

Да, в Индии и ряде соседних стран есть немало священных рощ и других природных объектов, где многие животные и растения находят свои последние убежища. Многие, но не все. Уже практически исчез азиатский гепард, азиатский лев остался только в одном месте — в национальном парке “Гирский лес”. Причем для спасения львов пришлось выселить из национального парка часть населения, содержавшего огромное количество скота (Соколов, 1986). В странах с преимущественно индуистским и буддистским населением только среди млекопитаю-

щих под угрозой исчезновения оказались малайский медведь, индийская кошка, китайский, бенгальский и индокитайский тигры, олени барасинга, хангул, шоу, лира, таиландский, индокитайский, два подвида пятнистого оленя, мунтжак Феа, быки гаур и купрей, дикий як, индийский кулан и многие другие виды и подвиды. Главные причины их катастрофического положения — истребление человеком и разрушение мест обитания (Фишер и др., 1976; Соколов, 1986). Остается констатировать вслед за Б. Гржимеком: “Для диких животных места нет”.

Немало способствует истреблению животных также китайская и тибетская медицина, традиционно использующая для своих снадобий змей, панты, рога носорогов, многие виды растений и т. п. Как же быть с пресловутым принципом ахимсы? В 1929 г. в Китае панты южнокитайского пятнистого оленя стоили от 40 до 70 фунтов стерлингов (Фишер и др., 1976). Такие цены в нищей разоренной войной стране способны смести любые религиозные запреты. Увы, всегда находится подонок, для которого полный кошелек важнее чистой совести. Напомню, что во многих мусульманских странах за распространение наркотиков полагается смертная казнь, причем нередко публичная. Но искоренить это зло не удастся.

На что уж верен традициям Тибет, но и тут не все благополучно. На священных территориях дикие животные могут пока чувствовать себя спокойно, но не за их пределами. Кианги (тибетский подвид кулана) в Тибете почитаются не меньше, чем коровы в Индии, но вне священных территорий пастухи-тибетцы уничтожают их как конкурентов домашнего скота (Паклина, ван Орден, 2000). Причем религиозные табу еще усугубляют ситуацию. Поскольку мясо киангов в пищу не употребляется, приходится разводить еще больше скота, а значит истреблять и боль-

ше диких копытных, чтобы освободить пастбища. Бесмысленный порочный круг...

Как видим, в столь любимой экотеологами Юго-Восточной Азии религия лишь смягчила удар человека по природе, но не предотвратила его. Причем ситуация с редкими видами точно такая же, как и в других частях земного шара. В чем-то даже хуже, поскольку численность населения огромна, а денег на охрану природы нет. Точно так же напрямую преследованию в первую очередь подвергаются животные, представляющие либо экономический интерес, либо угрозу для человека. То есть, проблема не в религии, проблема в самом человеке.

Я бы не стал проливать много слез умиления и по поводу знаменитого принципа ахимсы — ненасилия по отношению к другим живым существам. Он биоцентричен, но не экоцентричен. Экоцентризм ставит интересы сообщества выше интересов одной особи. Ахимса при определенных обстоятельствах может стать и серьезным препятствием в охране дикой природы. Если домашние и полудомашние животные в стране размножатся сверх всякой меры, а численность их нельзя отрегулировать из-за религиозных табу, то диким животным будет просто негде жить и нечего есть, пусть даже их никто и пальцем не тронет. Не обязательно убивать животное напрямую, можно лишить его пищи и пристанища. По-моему, это еще хуже.

Принцип ахимсы доведен до крайности в джайнизме. Но пресловутое процеживание воды перед питьем — наивность с точки зрения биологии. Есть множество живых существ, которых нельзя удалить из воды никаким процеживанием. С точки зрения экологии это — вообще нонсенс. Экосистеме ни жарко, ни холодно от того, что кто-то проглотит на одну инфузорию больше. В данном случае человек забо-

тится прежде всего о себе — не причиняя вреда другим живым существам он стремится спасти свою душу. Но в охране природы не совершать зла мало, нужно еще и делать добро. А это не всегда можно совместить с ахимсой. Как быть, например, в том случае, если для спасения умирающего от голода птенца нужно накормить его гусеницами?

Боюсь, что “экологичность” восточных религий не более, чем очередной миф, пущенный в обиход западными экофилософами. Поскольку “нет пророка в своем отечестве”, приходится искать его в дальних странах. А Восток для человека западной культуры всегда был покрыт тонким флером таинственности. Любая религия — это целый комплекс: философское учение, обряды, этические нормы и т. д. И не нужно из этого сложного клубка выдергивать отдельные понравившиеся нити. Вряд ли кто-то из европейских природоохранников захочет принимать, например, индуизм с его жестким делением на касты. Основа вероучения буддизма — прекращение страданий через полный отказ от желаний. Можно ли охранять природу без желания чего-то достичь? Этика буддизма учит непротивлению злу, невмешательству в мирскую жизнь. Грубо говоря, ортодоксальному буддисту наплевать, что делается вокруг него, он занят самосовершенствованием. Или может быть природоохранники будут призывать своих политиков к бездеятельности, как тому учит конфуцианство и даосизм? Главная проблема восточных религий в плане охраны природы — их пассивность и созерцательность. Пусть рухнет мир, я занимаюсь спасением самого себя. Это эгоцентризм?

Я вообще сомневаюсь, что какая-либо религия может быть эгоцентричной. Это социальный институт. В центре каждой из них так или иначе находится человек. Цель религии — спасение

человека или его души. Только пути к этому предлагаются разные.

Любовь ко всему живому тоже еще не означает автоматически блага для дикой природы. Любовь, не подкрепленная знанием, — это именно тот случай, когда благими намерениями выстлана дорога в ад. Нежно любя свое чадо, мать может отказаться делать прививки, чтобы не доставлять ему лишних неприятных минут. Но если она знает, к чему это может привести, то сделает их. Именно из любви к ребенку. На протяжении нескольких веков в самых разных странах проводилось широкомасштабное истребление четвероногих и пернатых хищников. Одной из мотиваций этой бойни была как раз ложно понятая любовь — стремление защитить “бедных” зверюшек и птичек, страдающих от кровожадных тварей. Почему-то нынешние историки охраны природы “кроют” таких “любителей” вдоль и поперек.

Для дикой природы вообще наиболее важным является уменьшение антропогенной нагрузки на экосистемы. Один из путей к этому — повышение разнообразия использования природных ресурсов. Классический пример — саванны Африки. Если здесь разводятся одни коровы или овец, понадобится пустить под пастбища гораздо большие территории, чем при использовании мяса диких копытных. Они более полно потребляют растительность и не приводят к опустошению местности. То есть, убивая диких животных, мы тем самым совершаем благо для дикой природы — сохраняется больше нетронутых участков, да и для самих копытных останется “место на карте”, даже если вся дикая природа будет сведена на нет. Подобные “экологические фермы” уже появились в Восточной Африке. Благо, здесь есть еще и мощный стимул для этого в виде мухи цеце. С точки зрения многих религиозных и этических систем такой подход неприемлем,

но предлагаемый ими путь еще усугубляет проблемы дикой природы. Вопрос: что лучше — дать реальный шанс дикой природе пусть даже с ущербом для своего религиозного мироощущения или же заботиться только о благополучии своей души ценой гибели природы? Жизнь — достаточно сложная штука и поиск простых и шаблонных решений на все случаи — дело неблагодарное.

III

Хорошей параллелью с охраной природы является здравоохранение. Просто в первом случае речь идет о “здоровье” гораздо более сложной системы, чем организм человека. Что, в свою очередь, предполагает необходимость и более высокого уровня знаний.

Так вот, во время катастрофических эпидемий чумы в средневековой Европе не очень-то помогали молитвы, церковные шествия, сжигание ведьм и другие подобные средства. Чума не щадила ни крестьян, ни королей, ни иерархов церкви. Для того чтобы справиться с ней, нужно было просто понять, как она распространяется и построить в городах элементарную канализацию. Подобно этому не религия, а развитие медицины помогло обуздать холеру, тиф, оспу, цингу и другие опасные болезни*, уменьшить детскую смертность и продлить жизнь человека. Религия же часто была противником развития здравоохранения. Тут можно вспомнить многое: и то, как был сожжен испанский врач Мигель Сервет (даже не католиками, кстати, а

* Мне могут возразить, что появились другие, ничуть не лучше, СПИД, например. Так они будут появляться всегда — об этом говорит экологическая наука. Есть закон постоянства экологических ниш, который можно сформулировать так: “Свято место пусто не бывает”. Просто на обуздание очередного “подарка” нужно время.

кальвинистами), и то как церковь противилась первым прививкам против оспы.

Есть немало научных достижений, претендующих на звание “открытие XX века”, но одним из наиболее важных для человечества, несомненно, является открытие антибиотиков. Во время I мировой войны, например, от сепсиса после ранений погибло больше людей, чем на полях сражений. Молитвы, иконы, святая вода и прочие “чудодейственные” средства, увы, не помогали. Как не помогли русской армии победить японцев эшелоны икон, которые приходили на фронт вместо боеприпасов.

Религиозные каноны не очень-то способствуют и охране природы. Например, ее успех в конечном счете невозможен без обуздания демографического взрыва, но именно религиозные организации являются главными противниками регуляции роста народонаселения. Причем выступают они не только против аборт, но и элементарных противозачаточных средств.

IV

Предлагаемый “религиозный” путь охраны природы мог бы быть успешным разве что среди первобытных людей. Но за тысячи лет изменился не только быт человека, но и его менталитет. Для древнего язычника нарушение сакрального табу было личной катастрофой. Многие даже умирали от одного осознания того, что они преступили запрет. Дж. Фрэзер (1980) приводит много примеров этого. А. Швейцер, работавший врачом в Габоне, рассказывал о таком случае: молодой и здоровый африканец умер в госпитале из-за паралича дыхания только потому, что садясь в пирогу, случайно раздавил паука, считавшегося тотемом его племени (Заянчковский, 1991). Религиозные запреты были четкими и однозначными, как для нас сунуть пальцы в розетку.

Но даже в древности более близкие к природе религии не помешали человеку уничтожить многие виды животных, сводить леса на огромных территориях и плодить пустыни. Это хорошо показал еще Жан Дорст (1968). “В деградации обширнейших районов мира, и главным образом большей части Средиземноморья и Ближнего Востока, произошедшей задолго до наступления промышленной цивилизации, повинны скотоводы”, — писал он. “Кочевник является не столько сыном пустыни, сколько ее отцом”, — утверждал Рейфенберг (цит. по: Дорст, 1968). Посмотрите на карту: пустыни сейчас простираются на месте многих древнейших очагов цивилизации — в Северной Африке, Палестине, Месопотамии. И не только изменения климата тому виной.

Пролетая над восточной частью полуострова Малая Азия, я был поражен унылой картиной — на большом протяжении под крылом самолета тянулись однообразно безжизненные бурые холмы. А ведь здесь когда-то процветали древнейшие земледельческие культуры, Чатал-Хююк, например (VIII–VII тыс. до н. э.). Земля буквально истекла молоком и медом. Охотникам не нужно было долго гоняться за добычей, ее везде хватало. Некоторые ученые даже склонны считать богатейшую природу Ближнего Востока в древности прообразом садов Эдема (Николаев, 1999). Где это все? Получается, человека никто не изгнал из рая, он сам его опустошил и испоганил.

Склоны Ливанских гор так и остались голыми после сведения кедровых лесов. Немало кедров, между прочим, ушло на постройку знаменитого храма царя Соломона. Вот что писал об этом И. Ефремов в “Таис Афинской”: “Уничтожить колоссальное дерево казалось [размышления Таис — В.Г.] посягательством человека на святые

права Геи, кормилицы всеприносящей. Несомненно, это должно караться особой немилостью матери-Земли. Здесь наказание проявилось в бесчисленных грядках выжженных солнцем хребтов, раскаленные камни которых днем и ночью источали душный жар” (Ефремов, 1976). Такими они пребывают и по сей день. Сделано все это было за сотни лет до появления “христианского антропоцентризма”.

Можно копнуть еще глубже. Широкому распространению саванн в Африке и прерий в Северной Америке способствовали древние охотники, выжигая леса. “Даже первобытный человек своей деятельностью мог наложить отпечаток на целый континент”, — делает вывод Ж. Дорст (1968).

Для современного же человека религиозные предписания уже являются в значительной степени условностью. Вообще вид *Homo sapiens* проявил чудеса приспособляемости. Причем в отличие от других биологических видов он научился не только приспособливаться сам, но и приспособливать под себя все окружающее. Включая и религию.

Христианству уже без малого две тысячи лет, а знаменитые заповеди: “не убий” и “не укради” прозвучали еще раньше. Что, с распространением христианства по всему миру перестали убивать или грабить? Да как раз наоборот. Религия дала новый прекрасный повод для этого — иная вера человека.

Посягать на имущество соседа нехорошо, но если ты “добропорядочный” католик, а он — гугенот, значит все простится. Во время резни в Варфоломеевскую ночь разве что кучка отпетых фанатиков преследовала религиозную цель — борьба за “истинную” веру. Для королевского же двора и приближенных вельмож было важно уничтожить политических соперников. Для толпы парижан это вообще было прекрасным поводом пополнить коше-

лек, разделаться с недругами да и просто поразвлечься. Облава на людей ничуть не хуже охоты на оленей или кабанов. То же самое относится и к крестовым походам. “Гроб Господень” служил лишь благовидным предлогом. Это были походы за славой и богатством. Поведение европейских рыцарей было далеко не рыцарским. Орден тамплиеров, разжиревший во время крестовых походов, был в средневековой Европе одной из наиболее богатых и могущественных организаций (что его и погубило, в конце концов). Во время войны с “неверными” крестоносцы захватили и вполне христианский город Константинополь. И если о делах на Ближнем Востоке у нас мало известно, то Тевтонский орден Девы Марии знаком славянам и балтам не понаслышке.

Арабы и славяне смогли отбиться от непрошенных гостей, но этого не удалось сделать коренным народам Америки, Африки, значительной части Азии и тем более Австралии. Не будем забывать, что конкистадоры шли не только с мечом, но и с крестом. На протяжении веков христианская Европа высасывала соки из поработанных народов, опустившись до поголовного истребления целых племен и работорговли. Европейцы охотно говорили о любви к ближнему в церкви, но не спешили применять эту заповедь на практике. Что хоть немного поддерживало моральный авторитет христианства в колониях, так это подвижническая деятельность отдельных миссионеров. Но они, увы, были бессильны остановить ни грабеж, ни убийства, ни работорговлю.

Среди переселенцев, которые массово повалили в Северную Америку с XVII века, было много представителей различных протестантских течений, которые подвергались преследованиям на родине (самыми первыми на знаменитом “Мэйфлауэре” в 1620 г. прибыли “отцы-пилигримы”). Они весьма ревностно следили за соблюдением Божь-

их заповедей, но это не касалось “дикарей”. Именно с пуритан-пилигримов берет начало истребление индейцев. Вскоре европейцы додумались как переложить эту грязную работу хоть частично на плечи самих краснокожих. Они не только давали индейцам оружие и натравливали племена друг на друга, но и стали платить за скальпы. Первоначально обычай снимать скальпы встречался лишь у нескольких племен. Считалось, что с волосами победитель забирает и жизненную силу поверженного противника (Stingl, 1963). “Желтый дьявол”, однако, сделал свое дело и обычай этот быстро распространился на огромной территории.

Это “дела давно минувших дней”? Можем перейти к более близкой истории. Именно христианские страны развязали в XX веке две мировые войны. Именно христиане “угостили ближнего” атомной бомбой. Все это при том, что “не убий” является одной из важнейших заповедей христианства. Именно христианские страны занимают сегодня лидирующие позиции в торговле оружием, хотя все прекрасно понимают, зачем оно покупается.

Должен с сожалением констатировать, что всегда в истории человечества, когда появлялась насущная потребность отступить от выполнения религиозных заповедей, находились причины и обоснования, почему нужно и можно это сделать. Религиозные и завоевательные войны, геноцид, инквизиция — примерам несть числа. Гитлеровцы ведь тоже считали, что “с ними Бог”. Вспомним народное восстание в Центральной Украине в 1768 г. — Колиивщину. Хорошо известен эпизод, когда повстанцы освятили ножи в Мотронинском монастыре в Холодном яру. Я все понимаю — и народный гнев, и желание заранее списать свои грехи. Но я не понимаю священника, который освящает орудие убийства. Можно хоть Бога не впутывать в свои кровавые рас-

при... Мне могут возразить, что людей просто довели до этого, что православная церковь в Украине также вынуждена была бороться за свое существование. Но и я о том же — когда припечет, всегда находится причина, по которой можно отступить от выполнения неприемлемых в данный момент предписаний. Много ли войн смогла предотвратить христианская церковь? Совсем свежий пример — бомбардировка Югославии.

Переведем дух. Копание в гнойных ранах — дело неприятное, но если хочешь их залечить — приходится это делать. Пусть простят меня верующие — я не собираюсь нападать на церковь, этот анализ важен для того, чтобы обосновать выводы, о которых будет идти речь ниже. А что касается истории, то у Иоанна Павла II уже достало мужества признать, что католическая церковь была не всегда права в прошлом. Эта статья вообще-то об охране природы. Но поскольку многие природоохранники считают, что религия — панацея от всех бед с этой сфере, я вынужден пуститься в это плавание по волнам религиозных течений, чтобы понять, можно ли с ними согласиться.

По Корану считается преступным давать деньги в рост. Тем не менее, это не мешает существованию банков в мусульманских странах. Просто они получают не процент от кредита, а долю от прибыли. Люди смогли приспособить для своих целей и непреложные установки Пророка. Религиозные представления о белом аисте как душе мусульманина не очень-то мешают охотиться на него. Наибольшее количество аистов гибнет именно в мусульманских странах — Сирии, Ливане, Египте, Судане. Причем во многих местах на них охотятся не только местные жители, но и приезжие богатые арабы (Schulz, 1988). В ортодоксальном исламе охо-

та вообще рассматривается как небогоугодное дело. Так, в Бухарском ханстве охота с ловчими птицами для должностного лица считалась по шариату занятием недостойным и греховным и была возможна лишь с разрешения высокопоставленного духовного лица (Симаков, 1998). Но вельможи преспокойно получали эти разрешения и охотились. Ни для кого не секрет, что и сейчас основными покупателями ловчих соколов являются богатые арабские шейхи.

Буддизм исповедует ненасилие, непричинение зла живым существам. Но, увы, буддистские монахи-фанатики участвовали и в политических терактах, и в уличных беспорядках.

Знаменательно, что коррида — далеко не самое гуманное и этическое развлечение — практикуется в одной из наиболее религиозных стран Европы. В не менее религиозной Италии процветает с позволения сказать “охота” на мелких воробьиных птиц. Любые доводы природоохранников отменяются тем, что это традиции местного населения. В той же Италии белый аист, любимец всей Европы, перестал гнездиться еще в XVII в. из-за преследования человеком (Brichetti, 1982). Случилось это, как видим, не в наши дни, когда такое отношение к птице можно списать на “охлаждение в вере”, а еще в то время, когда “охладевших” подогревали на кострах.

Печальный вывод. Подавляющее большинство религий призывают к миру, добру, справедливости. Но все благочестие заканчивается, как только дело доходит до распределения материальных благ, в лучшем случае его хватает на себе подобных *. Ведь многочисленные расколы и в христианстве,

* Можно возразить, что были и праведники, строго соблюдавшие заповеди, несмотря ни на что. Да, но их было мало и, к сожалению, не они “делали погоду”.

и в исламе, и в других религиях были обусловлены прежде всего борьбой за сферы влияния. Идеологическая подоплека вторична по отношению к этому. Религиозные установки отодвигались вообще на второй план, как только они начинали противоречить коренным интересам общества. Человек мог просто сменить религию, когда она переставала его устраивать. Мировые религии быстро вытеснили локальные культы не в последнюю очередь потому, что они больше подходили верхушке развивающегося общества, лучше помогали удерживать подчиненных в повиновении. Часто новые религии вообще насильно насаждались сверху, вспомните хотя бы историю крещения Руси. Многие представители коренных народов Америки и Африки объясняли свой переход в христианство тем, что “бог белых людей” оказался сильнее их племенных богов. Когда установки католицизма пришли в противоречие с развитием экономики, появился протестантизм — религия капитализма.

Борьбой за влияние на людей, а значит и доходы, объясняется и многовековая война церкви с наукой. Христианство учит терпению, смирению, любви, но святые отцы предпочитали не “подставлять другую щеку”, а уничтожать оппонентов, покусившихся на их власть над миром. В этом году исполнилось 400 лет со дня убийства инквизиторами одного из крупнейших мыслителей эпохи Возрождения Джордано Бруно. Наверное трудно найти более или менее образованного человека, который бы не знал этого имени, но мало кому известно, что сожгли его не только и не столько за философское учение. С этим церковь еще могла бы смириться, но Джордано Бруно покусился на святая святых — он потребовал отобрать доходы у монастырей.

Никакая религия не смогла остановить неуклонное развитие техническо-

го прогресса и возрастающее господство человека над природой. Связано это прежде всего с тем, что никакой религии не удалось изменить природу самого человека. В каждый биологический вид Создателем* заложено стремление к неукротимой экспансии. У природы есть эффективные регуляторные механизмы, позволяющие удерживать эту экспансию в определенных рамках. Человек сумел ослабить действие этих механизмов, прежде всего за счет того, что научился не только приспосабливаться к среде обитания, но и создавать ее искусственно. Преобразование природы зашло слишком далеко, и человеку необходимо разумное самоограничение. Но преодолеть “видовой эгоизм” не так-то просто.

Заповеди “не убий” есть в той или иной форме в очень многих религиозных учениях. Однако победить природную агрессивность человека пока еще никому не удалось (я имею в виду не отдельных людей, разумеется). Можно считать даже, что она возрастает, поскольку число жертв сейчас неизмеримо больше, чем в древности. Объяснить это можно чисто биологическими закономерностями: численность вида *Homo sapiens* давно переросла все разумные пределы и в действие включились природные регуляторные механизмы. Об этом прекрасно сказал Конрад Лоренц в своей знаменитой книге “Агрессия (так называемое “зло”): человечество не потому агрессивно, что разделено на враждующие группировки, как раз наоборот, оно структурировано таким образом именно в связи с тем, что это дает выход социальной агрессии. Это же отмечает и В.Р. Дольник: “Сигнал “тут кто-то лишний” [сигнальный фактор среды, косвенно указывающий виду на избыточность его

* Понимайте в данном случае этот термин каждый по своей вере: Богом, эволюцией — не суть важно.

численности — В.Г.] запускает имеющуюся почти у всех видов и служащую многим целям программу “найди своих и отделись от чужих; вместе со своими прогони чужих”. <...> В благополучной обстановке люди обычно относятся к “ненашим” мирно, часто проявляют интерес, а иногда и симпатии, гостеприимство. Но соберите детей в школу — и через несколько дней одноклассники — свои, а параллельный класс — чужие. Скучьте их, собрав из нескольких городов, в летнем лагере или (более старших) в казарме — и они тотчас разделятся по признаку землячества, о котором вчера еще и не думали. Распадутся на “своих” и “чужих” мы можем по расам, национальности, языку, религии, классам, занятию, взглядам, цвету волос, одежде — все годится, только скучьте нас, лишите благополучия. Группа или популяция вскипает неприязнью к “чужим”, может проснуться ненависть, проявиться неслыханная жестокость” (Дольник, 1992).

К чему я веду? А к тому, что разум, знание могут быть более эффективными ограничителями “видового эгоизма”, деструктивной деятельности человека. Не религия предотвратила развязывание третьей мировой войны в XX веке, ставшей бы термоядерной. Просто человечество *поняло*, что она может закончиться всеобщей гибелью. Нарисованная учеными картина “ядерной зимы” оказалась страшнее полотна со страшным судом. Ядерные страны предпочли показывать свои “дубинки” издали, но не пускать их в ход. Убийство миллионов, как известно, не преступление, а политика. И любой политик найдет множество доводов, почему он в данный момент не может выполнить Божьи заповеди *. А вообще он, конечно, за. Он ходит в церковь

* Ну как тут не вспомнить А. Галича:
“А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом”.

(мечеть, синагогу), молится Богу, читает священные книги. Может быть даже членом христианской (исламской, иудейской) партии.

Ни индуизм, ни какая-либо другая религия не помешали Индии обзавестись ядерным оружием. Как его совместить с принципом ахимсы? Политические интересы, как обычно, оказались сильнее любых верований. А коров в Индии по-прежнему не трогают...

Многие страны сейчас идут на существенные ограничения в хозяйственной деятельности, осознав, что глобальные изменения климата чреватые, мягко говоря, неприятностями.

Я ни в коей мере не собираюсь умалять роль религии в жизни общества. Повторю то, что сказал в начале этой статьи: она не может быть *главной* движущей силой в охране природы. Религия в данном случае может и должна содействовать науке.

Человечество должно пойти на существенные самоограничения, и важно это сделать *сознательно*. Воздействие через религию на подсознание, конечно, тоже немалая сила, но человек уже давно научился этим манипулировать, что я и попытался показать выше. Он найдет множество уловок или вообще другую веру, которая не требует от него таких жертв. Сделать сознательный выбор важно еще и потому, что самоограничение должно базироваться на накопленных знаниях. Оно должно быть, с одной стороны, приемлемым для человека, с другой — достаточным для природы. Никто не захочет возвращаться в пещеру, отказаться от автомобиля, телевизора, телефона, компьютера. Но вполне можно отказаться от производства оружия массового поражения, определенных химических веществ, разрушительных преобразований ландшафта и т. п. И чтобы эти жертвы не превратились в символические пожертвования, важно знать, что они дают природе. А для этого нужны не жрецы

от природы, а квалифицированные экологи и кропотливые научные исследования.

V

В.Е. Борейко (1999, 2000) пишет о новой природоохранной религии, основанной “на почитании участков дикой природы как священных мест”. Идея эта благородна, но, увы, я не могу назвать ее конструктивной. Исходя из логики развития религий, можно ожидать, что со временем появится единая религия для всего человечества. Но вряд ли это произойдет в обозримом будущем, да и будет ли она менее антропоцентричной — еще большой вопрос.

Есть целый ряд проблем, разрешить которые не так просто.

Первое. Уже существующие религиозные организации не очень-то ладят и друг с другом, а уж появление нового “конкурента” и тем более не будет воспринято с восторгом. Так, в Украине есть три православные церкви, которые отличаются только своим подчинением. Договориться об объединении они никак не могут. Идет банальная, вполне мирская и греховная борьба за власть и деньги прихожан. Призывать к созданию новой религии можно в США, где мирно уживаются друг с другом едва ли не все существующие в мире верования. В бывшем же Советском Союзе, где традиционно сильны несколько религий, с этим будет гораздо сложнее.

Второе. Человек консервативен, особенно в вопросах религии. Это прежде всего традиция и важный элемент самоидентификации по принципу “свой — чужой”. Казалось бы, какая принципиальная разница как креститься — двумя пальцами или тремя, петь псалмы по-латыни или на родном языке? А за это люди шли на смерть. Давно ли у нас человека, сменившего вероисповедание, приравнивали к изменнику родины? В связи с этим я не ожидаю

большого числа желающих стать “неофитами” природоохранной религии. То есть, создать удастся лишь очередную экзотическую секту для узкого круга интеллектуалов, которая не будет иметь заметного влияния на общество. Так стоит ли огород городить?

В.Е. Борейко (2000) полагает, что *“Религия природоохраны ... может объединить как людей, исповедывающих ту или иную религию, так и атеистов, людей верующих и религиозных”*. Я лично сомневаюсь, что многие атеисты встанут под эти знамена, но с ними договориться как раз гораздо проще, чем с людьми, искренне верующими. Невозможно молиться двум богам сразу. Это утопия. Главные заповеди и иудаизма, и христианства, и ислама говорят о том, что Бог един и нельзя поклоняться кому-либо другому: “Не сотвори себе кумира”, “Нет бога, кроме Аллаха” и т. д.

Не могу согласиться со следующим положением: *“Религия природоохраны противостоит изучению дикой природы. Ибо то, что понятно, большинством не ценит. Дикая природа должна оставаться неисследованной, чтобы вызывать чувство благоговения, почитания, священности. Ведь почитают то, что не понимают”* (Борейко, 2000). Ну, во-первых, последнее утверждение — вообще полная ерунда. Почитать и ценить, например, классическую музыку или живопись может лишь человек, который хоть немного в них разбирается. Для широкой же публики, не отягощенной лишними знаниями, более ценной является низкопробная “попса”. То же самое и в дикой природе. Если человек не разбирается, чем дуб отличается от березы, что он может оценить? Да он как минимум должен понимать, что такое дикая природа и чем лес отличается от парка. Подобно этому и в храме — надо хоть знать, где икона, а где кадило, и понимать, почему там столпилось так

много людей, вместо того чтобы погулять по свежему воздуху.

Интересно, как увязать процитированное выше теоретическое положение с практикой работы Киевского эколого-культурного центра — повышение престижа охраняемых природных объектов путем распространения определенной информации о них (см., например, статью В.Ф. Руденко в этом номере журнала)? Для того чтобы человек стремился сохранить вековой дуб, почитал его, он должен понимать, чем он ценен.

О противопоставлении религии науке речь будет идти ниже, но в данном контексте это звучит вообще кощунственно. Как можно что-либо охранять не изучая? Да банальная инвентаризация сохранившихся уголков дикой природы — это уже исследование. Далее по каким-либо критериям нужно определить участки, которые могут претендовать на роль “святилищ”. Это можно сделать без науки? Или они нам будут явлены путем откровения? Но просто оградить их и поклоняться — не получится. Даже древние храмы приходится время от времени реставрировать, чтобы спасти от разрушения, а живая природа устроена гораздо сложнее, чем кирпичная кладка. Увы, не получится объявить “святилищем дикой природы” целый континент и изгнать оттуда людей. А значит “святилищам” придется сосуществовать со вполне “мирскими” территориями и подвергаться “греховному” воздействию человека. И это сосуществование надо как-то оптимизировать, а нередко и компенсировать действие антропогенных факторов. Кусок древней доски со следами краски представляет интерес для историка или искусствоведа, но верующему человеку для молитвы нужна нормальная икона. То же самое и в дикой природе. Чудесный водопад, превратившийся в кучу камней только потому, что река ушла в другое русло,

уже не будет вызывать того ощущения святости. Во имя торжества философской идеи — сохранения участков природы непременно в “дикости”, т. е. без какого-либо вмешательства, — это вполне сойдет. Но чему поклоняться-то? Что будет вызывать иерофанию? Напомню, что речь идет о религии, а не просто охране дикой природы. Икона сгнила из-за нерадивого хранения. Давайте сначала определимся, что нам важнее — природа или абстрактные философские идеи?

Еще пример. Представим себе прекраснейшую горную долину с небесной синевы озерами, изумрудной зеленью альпийских лугов и молчаливым величием ледников на заднем плане. Мы ей поклоняемся, благоговеем и т. д. Но вот из-за глобального потепления климата (от которого не отгородиться никакими заборами) усиливается таяние этих самых ледников. Увеличивающийся сток горных ручьев и рек грозит затопить священную долину водой и селевыми потоками. Должны ли мы отвести эти воды во имя спасения священного места или же нужно оставить все на самотек (в буквальном смысле этого слова) во имя сохранения его “дикости”? Совместить поклонение конкретным природным объектам и сохранение природы в “дикости” удастся далеко не всегда. Природа не статична, а динамична.

В.Е. Борейко (2000) пишет, что “*религия природоохраны основана на спасении дикой природы*”. Ну, во-первых, охрана природы гораздо шире, чем просто спасение дикой природы. Во-вторых, почему нельзя поклоняться *посаженному* давным-давно величественному дубу, растущему в парке, или последнему представителю какого-нибудь животного вида *в клетке*? Если бы мне показали где-нибудь в зоопарке живого странствующего голубя, я бы встал перед ним на колени и попросил прощения за то, что человек сделал с его сорос-

дичаи. Поклоняться можно по-разному. Непременное условие *дикости* в данном случае вторично.

И почему чувство благоговения должно непременно вызывать то, что не исследовано? Да как раз наоборот, настоящее благоговение вызывают, например, “живые ископаемые” — латимерия и гаттерия. Именно потому, что мы *знаем*, что это осколки древней жизни. Мы ценим и почитаем участок девственной степи в Аскании-Нова как раз потому, что *знаем*, что здесь никогда не гулял плуг. Заросшая травой залежь не порождает таких чувств. Подобно этому благоговение вызывают древние храмы, именно потому что *известен* их возраст или связанные с ними исторические события. Например, то, что Десятинная церковь стала братской могилой для последних защитников Киева во время монголо-татарского нашествия. К новым постройкам, пусть даже грандиозным, отношение все-таки несколько иное. Одной из главных иудейских святынь является Стена Плача, именно потому, что все *знают* о том, что это остатки Иерусалимского храма. Кто стал бы поклоняться каменной стене неизвестного происхождения? Настоящие святыни еще нужно искать. А для этого нужны *исследования*.

Что касается охраны и благоговения, то тут возможен и противоположный подход. Я хочу привести слова Конрада Лоренца: “...если сегодня основательно известны функции пищеварительного тракта и на основании этого медицина, особенно кишечная хирургия, ежегодно спасает жизнь тысячам людей, мы здесь обязаны исключительно тому счастливому обстоятельству, что работа этих органов ни в ком не вызывает особого почтения и благоговения. Если, с другой стороны, человечество в бессилии останавливается перед патологическим разложением своих социальных структур, если оно — с атомным оружием

в руках — в социальном плане не умеет себя вести более разумно, нежели любой другой животный вид, это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что собственное поведение высокомерно переоценивается и как следствие исключается из числа природных явлений, которые можно изучать. Исследователи — воистину — совершенно не виноваты в том, что люди отказываются от самопознания” (цит. по: Шупер, 2000).

В.Е. Борейко сосредотачивается только на положительных сторонах религиозного мировосприятия, совершенно забывая об отрицательных. Это прежде всего догматизм и фанатизм. Я не хочу, чтобы поборники “зеленой” религии через какое-то время проповедовали замшелые обветшалые догмы, давно не соответствующие реальному положению вещей и представлениям о природе, которую они собираются охранять. Коммунисты уже пытались строить экономику по заповедям Маркса из прошлого века. Что из этого вышло — известно. Я не хочу, чтобы фанаты “природоохранной религии” громили храмы “иноверцев” или, разделившись на два непримиримых лагеря, цеплялись друг другу в волосы по поводу того, например, считать ли антропогенную лесостепь “дикой” природой. На что уж мирная религия индуизм, но посмотрите на взаимоотношения индуистов и мусульман на северо-западе Индии или индуистов и буддистов в Шри Ланке. И кто знает, было бы так много “эмигрантов” из христианства во всевозможные секты и “экзотические” восточные религии, если бы оно более толерантно относилось к попыткам реформирования явно устаревших положений? Ведь, например, у человека, знакомого хотя бы со школьным учебником, библейская хронология с сотворением мира семь с половиной тысяч лет назад вызывает как минимум недоумение. И не потому ли та-

кой успех имеют новые диссиденты *, к примеру, Александр Мень, что они пытаются приблизить религию к запросам сегодняшнего дня?

Я считаю, что вовсе нет необходимости связывать священность дикой природы с религией. Тем более, что природоохранная религия *“не предполагает присутствия в дикой природе божества, а только почитает ее как священную”* (Борейко, 2000). Для любого нормального человека священными являются такие понятия как мать, родина, любовь и т. д., но религия тут совершенно ни при чем. Лучше опираться на общечеловеческие ценности.

На протяжении десятков лет в бывшем СССР люди поклонялись памятникам погибшим в годы Великой Отечественной войны, ухаживали за братскими могилами как за святынями. И далеко не все делали это из религиозных побуждений. Просто память погибших за родину священна. Сегодня у одних и тех же памятников склоняют головы и православные, и католики, и мусульмане, и буддисты. Святынями являются и могилы многих выдающихся личностей. Есть области, в которых находят общий язык даже непримиримые друг к другу религии. Одной из них и должна стать охрана природы.

По моему мнению, нужно говорить не о новой религии, а о новой этической системе. Ее и создавать не надо, она уже есть. Это — эгоцентризм, базирующийся на *“Этике земли”* Олдо Леопольда. Основные его идеи изложены в прекрасной книге *“Календарь песчаного графства”* (Леопольд, 1983), которую я считаю настоящей *“библией”* природоохранника. Вот что пишет по этому поводу Б. Кэлликотт: *“... “Этика земли” Леопольда не основана на*

религиозных верованиях, она также не является расширением этической парадигмы классической западной моральной философии. Она скорее основана на эволюционной и экологической биологии. Следовательно, большинство неантропоцентрических природоохранных биологов вне зависимости от их религиозной или культурной подготовки находили “Этику земли” Леопольда интеллектуально близкой по духу” (Кэлликотт, 1999). Такая этическая система будет объединять людей по принципу их отношения к природе, вне зависимости от религиозных взглядов. В охране природы нам как никогда нужно единство и совершенно ни к чему межконфессиональные дразги.

Вообще охрана природы — целый комплекс сложных и взаимосвязанных проблем. Для их разрешения очень важна свобода *сознательного* выбора. Вера же предполагает подчинение религиозным предписаниям без рассуждений. Надо ли говорить о том, что наши представления о протекании тех или иных природных процессов могут многократно меняться, соответственно этому приходится корректировать и свои действия. Религиозные же догматы остаются неизменными.

На примере эгоцентризма можно показать преимущества не религиозной этической системы. Б. Кэлликотт (1999) пишет, что некоторые положения *“Этики земли”* уже требуют пересмотра в связи с дальнейшим развитием экологии. Особых возражений это не вызывает, так и должно быть. Перефразируя известное изречение, можно сказать: *“Эгоцентризм — не догма, а руководство к действию”*. А попробуйте изменить, например, идущие из глубины тысячелетий представления о кошерности у иудеев.

Я не отрицаю полностью идею *“религии природоохраны”*. Если кому-то хочется поклоняться диким местам — это его дело. Есть, в конце концов, такое понятие — *“свобода совести”*. Один

* Напомню, что слово это религиозного, а не *“политического”* происхождения. Диссидентами первоначально называли людей, несогласных с господствующей религиозной доктриной.

из главных устоев демократического устройства общества. Но эту идею еще нужно довести до ума — убрать многочисленные несуразности и противоречия. Однако если новая религия пойдет по пути многих других — признание своего учения единственно верным и отрицание науки, ничего хорошего из этого не получится. Не нужно уподобляться лидеру одной из ветвей протестантизма в средневековой Европе Жану Кальвину, который изрек: *“Я предпочел бы истребить все человеческие науки на Земле, если бы они являлись причиной охлаждения христианского рвения и отращения от Бога”* (цит. по: Шендерович, 2000). Давайте не будем забывать, что стремление к познанию себя и окружающего мира заложено в нас Создателем *. В биологии есть термин “ориентировочно-исследовательский рефлекс”. Это врожденный рефлекс, он проявляется уже у детенышей животных и маленьких детей, когда ни о какой сознательной деятельности и речи нет. Охраняя природу, не нужно противиться самой природе.

VI

Религия и наука могут вполне ужиться друг с другом (что, собственно, и происходит, попытки какой-либо из них вытеснить другую так ничем и не увенчались) при условии разумного компромисса — если ни одна из сторон не будет претендовать на обладание истиной в последней инстанции. Знание, т. е. разум, и вера могут дополнять друг друга **. Разум без веры способен превратиться в разрушительное начало, но и вера без разума может быть не менее

* См. примечание на стр. 19.

** Религия и наука, разум и вера противоположны в своих подходах, но, как известно из диалектики Гегеля, единство и борьба противоположностей как раз и являются источником развития.

разрушительной. Нет ничего хуже слепого религиозного фанатизма, когда человек, минуту назад рассуждавший о благочестии, добре, справедливости, вдруг теряет все человеческое и превращается в злобное и беспощадное существо только потому, что встречает другого человека, имеющего иной взгляд на его святыни. Сколько кровопролитных войн произошло лишь из-за того, что люди по-разному представляли себе Бога, или молились тому же Богу, но другими словами!

Здесь уместна одна цитата. *“Вера и разум — это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины, ибо Сам Бог вложил в умы людей стремление к познанию истины, а также к познанию Его Самого, чтобы люди, познавая и любя Его, смогли найти полноту истины о себе самих. <...> Истина, которую Бог явил нам в Иисусе Христе, не противоречит истинам, которые можно постичь в результате философских размышлений. Напротив, эти два способа познания ведут к полноте истины”*. Это — Иоанн Павел II, энциклика “Fides et ratio” — “Вера и разум” (цит. по: Гинзбург, 2000).

Что касается веры, то у каждого может быть свой путь к Богу. Один из них — познание законов природы для сохранения всего созданного Им.

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
 Борейко В.Е. (2000): Постижение экологической теологии. Киев. 1-87.
 Гинзбург В. (2000): Религия и наука. Разум и вера. - Наука и жизнь. 7: 22-29.
 Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
 Ефремов И. (1976): Таис Афинская. М.: Молодая гвардия. 1-512.
 Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.

- Заянчковский И.Ф. (1991): Животные, приметы и предрассудки. М.: Знание. 1-256.
- Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. (1999): Природа и люди России. Основание к пониманию проблемы. М. 1-112.
- Кэликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Николаев Г. (1999): Райские сады на земле — были! Так считают археологи. - Наука и жизнь. 3: 82-86.
- Паклина Н.В., ван Орден К. (2000): Кианги и другие обитатели Тибета. - Природа. 1: 40-49; 2: 35-44.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Соколов В.Е. (1986): Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие. М.: Высшая школа. 1-519.
- Уайт Л. (1990): Исторические корни нашего экологического кризиса. - Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс. 188-202.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-480.
- Фрэйзер Дж. Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Шендерович А. (2000): Костры из книг. - Наука и жизнь 9: 20-26.
- Шупер В. (2000): Пружина территориального развития. - Знание — сила. 3: 46-52.
- Brichetti P. (1982): Distribuzione geografica degli uccelli nidificanti in Italia, Corsica e nelle isole Maltesi. - Natura Bresciana. Ann. Mus. Sc. Nat. Brescia. 19: 97-157.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Königs-Lelm. 1-459.
- Stingl M. (1963): Indianer ohne Tomahawks. Leipzig. 1-226.

Экологические воззрения в Библии и современность

О.Д. Пруденко

Православный священник, г. Черкассы

Тяжело в наше время судить о древних и новых факторах, которые нарушили баланс и гармонию природы. Больно смотреть на мир, в котором уже не встретишь многих видов животных и растений, где многие виды — на грани исчезновения. Оскудели или преобразовались до неузнаваемости биоценозы — в масштабе планеты, Европы, Украины. Примером может служить наша степь, где практически не осталось дикого уголка, Лесостепь, в частности Каневские горы, где человек истребил дуб — и теперь граб занял его позиции.

Сейчас можно обвинять в этом христианство (что до сих пор делают некоторые ученые), или религию вообще, можно обвинять науку с ее тотальным подходом к изменению природы, антропоцентризмом, громадными заводами и гидро- или атомными электростан-

циями. Но станет ли лучше от этого на нашей общей планете, на нашем уникальном островке во Вселенной? Думаю, нет! Есть время разбрасывать камни, и оно уже было. Сейчас время их собирать. Именно сейчас, пока не поздно, нужно объединить свои усилия науке и религии (включая креационистов), для спасения того, что осталось, того, что дал нам Господь как временным постояльцам.

И, наверное, горе в том, что с античных веков, а потом — с эпохой Возрождения пути религии и науки разошлись, начали жить самостоятельной, отталкивающей друг друга жизнью. Ведь многие ученые были верующими (Ньютон, Ломоносов и др.), но это никоим образом не тормозило прогресс человечества.

И не вся религия, а лишь отдельные личности жгли костры, в которых

горела наука. Экологическое движение в христианстве имеет свою историю, практику, взлеты и падения, что, собственно говоря, имеет и наука. Я не вижу большой разницы, кто с топором, ружьем или острой своими руками уничтожает последние виды флоры и фауны: атеист ли с формулировкой “после меня хоть потоп” или полувекрок (верующий глубоко уважает творения Господа). Он мне враг, враг такой же, как и тот, кто втоптывает в грязь имя Господа, не разумея даже, о чем он говорит.

Глобальная проблема науки, и экологии, в частности, в том, что она отбрасывает жемчужины охраны природы, которые вобрала в себя христианская культура. Вариться в собственном соку и вздыхать, как это тяжело, может каждый. Но незнание или нежелание знать основные принципы христианской морали и этики приводит к тому, что люди отходят от экологического движения, стараясь своими силами оберегать то, что еще осталось, оберегать и спасать, надеясь на волю Господню. Но храмы еще сами слишком слабы и немощны в своем понимании природы и сущности Божьей, после стольких лет гонений и продажности священников и высшей духовной иерархии слугам коммунизма. В храм Господень, где бы он ни был, в камне резном или на опушке леса, приходят лишь для того, чтобы отдать дань моде.

Элементарным примером религиозной неграмотности может служить статья В.И. Козлова (1999) “Рыбы в сказаниях народов мира”, где допущен ряд грубых ошибок, которые влекут за собой непонимание от верующих людей (если не сказать — оскорбление).

Никогда в ранней христианской литературе Иисус Христос “рыбой” не назывался, а лишь аббревиатура “ихтиос” была прототипом расшифровки имени Спасителя во время гонения на христиан в Римской империи, рыба не

была символом веры. Символ (Credo) есть молитвенное произношение. Символом того или иного может быть животное (например, евангелистов), символом может быть гроздь винограда или агнец — Иисус Христос, крест — церковь. Но это аллегорическое понятие, а не тот смысл, который в него вкладывает В.И. Козлов. Рыба не была символом чистоты Девы Марии (она и так признана церковью чистой и непорочной). Крещение имеет свой аллегорический символ — воду и мирро, как символ даров Духа Святого.

Для верующего человека особенно обидным является упоминание о том, что рыба заменяла в Святом Причастии дары. Никогда этого не было! Евангельский мотив действительно упоминает о хлебе и рыбе, но в другом аспекте (см. Мт. 15: 32-39).

На заре христианства, во время гонений, верующие творили молитвы в катакомбах, где принято было изображать церковь кораблем, Иисуса Христа — агнцом (“Я есть Агнец кроткий”) или виноградной гроздью или лозой (“Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов”) (Мт. 26: 27-28).

Все эти аллегорические символы несут не только обособленное значение, здесь скрыт смысл единства сотворенного и Творца. Единство нерушимое, сгруппированное в единый центр, где каждый житель играет огромную роль в жизни целостного организма. Христианство имеет свои позитивные стороны, которые еще надо открывать всем ученым, но в то же время и самим христианам, особенно священникам, нужно глубже вникнуть в само христианство.

Удивительные вещи прочитал я в статье К. Сельвицкого (2000) и так и не смог понять, в чем радикальность воззрений экологов, и в частности В.Е. Борейко.

Давайте вместе разберемся, что же все-таки несет в себе слово Библии и обратимся к тем же скитам и монахам.

Священники, проповедуя любовь к людям, в то же время уничтожают окружающую среду сами, либо проходят мимо злодеяния, закрывая на это глаза. Им следует вспомнить о семинариях и академиях, где учат тому, что откровения Господни, его сила, слава, дух — в творении.

Каждое воскресенье, праздник, когда поют “Благословен еси Господи, все премудро сотворил Ты”, вспомните об этом удивительном и прекрасном мире.

Посмотрите на монастыри, пустыни, скиты. С каким вниманием и бережностью обращаются с источниками и деревьями, окружающими их. Для чего они устраивали свои места молитв возле озер, рек, лесов? Для того ли, чтобы убежать от мирской суеты? Вспомните, в чем заключается постижение Бога — чтении Святого Писания и созерцании природы.

Что же есть Библия? Книги Старого (Ветхого) и Нового Завета несут в себе этические нормы, которыми руководствуется всякий верующий человек христианского вероисповедания.

Книги Старого Завета представляются как путь духовного роста христианства от рождения (Адам и Ева), через крещение (снятие первородного греха Адама и Евы) до восседания по правую руку Иисуса Христа, через духовный рост внутри человека (душа).

Новый Завет — кодекс эстетических и этических норм жизни, руководство духовного роста человека, правил, необходимых внутренних экологических формаций.

Но два Завета объединены важнейшими мотивами, которые проходят через всю Библию. Первый, сугубо религиозный, — приход Иисуса Христа (Логос) на землю для искупления человечества от первородного греха (грехопадения Адама и Евы) и возвраще-

ния его в лоно Творца. Второй, через Логос (Г. Н. И. Х.) любовь к ближним своим. Подразумевается любовь к человечеству и окружающей среде вообще.

Сквозь всю Библию пронесется мысль о том, что человек в гармонии в первую очередь с собой (тело-душа-дух), гармонии с человечеством и окружающей экосистемой должен дойти до того духовного начала, которое потерял в саду Эдемском (Гетсиманском), живя в общении с Творцом и окружающей средой.

В начале Библии, в Книге Бытия описывается универсальное сообщество человека и природы в совместном величании своего Творца.

Как и Господь триедин (Бог-Отец, Бог-Сын (Логос), Бог-Дух Святой), так и человеку дал триединность (тело-душа-дух). Его славят тоже триедино, но каждый по-своему — ангелы, человек, природа. “Всякое дыхание да хвалит Господа”. Но в то же время перед человеком ставится еще задача оберегать, лелеять и разумно “распоряжаться землей” (Быт. 1: 28).

Господь заключает с человеком договор о земле: “Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором живая душа, дал я зелень травную в пищу” (Быт. 1: 29-30).

Умышленно подчеркнуто “душа живая”, союз или же договор заключен об охране и лелеянии, разумном использовании растительного мира и любви к душе живой, т. е. к миру животных, имеющему столько же права на жизнь, сколько имеет и человек. Замыслом Божиим был мир между всеми видами его творения.

“И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы

возделывать его и хранить его” (Быт. 2: 15).

Таким образом возник заповедник в нашем понимании этого слова, установилась прочная связь между творением и Творцом, возникла совершенная экосистема, в которой учтено все: “Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его” (Иов 38: 9), которые “орошали все лице земли” (Быт. 2: 6).

Но как и в наше время, человек отошел от Бога (грехопадение), т. е. нарушил этические нормы и содружество с флорой и фауной. Нарушена экология человеческих отношений и тем самым следует кризис в отношениях между Творцом и творением.

“Ибо тварь с надеждой откровения сынов Божьих, — потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее — в надежде...

Ибо знаем, что тварь совокупно стенает и мучится доньне” (Рим. 8: 19-22).

Звери страсти и страдания испытали лишь из-за человека и его деятельности, его антропоцентризма и возвышения себя над всем.

Весьма интересны книги Старого Завета, где с большой любовью описаны все виды животных. С глубоким сожалением Господь спрашивает у людей через Иова о губительном действии человека и нарушении его заповедей, данных в книгах Левит и Второзакония.

“Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах и замечал ли ты роды ланей? Можешь ли расчислить месяцы беременности их? И знаешь ли время родов их?

Они изгибаются рождая детей своих, выбрасывая свои ноши. Дети их приходят в силу, растут на поле, уходят и не возвращаются к ним” (Иов. 39: 1-4).

Осуждая человека за вмешательство в природу без особой надобности идет через Иону, но только ли он виноват в этом?

Господь спрашивает обо всем том, что человек считает по праву своим, но не имеет ни малейшего права на владение:

“Ты ли ловишь добычу львице и насыщаешь молодых львов, когда они лежат в берлогах или покоятся под тенью в засаде?

Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?” (Иов. 38: 39-41).

“Кто пустил дикого осла на свободу, и кто разрешил узы онагроду, которому степь Я назначил домом и солончаки — жилищем? Он посмеивается городскому многолюдству и не слышит криков погонщика. По горам ищет себе пищи и гоняется за всякой зеленью” (Иов. 39: 5-8).

“Ты дал красивые перья павлину и перья и пух страусу?” (Иов. 39: 13).

Как видим из приведенных цитат из книги Иова, уже в те времена Господь через своих пророков обвинял людей в нарушении гармонии экосистемы, осуждение тех, кто ради своего удовольствия уничтожал живой мир.

Одной из книг Библии, где поэтическое воспевание природы встречается почти повсеместно, суждено было стать учебником любви к природе и, следовательно, охране ее, не только иудеев, но и позднее христиан — это книга Псалмов.

Характерным является то, что в практику монастырей входило пение псалмов во время работы, путешествия. В них входило не только хваление Бога, но и строки, которые способствовали лучшему пониманию окружающего мира, возможности душой прочувствовать соединение с природой.

“Ты послал источники в долины: между горами текут, поят всех полевых зверей;... при них обитают все птицы небесные, из среды ветвей издают голос. Ты напояешь горы с высот Твоих, плодами дел Твоих насыщается земля... Насыщаются древа Господа, кед-

ры Ливанские, которые Он насадил; на них гнездятся птицы; ели — жилище аисту, высокие горы — сернам, каменные утесы — убежище зайцам” (Пс. 103: 10-18).

Тонким натуралистом, любителем природы могут быть написаны эти строки. В них чувствуется дыхание ветра и разговор птиц, журчание ручья.

Но еврейскому народу даются также наставления в приношении жертвы вплоть до прихода Логоса-Мессии на землю, который сам стал жертвой. Так, за грехи следует приносить строго из домашнего скота (телец, овца, голубь) и ни в коем случае не из скота Господня, т. е. диких животных (см. Кн. Левит, гл. 1), чем ограждает иудеев от хищнического уничтожения фауны.

Ограничение на флору тоже строго вводилось в этом своде законов: “Если какая душа хочет принести Господу жертву приношения хлебного, пусть принесет пшеничной муки, и вольет на нее елея...” (Лев. 2: 1).

Много запретов было и на продукты питания животного происхождения. Воспрещение шло и из санитарно-гигиенических соображений, в частности, понятие о нечистоте, которая длилась целый день для тех, кто имел дело с умершими, из этических (отличаться от других, политеистических, племен) и экологических (не нарушать баланс, не уничтожать животных).

Особо нужно отметить, что в книге Левит перечислены только те виды, с которыми израильский народ непосредственно соприкасался в жизни, на все другие виды животных налагался строгий запрет.

Евреи имели право употреблять в пищу: домашний скот (телята, овцы, козы), которые парнокопытны и жуют жвачку; птиц, кроме указанных в запрете видов, которые плавают в воде, и рыбу, и саранчу (которая уничтожала посевы).

Все остальные виды животных упот-

реблять запрещено. Для уточнения перечислены виды, которые хорошо знакомы евреям: свинья, тушканчик, заяц, верблюд, крот, мышь, ящерица с ее породой и все пресмыкающиеся, суслик, улитка, еж, хорь, крыса; птицы — орел, гриф, морской орел, коршун, сокол с породой его, ворон с породой его, страус, совы, чайки, ястребы с породой, филин, зимородок, ибис, лебедь, пеликан, сип, цапли, аист с породой, удод и нетопырь. Запрещено употреблять всех насекомых (кроме саранчи).

Как видим, вводились жесткие ограничения. Возможно, благодаря им мы можем наблюдать перечисленные виды, которые стали редкими или исчезающими в некоторых местах уже в век технического прогресса.

Следует отметить, что ограничения существуют и у христиан, хотя некоторые из них были сняты.

Вторая часть Библии — Новый Завет, как было сказано выше, содержит наставления этического плана. Главной целью Нового Завета был приход Иисуса на землю и искупление его кровью человечества, и освобождение животного мира (Рим. 8: 19-22).

“Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин. 3: 16).

Имеем слово “мир”, которое можно истолковать как “сход”, “общество людей”, но имеет и более широкое значение: космос, земля, окружающая нас среда.

Значение “космос, окружающая среда” подходит больше и дает понятие лечения мира от греха человека, всех тех проступков, которые мы совершили перед Богом и перед его творением — флорой и фауной.

Сам Логос — Иисус Христос, когда облекся в тело человека и жил среди нас, встречался с природой, жил с ней бок о бок, Своим человеческим

телом испытывал жажду, голод, радость, нежность и, конечно, всеми человеческими чувствами воспринимал красоту созданной Им природы.

Все эти ощущения Он вложил в свои притчи. Вспомним также, что после крещения Своего Он последовал в пустыню, чтобы уединиться и предаться размышлениям о миссии, с которой он пришел на землю. Общение с сотворенной Им природой, с Отцом Небесным дало ему силы.

Притчи — это рассказ не только о спасении, о правильном выборе, понятии добра и зла. В притчах знание природы, ее закономерностей, любовь к ней.

Притча о неводе, зерне горчичном, посев, виноградник, заблудшая овца, добрый пастырь — вот неполный перечень рассказов Иисуса.

Много последователей-христиан Иисуса также смогли при усовершенствовании своей сущности, т. е. при достижении былого (райского) общения

с Богом, смогли общаться с животными.

Общение это было разным: от чтения Евангелия и проповеди животным (св. Франциск) до общения и жизни среди зверей (св. Серафим Саровский)...

Вот поэтому давайте не обвинять друг друга, а объединяться в единый мощный монолит, который не сможет разбить ни одна кувалда. "Один в поле не воин". На наше усмотрение — союз науки и религии, их тесное сотрудничество сможет отстоять те крохи, с которых начнем воздвигать храм для всех, храм по имени "Наша Земля", которую сотворил Господь.

Литература

- Козлов В.И. (1999): Рыбы в сказаниях народов мира. - Гум. экол. ж. 1 (2): 3-11.
Сельвицкий К. (2000): Православные комментарии к радикальному взгляду на заповедное дело. - Гум. экол. ж. 2 (1): 40-45.

— Который год сею, а лес все не растет!
— А ты не пробовал просто сажать деревья?!

Рис. Э.Д. Шукурова

Советуюсь с Кантом: внутренняя ценность природы

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

В последнее время во многих статьях и книгах о ценностях природы все чаще мы сталкиваемся с понятием “внутренняя (абсолютная) ценность природы”. В книге В.Е. Борейко “Прорыв в экологическую этику” в словаре терминов внутренняя ценность дикой природы объясняется так: “внутренняя (подлинная, присущая, врожденная) ценность дикой природы — когда обладающий ею объект ценен сам по себе или ценен безотносительно использования данной идеальной ценности. Эта ценность существует независимо от присутствия оценивающего, его осознания, интереса или оценивания”. Линда Грэбер в книге “Дикая природа как священное пространство” пишет: “Аксиомой этики дикой природы является то, что дикая природа — это проявление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить”.

Как же нам все-таки определить цену или оценить окружающий нас мир? На этот и многие другие спорные вопросы я попытаюсь найти ответ с помощью работ И. Канта, которые были написаны более 200 лет назад.

Итак, в 1785 г. И. Кант написал “Основы метафизики нравственности”. В целом эта работа посвящена системе этических взглядов автора, но для нас важно то, что здесь можно найти понятие “абсолютной ценности”. “Но положим, что имеется нечто такое, *существование чего само по себе* обладает абсолютной ценностью, что как *цель сама по себе* могла бы быть основанием определенных законов...” “...Человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той

или другой воли”. Кант объясняет, что никто не в праве распоряжаться никем и ничем иным, так как “...природа уже выделяет их как цели сами по себе, т. е. как нечто, что не следует применять только как средство, стало быть, поскольку ограничивает всякий произвол (и составляет предмет уважения)”. В данном случае Кант говорит о разумном существе, то есть человеке. “Разумное естество существует как цель сама по себе”. Но... “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели (самой по себе) и никогда не относился бы к нему только как к средству”.

Поразительно! Ведь это и есть главный принцип охраны природы — отношение к ней как к цели самой по себе, а не как к средству для выгоды человека. То есть, переходя от частного (разумного естества) к общему (природе как неотъемлемой части существования человека), мы видим, что все, что создано природой, рукам природы (а не человека), имеет особую, внутреннюю ценность. “А то, что составляет условие, при котором только и возможно, чтобы нечто было целью самой по себе, имеет не только относительную ценность, т. е. достоинство”.

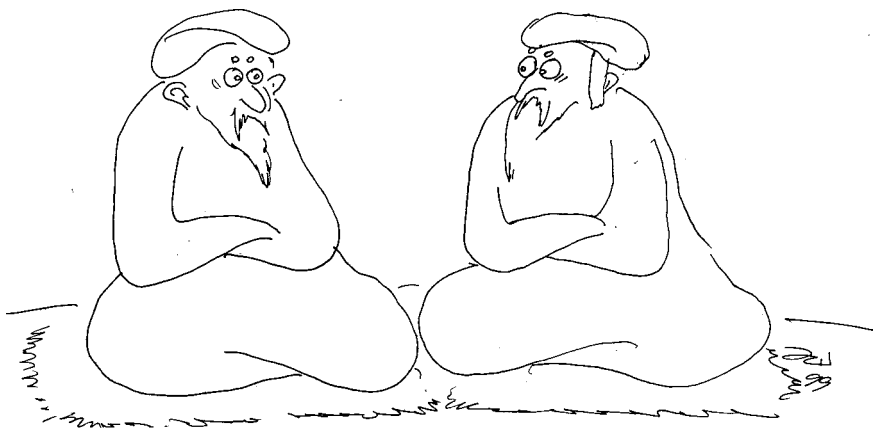
Кант призывает нас поступать “согласно максима, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов природы”. Но если разобраться с внутренней ценностью, то есть достоинством человека легко, то как же нам объяснить внутреннюю ценность природы и ее вещей, произведений, творений? Легко понять ценность любой картины, хранящейся в Лув-

ре или Третьяковке — историческая, эстетическая, материальная ценности. А как понять ценность пустыни Сахары, священной горы, тайги в Сибири, где может, еще не ступала нога человека. Согласно Канту, продукты природы — это и есть цель природы.

Внутренняя ценность природы — это ценность органического “предмета” (дерева, животного, земли), который сам внутри себя организует действие, которое заключает в себе цель своего существования! Иными словами, жизнь внутри объекта, его взаимосвязь с окружающим миром, но посредством самовыражения. Чем совершеннее объект, тем выше его ценность. “Во-вторых, дерево само себя порождает и как особь... Материю, которую дерево усваивает, оно прежде всего перерабатывает, сообщая ей специфически отличительное качество, какого не может дать механизм природы *вне его*, и оно уже потом само формируется дальше, пользуясь для этого веществом, которое в своем смешении представляет собой его собственный продукт”, “О природе и ее способности в органических продуктах говорят слиш-

ком мало, когда называют это аналогом искусства, ведь в таком случае представляют себе мастера (разумное существо) *вне ее*”. (А творение рук человека — это творение мастеров, а не природы). “Она, скорее, организуется сама и в каждом виде ее органических продуктов по одинаковому, правда, образцу в целом, однако и с удачными отклонениями, которых требует *самосохранение* в зависимости от обстоятельств. Быть может, к этому *непостижимому* свойству удастся ближе подойти, если назвать его *аналогом жизни...*” Шум леса, блеск молнии, плеск волны, шепот ветра — на какой картине это можно увидеть или услышать? “...и никакой человеческий разум (даже никакой конечный разум, который по качеству превосходил бы его по степени) никоим образом не мог бы надеяться понять возникновение даже травинки на основании одних только механических причин”.

Без осознания внутренней ценности природы мы не сможем уберечь ее. Ни для себя, ни для наших детей, ни для нее самой.

- Слышал, всюдю обсуждают проблему прав Земли и устойчивого развития...
- О, эта проблема стара, как мир...
- Но ведь ничего до сих пор не сделано!
- О, эта проблема еще старше, чем наш бранный мир...

Рис. Э.Д. Шукурова

Литература по природоохранной эстетике

1. Азгальдов Т.Г., 1978, Численная мера и проблемы красоты в архитектуре, М., Стройиздат, 86 с.
2. Аникин Г.В., 1986, Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века, М., Наука, 317 с.
3. Апресян Г.З., 1981, Эстетическое отношение к природе в социалистическом обществе, М., Знание, 94 с.
4. Артеменко Н., 1978, Природа и эстетическое воспитание школьников, М., Просвещение, 69 с.
5. Барышевцев В.В., 1926, Лес и власть его красоты, Лесоведение и лесоводство, № 4, с. 173-179.
6. Берк Э., 1979, Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного, М., Искусство, 236 с.
7. Бизэ А., 1891, Историческое развитие чувства природы, СПб, 391 с.
8. Бобров Р.В., 1989, Лесная эстетика, М., Агропромиздат, 189 с.
9. Бокье М., 1914, Охрана красоты видов, Лесной журнал, № 1, с. 129-133.
10. Борейко В.Е., 1999, Введение в природоохранную эстетику, Киев, Киевский эколого-культурный центр, изд. 2-е, 128 с.
11. Борейко В.Е., 1999, Прорыв в экологическую этику, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 128 с.
12. Будрюнас А., Эрингис К., 1968, Восемьдесят компонентов краеобраза (ландшафта), Мусу-Гамта (Наша природа), № 12, на литов. яз., резюме на русск. яз.
13. Будрюнас А.Р., 1971, Некоторые тополого-фитоценологические методы исследования природных эстетических богатств, Автореф. канд. дисс., Вильнюс.
14. Будрюнас А.Р., Эрингис К.И., 1975, Карта эстетических ресурсов ландшафта Литвы и принципы ее составления, Экология и эстетика ландшафта, Вильнюс, Минтис, с. 184-195.
15. Бычков В.В., 1988, Эстетическое сознание древней Руси, М., Знание, 61 с.
16. Ван Буркалов А., 1976, Нетронутые природные ресурсы: вдохновляющие ценности природной среды. В кн.: Международная география-76, т. 10, М., с. 130-133.
17. Ванслов В.В., 1957, Проблемы прекрасного, М., Госполитиздат, 216 с.
18. Веденин Ю.А., 1997, Очерки по географии искусства, СПб, Дмитрий Буланин, 224 с.
19. Веденин Ю.А., Филиппович А.С., 1975, Опыт выявления и картирования пейзажного разнообразия природных комплексов. Географические проблемы организации туризма и отдыха, вып. 2.
20. Влядих Я.А., 1923, Гуманитарные экскурсии в природу, В кн.: "Экскурсионный метод в просветительской работе", под ред. Д.Н. Ангерта и Б.Е. Райкова, М.-Пг., с. 51-57.
21. Гольдентрихт С.С., 1959, Об эстетическом освоении действительности, М., МГУ, 73 с.
22. Гомазков О., 1994, Понимает ли мир красоту, Знание — Сила, июнь, с. 35-40.
23. Горб К.Н., Крымцов А.А., Биляковская Е.В., Степанова В.Н., 1999, Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов Украины в целях заповедания: общие положения и первый опыт, 1998, рукопись, 15 с.
24. Гринфельд-Зингурс Т.Я., 1989, Природа в художественном мире М.М. Пришвина, Изд-во Саратовского университета, Саратов, 194 с.
25. Грищенко В.Н., 1997, Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия, Беркут, т. 6, в. 1-2, с. 87-89.
26. Калинин В.Б., 1996, Формула экологического образования, Бюлл. "Охрана дикой природы", № 10, с. 17-21.
27. Кант И., 1964, Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного, В кн.: Сочинения, т. 2, М., Мысль, с. 127-150.
28. Корнієнко В.С., 1989, Природа як об'єкт естетичного відношення. Моральні та естетичні питання охорони природи, Львів, с. 17-19.
29. Конрад Лоренц предупреждает, 1989, Литературная газета, 27 сентября.
30. Кулешова М.Е., 1994, Уникальные территории США, Территория, № 2, с. 35-38.
31. Курбатов В.Я., 1916, Сады и парки, Пг., 520 с.
32. Кучерова Е.Н., 1987, Природа в эстетике Морриса, В кн.: Эстетика Морриса и современность, М., Изобр. искусство, 224 с.
33. Леопольд О., 1983, Календарь песчаного графства, М., Прогресс, 216 с.

34. Линник Ю.В., 1975, Природа в эстетическом воспитании, В кн.: Основы эстетического воспитания, М., Высшая школа, с. 248-263.
35. Листопад О.Г., 1997, Охрана красоты природы в законах Украины, В кн.: Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев, с. 193-196.
36. Листопад О., 1997, Популяризация различных ценностей дикой заповедной природы в украинской литературе по заповедному делу за 30 лет (1966-1996), В кн.: Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев, с. 196-200.
37. Лихачев Д.С., 1983, Земля родная, Сов. Россия, М., 120 с.
38. Локарева Г.В., 1988, Формирование у школьников эстетического отношения к природе, В кн.: Рациональное использование, охрана, воспроизводство биологических ресурсов и экологическое воспитание, Запорожье, с. 290-291.
39. Лосский Н.О., 1998, Мир как осуществление красоты, Основы эстетики, М., Прогресс-традиция, 416 с.
40. Льюис В., Тильден Ф., 1996, Интерпретация для посетителей парков, Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 41 с.
41. Мазуров Ю.П., 1994, Феномен природного наследия в науке и культуре, В кн.: "Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов", М., РНИЦ культ. и прир. наследия, с. 8-20.
42. Меллума А.Ж., 1988, Особо охраняемые природные объекты на староосвоенных территориях, Рига, "Зинанте", 224 с.
43. Монзина Р.И., 1972, Роль живых впечатлений в восприятии учащимися 5-х классов лирики природы, В кн.: Восприятие учащимися литературного произведения и методика школьного анализа, Ученые записки ЛГПИ, т. 509, Ленинград, с. 196-207.
44. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т., 1981, Рекреационная география, МГУ, М., 207 с.
45. Михайловский Д., 1996, Спасайте ваши уши, Берегиня, № 11.
46. Налимов В.П., 1928, Священные рощи удмуртов и мари, Охрана природы, № 4, с. 6-8.
47. Николаев В.И., 1997, О развитии эстетического восприятия птиц в природоохранном движении, В кн.: Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев, с. 189-192.
48. Новалис Ф., 1934, Фрагменты, В кн.: Литературная теория немецкого романтизма, Л., с. 121-149.
49. Паустовский К., 1955, За красоту родной земли, Литературная газета, 12 июля.
50. Печко Л.П., 1982, Формирование эстетического видения природы, Советская педагогика, № 2, с. 31-33.
51. Пимен, 1989, Красота природы, Журнал Московской Патриархии, № 10, с. 37-38.
52. Покровский В., 1885, Поэзия как главный фактор эстетического развития, М., 171 с.
53. Полян П.М., 1978, География и вдохновляющие ресурсы природы, Природа, № 3, с. 51-63.
54. Пришвин М.М., 1956, Власть красоты (из "Календаря природы"), В кн.: Собрание сочинений, т. 3, М., Госхудиздат, с. 151.
55. Райков Б., 1915, Школьное естествознание и любовь к природе, Естествознание в школе, сб. № 8, Образование, Пт., с. 3-39.
56. Рескин Дж., 1900, Искусство и действительность, М., 319 с.
57. Родоман Б.Б., 1985, Проблемы сохранения разнообразия и красоты сельскохозяйственных ландшафтов, В кн.: Научные труды по охране природы. Сельское хозяйство и охрана природы. Вып. 8. Ученые записки Тартусского университета, вып. 701, с. 26-31, Тарту.
58. Родоман Б.Б., 1995, Эстетика ландшафта, В кн.: Наука о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник, вып. 3, Российская государств. библиотека, М., с. 4-19.
59. Розанов В., 1895, Что выражает собою красота природы, Русское обозрение, № 10, с. 601-623, № 11, с. 132-159, № 12, с. 639-670.
60. Романенко В.Т., 1965, О красоте природы, В кн.: Эстетика и современность, М., Просвещение, с. 215-244.
61. Рыбникова М.А., 1917, Эстетическое восприятие природы учащимися, Вестник воспитания, № 8-9, с. 56.
62. Семенов-Тян-Шанский В.П., 1928, Район и страна, М.-Л., Госиздат, 311 с.

63. Сидельковский А.П., 1972, Эстетическое восприятие природы и литературного пейзажа учащимися среднего и старшего возраста, В кн.: Восприятие учащимися литературного произведения и методика школьного анализа, Ученые записки ЛГПИ, т. 509, Ленинград, с. 148-181.
64. Сизеранн Р., 1900, Рескин и религия красоты, М., 202 с.
65. Скалон В.Н., 1974, Вмешательство в природу и ее перестройка. Природа, ее охрана и рациональное использование, Иркутск, ВООП, с. 18-26.
66. Смолянинов И.Ф., 1984, Природа в системе эстетического воспитания, М., Просвещение, 79 с.
67. Соловьев В.С., 1886, Красота в природе, В кн.: Собрание сочинений, т. VI, с. 10-11.
68. Тетиор А.Н., 1997, Красота и целесообразность природы, М., Москов. госунив. природообус., 265 с.
69. Торо Генри, 1886, Уолден, или жизнь в лесу. В кн.: Ралф Эмерсон. Эссе. Генри Торо. Уолден, или жизнь в лесу, М., Худ. литература, с. 385-614.
70. Федорцова Т.А., 1985, Методика эстетической оценки экскурсионных ресурсов (объектов и местностей), рукопись кандидатской диссертации, Минск, 122 с.
71. Филин В.А., 1995, Что видишь, так и живешь, Природа и человек, № 12, с. 29-32.
72. Фролова М.Ю., 1994, Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов, Вестник МГУ, сер. 5, география, № 2, с. 27-33.
73. Хацкевич Д.Х., 1987, Природа, как эстетическая ценность, М., Высшая школа, 119 с.
74. Шанжер, 1915, Лес — украшение местности, Лесной журнал, № 5, с. 877-879.
75. Шемякин И.Я., 1962, О факультативном прикладном курсе “Эстетика леса”, Известия вузов. Лесной журнал, № 6, с. 169-171.
76. Шиллер Ф., 1950, О возвышенном, В кн.: Фридрих Шиллер. Собрание сочинений, т. 6, М., Гослитиздат, с. 217
77. Шиллер Ф., 1974, Эстетика, К., Мистецтво, 358 с.
78. Школенко Ю., 1978, Экология и эстетика, Искусство, № 4, с. 50-53.
79. Эйларт Я.Х., 1973, Основные принципы ухода за ландшафтом, В кн.: “Охрана природы и ландшафт”, Таллинн, с. 40-52.
80. Экологическое и эстетическое воспитание школьников, 1984, под ред. Л.П. Печко, М., Педагогика, 135 с.
81. Эмерсон Р.У., 1977, Природа, В кн.: Эстетика американского романтизма, М., Искусство, 463 с.
82. Эрингис К.И., Будрюнас А.Р., 1968, Эстетические ресурсы ландшафта Литвы, картосхема, Вильнюс.
83. Эрингис К.И., Будрюнас А.Р., 1971, Растительность и эстетика ландшафта, Вопросы охраны ботанических объектов, Л., Наука, с. 84-92.
84. Эрингис К.И., Будрюнас А.Р., 1975, Сущность и методика детального эколого-эстетического исследования пейзажей, Экология и эстетика ландшафта, Вильнюс, Минтис, с. 107-170.
85. Эрингис К., 1963, Эстетические богатства Озерно-холмистой возвышенности Аукштайтии и их значение для густонаселенной страны. Путеводитель VII ботанической экспедиции в Прибалтике по Озерно-холмистой возвышенности Аукштайтии, Вильнюс, с. 12-16.
86. Эрингис К., 1965, Эстетическое значение природного ландшафта, Шестое Всесоюзное совещание по охране природы, Минск, с. 211-212.
87. A. Berleant, 1992, The aesthetics of environment, Philadelphia, Temple University Press, 218 с.
88. A.S., 1893, O pielegnowaniu piekna u Lesnictwe, Sylwan, N 4, с. 141-147, N 5, с. 189-198.
89. Austin Richard Cartwright, 1985, Beauty: a foundation for environmental ethics, Environmental ethics, т. 7, с. 197-208.
90. Brady Emily, 1998, Don't eat the daisies: disinterestedness and the situated aesthetic, Environmental values, v. 7, N 1, с. 97-114.
91. Callicott J. Baird, 1983, Leopold's Land aesthetic, Journal of soil and Water Conservation, N 38, с. 329-332.
92. Callicott J. Baird, 1994, The land aesthetic, In: Environmental ethics, ed. Louis P. Pojman, Boston-London, Jones and Barlett Publishers, с. 148-157.
93. Carlson A., 1984, Nature and Positiv aesthetics, Environmental ethics, т. 6, с. 5-34.
94. Environmental aesthetics. Essays in interpretation, 1982, ed. Barry Sadler, Allen Carlson, Western geographical series, v. 20, University of Victoria, Victoria, 169 с.

95. Evernden N., 1988, J. Sepanmaa, The beauty of the environmental: A general model for Environmental aesthetics, Helsinki, 1986 (ed.).
96. Haldane J., 1994, Some recent work in Environmental aesthetics, Environmental values, N 3, с. 173-182.
97. Haldane J., 1994, Admiring the high mountains: the aesthetics of Environment, Environmental values, N 3, с. 291-305.
98. Hargrove Eugene C.C., 1988, Foundations of environmental ethics, New Jersey, Prentice Hall, 229 с.
99. Holmes Rolston III, 1992, Philosophy gone wild, Buffalo, New-York, 296 с.
100. Kellert Stephen R., 1993, The biophilia hypothesis: aristotelian echoes of the "good life", USA, Yale University, препринт, 42 с.
101. Kellert S., 1991, The value of nature, Yale University, USA, 500 с.
102. Kellert S.R., 1996, The value of life, Island press/Shearwater Books, Covelo, California, 250 с.
103. Kolbuszewski J., 1992, Ochrona przyrody a cultura, Wroclaw, 207 с.
104. Landscape, natural beauty and the art, 1993, ed. S. Kemal, J. Gaskell, New York, Cambridge University Press, 250 с.
105. Odin S., 1991, The japanese concept of nature in relation to the environmental ethics and conservation aesthetics of Aldo Leopold, Environmental ethics, N 13, с. 345-360.
106. Rina J., 1974, Estetycky vyznam vody, "Ochrona prirody", N 2, с. 33-38.
107. Romanenko V., 1969, The beauty of nature, В кн.: Problems of modern aesthetics, М., Прогресс, с. 121-160.
108. Rudolf S. de Groot, 1992, Functions of nature, Wolters-Noordhoff, Нидерланды, 314 с.
109. Russow Lilly-Marlene, 1994, Why do species matter? In: Planet in peril. Essays in environmental ethics, Harcourt Brace Company, Orlando, с. 251-263.
110. Sepanmaa Yrjo, 1986, The beauty of environment, Helsinki, Suomalainen tiedeakademia, 157 с.
111. Smardon Richard C., Karp James P., 1992, The legal Landscape, USA, 286 с.
112. Smolenski J., 1932, Ochrona Krajobrazu, Scarby przyrody i ich ochrona, Warszawa.
113. Strzelecki H., O estetycznej stronie odnawiania i pielegnowania Lasu, Sylwan, N 2, с. 48-51.
114. Taylor N., 1994, Aesthetic judgement and environmental design, Town Planning Review, N 1, с. 21-40.
115. Thompson J., 1995, Aesthetics and the value of nature, Environmental values, N 3, с. 291-305.
116. Willard L. Duane, 1980, On preserving nature's aesthetic feature, Environmental ethics, т. 2, с. 293-310.
117. Wob F.M., 1934, Deutsche Landschaft und deutsche Seele, Natur und Kultur, N 4, с. 147-151.

Составитель В.Е. Борейко

О природе дикости: исследование того, что действительно защищает дикую природу

Грегори Х. Эплет

Введение

Охота на лоне дикой природы является самым привлекательным из всех способов времяпровождения, и это вдвойне так, когда не осуществляется как просто способ времяпровождения. Стрельба в частном заказнике для дичи, конечно, никоим образом не может сравниться с этим.

Теодор Рузвельт, 1897 г.

Через более чем столетие после того как Теодор Рузвельт размышлял над ее ценностью, дикая природа стала желанной собственностью американской общественности, и сейчас она ценится по множеству причин, включая утилитарную, культурную и природоохранную. Сейчас, когда дикая природа вполне сформировалась как американская ценность через тридцать пять лет после принятия Акта об областях дикой природы 1964 года, мы вступаем в следующее столетие с Национальной системой заповедания обастей дикой природы, занимающей более 104 миллионов акров, что превосходит самые вольные грезы ранних защитников дикой природы. Популярность дикой природы продолжает увеличиваться, и каждый следующий опрос общественного мнения показывает, что люди хотят, чтобы больше земли находилось под защитой как область дикой природы.

Несмотря на свою популярность, дикая природа недавно стала подвергаться атаке. Некоторые подвергают сомнению то, явля-

ется ли дикая природа чем-то реальным или просто творением человеческого ума. Другие верят, что идея дикой природы увековечивает в конечном счете деструктивное отделение людей от природы, игнорирует или порабощает аборигенные народы и предполагает застой в природных экосистемах. В то время как большая часть антагонистов в дебатах не критикует (а на самом деле они активно прославляют) дикие места, они показывают, что пришло время выйти за пределы “воспринятой идеи дикой природы” чтобы меньше фокусироваться на защите дикой природы, а больше на поддержании дикости, которая находится повсюду вокруг нас.

До сих пор этот пересмотр идеи дикой природы в значительной степени ограничивался академическими кругами и немногочисленными защитниками дикой природы, но политические следствия его огромны. Нынешняя атака на дикую природу имеет сильный потенциал в подрыве поддержки популярной практики защиты дикой природы. Напротив, политика, которая воспринимает область дикой природы как “место для природы” рискует обесценить природу, находящуюся за пределами областей дикой природы, в конечном счете уменьшая у нас обязанность заботиться о земле в целом.

Эксперты оспаривают или защищают дикую природу от других пониманий этого термина. Критики нападают на дикую природу как на домисел империалистического, женоненавистнического воображения, защитники указывают на более, чем сто миллионов акров в Национальной системе заповедания областей дикой природы, как на неопровержимое доказательство ответственности этой конструкции. Но обе стороны упускают из виду критически важный момент: дикая природа не является ни про-

Опубликовано: Aplet G.H. On the Nature of Wilderness: Exploring What Wilderness Really Protects. Denver University Law Review. 1999. Vol. 76. No. 2. P. 347-367. Пер. А. Елагина, В. Борейко. Печатается с сокращениями.

сто идей, ни местом. Это место, где идея четко выражается – идея дикости. Акт об областях дикой природы стремится идентифицировать и защитить те земли, находящиеся в федеральной собственности, где дикость лучше всего выражена. Критики стремятся обеспечить то, чтобы дикость, не принадлежащая к области дикой природы, высоко ценилась везде, где она проявляется. В усилии проложить мост через пропасть, которая образовалась между критиками и защитниками дикой природы, это эссе рассматривает качества места, которые придают ему дикость, и исследует некоторые из следствий истолкования дикости как качества, лучше всего выраженного в местах, которые мы называем облатями дикой природы, но которой также наделены особые места, находящиеся ближе к дому.

1. Дикая природа против дикости

Я верю, что ошибочное принятие дикой природы за дикость является одной из причин нашей увеличивающейся неспособности сохранить дикую землю... мы находимся в замешательстве в отношении того, что имел в виду Торо под дикостью, мы не уверены, что мы имеем в виду под дикостью, и нам неясно, что сохраняет дикость и как.

Джек Тернер, 1986 г.

Существует интересный контраст между словами дикая природа и дикость [англ. *wilderness* и *wildness* – ред.], который был сделан явным наиболее известным замечанием Торо: “В дикости состоит сохранение Мира”. Часто неверно цитируя или искажая это как “в дикой природе” природоохранное сообщество не беспокоилось по поводу отличия, потому что было достаточно легко примирить одно и другое: дикая природа является дикой, поэтому сохранение дикой природы сохраняет мир. Но Тернер, философ, точно подмечает: дикая природа – это место; дикость – это качество. Они не

эквивалентны, но мы позволили ими перепутаться.

Эта путаница не представляла бы никакой проблемы, если бы Торо имел в виду, что область дикой природы является местом дикости, но это было не совсем его намерение. Вместо этого Торо намеревался указать на дикость во всех вещах. Как отмечает Джек Тернер в “Абстрактном диком”:

Торо понимал дикость как качество: дикая природа, дикие люди, дикие друзья, дикие сны, дикие домашние коты и дикая литература. Он ассоциировал ее с другими качествами: хорошим, священным, свободным. В самом деле он приравнивал ее к самой жизни. Под свободой он имел в виду не права и свободы, но автономное и обладающее самостоятельной волей; а под жизнью – не простое существование, но жизнеспособность и жизненную силу.

Альтернативное выражение этого понятия предложено поэтом Гари Снайдером в своей книге “Практика дикого”, книгу, которую Джек Тернер считает единственным серьезным истолкованием отношений между природой, дикостью и дикой природой:

Дикая природа не ограничивается 2 процентами формальных областей дикой природы. Если сместить масштабы, то она повсюду: неистребимые популяции грибов, мха, плесени, дрожжей и тому подобного, которые окружают и населяют нас. Олени, скачущие через автостраду, голуби в парке, пауки в улах... Дикая природа может временно истощиться, но дикость не уйдет.

Если дикость представляет собой качество, которым наделены все вещи, а не только дикая природа, тогда как мы можем провести различие между дикой и недикой природой? Здесь на мгновение мы оказываемся на старой знакомой почве: дикая природа состоит из тех мест, которые по большей части являются дикими. Как говорит Гари Снайдер, дикая природа представляет собой “место, где дикий потенциал полностью выражен”. Исторически мы стремились к правилам, которые помогли бы нам сделать такое определение – раздел 1131

(с) Акта об областях дикой природы обеспечивает их наиболее знакомый набор:

Область неразработанной Федеральной земли, сохраняющая свои первозданные характеристики без постоянных усовершенствований или человеческого проживания, которая защищается и управляется так, чтобы сохранять свое природное состояние, и которая (1) в целом кажется подвергавшейся воздействию в первую очередь сил природы с отпечатком человеческого труда по сути незаметным; (2) имеет выдающиеся возможности для уединения или примитивного, неограниченного типа рекреации; (3) имеет по крайней мере пять тысяч акров земли или достаточный размер, чтобы сделать осуществимой ее заповедание и использование в неиспорченном состоянии; и (4) может также содержать экологические, геологические или другие характеристики, обладающие научной, образовательной, эстетической или исторической ценностью.

Использование Снайдером термина “полностью выражен” показывает, что он мог бы рассматривать дикую природу как абсолютное состояние. В других местах, однако, он показывает, что его подлинные чувства совершенно противоположны: дикая природа существует в относительной оппозиции развитию.

Акт об областях дикой природы был результатом споров и компромисса, которые происходили на протяжении более чем восьми лет. Он определяет область дикой природы как область федеральной земли, большую чем 5000 акров без людей или искусственных сооружений и обеспечивающую выдающуюся рекреационную или другие ценности. Это обеспечивает политическое/юридическое определение, которое может использоваться для того чтобы идентифицировать места, обладающие необходимыми характеристиками для определения области дикой природы в соответствии с Актом, но это все равно непосредственно не относится к вопросу: “Какие качества места делают его диким?”

Отвечать на этот вопрос можно начать со словаря. “Словарь американского насле-

дия” определяет дикое как “происходящее, растущее или живущее в природном состоянии; не одомашненным, культивированным или прирученным”. Это согласуется с наблюдением Гари Снайдера о том, что “дикое в значительной степени определено в наших словарях тем – с человеческой точки зрения – чем она не является [напр., дикая земля является необработываемой и невозделываемой].” Другие описывали дикую природу как “неухоженную”, “неограниченную”, “своевольную”, и “вне человеческого котроля” – другими словами свободную.

Свобода, как существенный ингредиент дикости и существенное качество дикой природы, была красиво передана создателями проекта Акта об областях дикой природы в слове “беспрепятственная” [*untrammelled*: свободная от ограничений, пут – ред.]. Это малопонятное слово, которое стало почти синонимичным дикой природе, не означает “непопранная” [*untrampled upon*: “незагоптанная” – ред.], как это обычно неправильно понимается; вместо этого оно означает “освобожденная от кандалов”, “получившая свободу”.

Но что означает для земли быть “беспрепятственной”? Образ земли в кандалах нелегко приходит на ум. Историк окружающей среды Майкл Кохен пишет: “Я озбочен термином “беспрепятственная”. В какой момент мы схватили или поймали в ловушку дикую природу? Я бы предположил, что процесс поимки или ловли в ловушку начинается, когда люди пытаются “открыть пути среди гор”. Таким образом, строительство дорог сокращает свободу земли, но есть и другие способы. Гася вызванные молнией пожары, истребляя ключевых хищников, запруживая реки, возделывая землю и производя другие более тонкие действия, мы поставили огромные части ландшафта под человеческий контроль или влияние. В самом деле, само наше присутствие в больших количествах сокращает свободу земли, поскольку мы неизбежно подвергаем ее использованию для своих целей (например, транспорт, рекреация, ги-

гиена). Когда загрязнение воздуха и изменение климата изменяют базовые экологические процессы, а современный транспорт распространяет человеческое влияние в наиболее отдаленные уголки земли, ясно, что абсолютная свобода земли более не существует; все, что у нас осталось, это относительно свободная земля.

Для некоторых свобода является ключевым качеством дикой природы. Постмодернистский философ Джек Тернер верит, что все, что мы делаем, как люди, вмешиваясь в дикую природу, уменьшает ее дикость:

Почему бы не работать над выделением обширных областей, где мы ограничиваем все формы человеческого вмешательства: никаких природоохранных стратегий, никакой спроектированной области дикой природы, никаких дорог, никаких троп, никакого спутникового наблюдения, никаких полетов на вертолетах, никаких нашейных радиопередатчиков, никаких измерительных приборов, никаких фотографий, данных глобальной системы навигации, никаких баз данных, наполненных данными о местоположении каждой грани вершины горы Моран, никаких путеводителей, никаких топографических карт. Пусть любая среда обитания, которую мы можем сохранить, как можно больше вернется к своему собственному порядку. Пусть область дикой природы снова станет белым пятном на наших картах.

Для таких авторов, как Тернер, именно выражение воли земли (“ее собственного порядка”), а не воли людей придает дикость; существенное требование к области дикой природы в том чтобы ее освободить.

В 1930 году Роберт Маршалл писал: “Существует лишь одна надежда оттолкнуть тираническую амбицию цивилизации покорить каждую нишу на всей земле. Эта надежда состоит в организации духовных людей для свободы дикой природы”. Хотя Маршалл мог ссылаться на волю земли в этом случае, значительная часть его озабоченности защитой дикой природы состояла в том, чтобы обеспечить постоянное существование мест, где люди могли бы быть

свободными. В знаменитом отрывке из “Прогулки” Торо говорит: “Я хочу сказать слово за Природу, за абсолютную свободу и дикость, в противоположность свободе и культуре просто гражданской...” Романтики девятнадцатого столетия защищали дикую природу как место, куда можно убежать от удушливости цивилизации. Родерик Нэш отмечает: “[Дикая природа] не только предлагала бегство от общества, но также являлась идеальной сценой для осуществления романтическим индивидуумом культа, который он часто делал из своей души. Одиночество и общая свобода дикой природы создавала совершенное окружение либо для меланхолии, либо для экзальтации”. На протяжении всей истории этой идеи дикая природа как место, в котором можно быть свободным, являлась постоянно повторяющейся ценностью. Напротив, Акт об областях дикой природы говорит о дикой природе как “об области, где земля и ее сообщество жизни не испытывают препятствий со стороны человека”, показывая, что именно сама земля является объектом этого слова. В то время как дикая природа будет оставаться высоко ценимой, где люди могут быть свободными, именно этот второй смысл, свобода самой земли, является здесь фокусом.

В одухотворенной отповеди постмодернистским нападкам на дикую природу Марвин Хенберг пишет: “Какую бы окончательную форму ни принимал панкультурный взгляд на дикую природу, когда он обсуждается среди неавторитарных культур, я полагаю, что свобода будет ее конечной ценностью. Для негуманоидной жизни свобода может быть основана только на спонтанности дикости”.

Если доводить это до крайности, то может показаться, что любая освобожденная земля является областью дикой природы. Самый прокопченный многоквартирный дом в середине города мог бы быть областью дикой природы, если дать ему свободу. Это, конечно, не соответствует ни одному, кроме самых эксцентричных определений дикой природы. Существенное качество ди-

кой природы, которое упущено в этом определении, это что-то, что лучше всего описывается как “природность”. Это понятие постоянно встречается во всех обсуждениях дикой природы во все времена, даже в тех, которые, как у Теренера, подчеркивают свободу как существенное качество.

Природное, примитивное, девственное, существовавшее до заселения. Эти слова ассоциировались с дикой природой со времен зарождения этой идеи. Даже процитированный выше словарь идентифицирует “природное (естественное) состояние” как интегральное для определения “дикий”. Несомненно природное (естественное) имеет два сопутствующих значения. Во-первых, оно может означать нетронутую биоту, как в “сообществе жизни, не испытывающем помех со стороны человека”, что указано в Акте об областях дикой природы. Эколог Рид Носс определяет природное как “состояние ландшафта перед существенным изменением современной человеческой деятельностью”. Это значение сравнимо со значением у Гари Снайдера, когда он говорит: “Говорить о дикой природе означает говорить о целостности”.

Другим сопутствующим значением “природного” является отсутствие модификаций со стороны человека, как в ссылке Боба Маршалла на условие, которое сохраняет как можно более близко существенные характеристики примитивной окружающей среды.” Акт об областях дикой природы определяет область дикой природы как “противоположность тем областям, где человек и его труды доминируют над ландшафтом”. Будь это присутствие нетронутых экосистем или отсутствие человеческих следов, качество природности является критическим для идей дикости и дикой природы.

Первое определение природного, предложенное “Словарем американского наследия”, является следующим “присутствующее в природе или произведенное в природе”, что означает не искусственное и не созданное человеком. Как отмечали многие философы на протяжении многих лет, однако, сами люди являются природными, и

такowymi являются и их продукты. Даже философ и поэт дикой природы Гари Снайдер предпочитает думать о природе как о “физической природе со всеми ее свойствами”. Восприятие природы как отсутствия человека является проблематичным, особенно учитывая важную роль, которую сыграли аборигенные народы в формировании структуры и состава некоторых экосистем.

Вильям Деневан нападает на идею дикой природы за то, что та не может признать широкого влияния туземных народов в Северной Америке посредством охоты, выжигания, сельского хозяйства и строительства. Калликотт доводит эту информацию до того, что он считает ее логическим выводом:

Со времен “Происхождения видов” и “Происхождения человека” Дарвина ... мы знали, что человек является частью природы... Если человек является природным, диким, эволюционирующим видом, существенном не отличающимся в этом отношении от всех других... труды человека, какими бы они не были являются такими же природными, как труды бобров или термитов или других видов, которые драматически модифицируют свою среду обитания.

В опровержении философ Холмс Ролстон утверждает:

Не так ... потому что человеческое присутствие так радикально отличается, людям следует отступить и оставить природу в покое. Люди могут и должны смотреть за пределы своего сектора, эгоистического интереса своего вида и утверждать неантропогенные, не культурные ценности. Только люди обладают достаточным сознанием чтобы сделать это... Думать, что человеческая культура не является ничем иным как природной системой, означает не быть достаточно разборчивым.

Основываясь на своем исследовании исторической экологии Йосемитского национального парка географ Томас Вале просто отвергает миф о гуманизированном ландшафте:

Места деревень были существенно гуманизированы повседневной жизнью

индейцев; рощи дубов или посадки папоротниковой сосны могли модифицироваться по форме или размеру на протяжении различных отрезков времени туземными народами; некоторые равнины невысоких лугов и лесов могли быть изменены выжиганием народом миуоки, хотя пожары от молний кажутся адекватными для объяснения доевропейского режима пожаров; средние и более высокие возвышения, напротив, изменялись туземными народами только поверхностно. Даже учитывая наиболее великодушные интерпретации того, что было “гуманизировано”, большая часть парка была “натуральной” – в том смысле, что его ландшафтные характеристики определялись природными процессами.

Определение природного как состояния Северной Америки ко времени европейского заселения также подвергалось критике, поскольку экосистемы являются динамичными и постоянно изменяющимися. Хотя пожары 1988 года в Йеллоустоне не были неестественными, нельзя не согласиться с тем, что Йеллоустон в 1989 году был совсем другим местом, чем столетием ранее, когда он был учрежден как национальный парк. Динамический характер экосистем делает трудной идентификацию конкретного состояния, называемого “природным”.

Несмотря на эту критику, необходимость описывать природность остается. Акт об учреждении Службы национальных парков требует, чтобы она “сохраняла пейзажи, природные и исторические объекты и диких животных в них”, а Акт об областях дикой природы требует, чтобы дикая природа “защищалась и управлялась так, чтобы сохранять ее природное состояние”. Два этих закона требуют, чтобы определение природности не просто было предметом академических споров; менеджерам на местах поручена их защита, и им нужно значимое определение.

Эколог дикой природы Давид Коул из Лесной Службы США исследовал текст Акта об областях дикой природы и пришел к заключению о том, что он дает конфликтующие направления. С одной стороны, природные условия могут считаться не испы-

тываемыми помех или не подвергавшимся манипуляциям; с другой стороны, о природных условиях можно думать как о “девственных” или “таких, которые существовали бы в отсутствие пост-аборигенных людей”. Акт об областях дикой природы ясен в том, что он предусматривает как природные, так и не испытывающие препятствий условия как цели для дикой природы. Коул утверждает, что когда природность определяется как одновременно не испытывающая помех и девственная, возникают конфликты, поскольку необходимы манипуляции для возмещения ущерба, вызванного злоупотреблениями, вторжениями экзотических видов и подавлением пожаров. Если, однако, не испытывающая помех приравнивается к свободе от человеческого контроля, тогда природное может быть определено независимо как девственное или “существовавшее до заселения”.

Коул не единственный, кто приравнивает “природное” и “не испытывающее препятствий”. В недавнем обзоре применений Акта об областях дикой природы Марк Вудз пишет:

Ради краткости я назову существование природности в дикой природе так, как это юридически интерпретируется беспрепятственным (свободным от помех) состоянием дикой природы. Термин “беспрепятственный” представляет собой менее точный способ сказать, что области дикой природы являются неразработанными “без постоянных усовершенствований (удобств) или человеческого проживания”, сохраняющими “первозданный характер и влияние.

Томас Вале соглашается:

Ландшафт может быть назван девственным, природным или “находящемся в состоянии дикой природы”, если фундаментальные характеристики растительности, диких животных, форм земли, почвы, гидрологии и климата таковы, что происходят из природных, негуманоидных процессов, и если эти условия существовали бы, вне зависимости от того присутствуют ли люди.

К сожалению, определение природы как девственной не обращается к проблеме ди-

наимизма в экосистемах. Если экосистемы являются динамичными, тогда любая дата до заселения, такая как 1492 год, является произвольной референтной точкой. Вместо этого природные состояния должны описываться как диапазон состояний или связанное поведение экосистем на протяжении периода времени, в котором основные факторы, контролирующие эти экосистемы (например, климат, организмы, почвы и беспокорство) оставались относительно постоянными. В Северной Америке это соответствует двум тысячам или около того лет до прибытия современного технологического человека. В других частях мира, где аборигенные технологии продолжают осуществлять свое традиционное влияние, экосистемы могут оставаться природными даже в присутствии значительного человеческого населения. Именно связанное состояние экосистем, динамическое и в присутствии аборигенного человека мы можем считать “природным” или “девственным”. Опять же, как и в случае со свободой, эффекты загрязнения, недавнего истребления и широко распространенной интродукции видов обеспечивают то, что ни одно место не остается подлинно девственным, только относительно.

Таким образом, возможно воспринимать дикость как растущую в двух направлениях: от контролируемого к “самовольному” вдоль градиенты свободы и от искусственного к девственному вдоль градиенты природности. В наиболее контролируемых и искусственных концах спектров находятся наименее дикие земли – построенная окружающая среда города. Там, где свобода и природность являются самыми высокими, находится область дикой природы. В промежутке земли могут обладать любой комбинацией свободы и природности и промежуточной дикостью. Например, канал С&О в округе Колумбия должен был бы занимать низкое место на шкале природности; это искусственный водный путь, засоренный экзотическими видами. Тем не менее, он получает мало непосредственных манипуляций и функционирует согласно своим собственным – сейчас искусствен-

ным – процессам. Поэтому о нем можно сказать, что он свободен от контроля и поэтому является более диким, чем город.

Напротив, прерия Куртиса представляет собой восстановленный участок прерии в древесном питомнике Университета штата Висконсин. Поскольку она почти полностью состоит из исконных видов на исконных почвах прерии, ее можно считать высоко натуральной. С другой стороны, она находится под непосредственным контролем персонала древесного питомника. Распространение семян представляет собой функцию людей, и пожары, которые поддерживают состав видов, организуются и контролируются людьми. Прерия Куртиса не является “своевольной” и поэтому не такой дикой, как область дикой природы. По различным причинам канал С&О и прерия Куртиса являются более дикими, чем город, но менее дикими, чем область дикой природы. Все земли находятся где-то внутри этого двумерного континуума дикости.

Существует множество примеров мест, о которых мы думаем как о диких, но которые в какой-то степени находятся под контролем. Поток воды через Эверглейдс контролируется мощной искусственной водопроводной системой. Текущая через Гранд Каньон река Колорадо контролируется дамбой Глен Каньон. Многие из наших национальных заказников [*national wildlife refuges* – ред.] сохраняют редкие болотистые земли в сельскохозяйственных ландшафтах с помощью искусственных водохранилищ. В самом деле, все более популярная практика экологического восстановления является вопросом постановки ландшафта для того, чтобы увеличить его природность. В идеале, если природность восстановлена, ландшафту можно функционировать самостоятельно, но во многих случаях восстановление природности потребует непрерывного контроля.

II. Дикая природа против диких земель

Итак, мы определили свободу от контроля и природность как первичные опреде-

ляющие природности. Но мы также признали, что дикая природа пронизывает все места и существа. Как в таком случае мы узнаем дикость, и как мы идентифицируем другие дикие земли, если они не те же самые, что дикая природа. Ответ состоит в том, что эти классы отмечены баллами на континууме дикости; от исключительно искусственных и прирученных до грубой дикой природы. Идея области дикой природы как одного конца континуума дикости является постоянно повторяющейся темой среди мыслителей о дикой природе. Как объясняет Гари Снайдер:

Каждый регион имеет свою область дикой природы. На кухне есть огонь, и есть места, по которым меньше путешествовали. В наиболее заселенных регионах существовала комбинация первоклассной сельскохозяйственной земли, земли фруктовых садов и виноградников, диких пастбищ, лесных участков, лесов и пустыни или горной “пустоши”. Де факто областью дикой природы была самая глубинная часть всего этого. Части, наименее посещаемые, это “там, где живут медведи”. Дикая природа находится в пределах пешей ходьбы, это может быть три дня, а может быть десять. Она находится на дальнем краю суровых гор или глубокого леса и болота, территории, где большинство из вас живет и работает. Люди ходят туда за горными травами или ради уединения. Они живут между полюсами дома и своих собственных диких мест”.

Таким образом ясно, что дикая природа представляет один из концов континуума дикости. Дикая природа включает те места в ландшафте, которые являются самыми дикими. В этом контексте правила для идентификации дикой природы становятся более проблематичными, и следуют дебаты по поводу минимальных критериев для дикой природы. История этого вопроса показывает, что ответы являются сложными. Споры по поводу стандартов чистоты, достаточного размера и т. д. продолжаются. Также история показывает, что минимальные критерии для дикой природы являются зависимыми от контекста. Битва

за восточную область дикой природы в национальных лесах показала, что дикая природа ценится везде, где она встречается, даже если критерии изменяются в зависимости от истории землепользования и общественных ожиданий. Было бы неразумно пытаться разрешить эти споры здесь; все, что может быть сказано это то, что дикая природа находится на самом диком конце спектра земель.

Конгресс особо включил земли в восточной части Соединенных Штатов, которые не отвечали стандартам области дикой природы, описанным в Акте об областях дикой природы 1964 года в Национальную систему заповедания областей дикой природы. Конгресс посредством этого действия, наиболее широко известного как Акт о восточных областях дикой природы, сформулировал свое намерение, чтобы большинство диких федеральных земель Востока были включены в систему областей дикой природы, несмотря даже на то, что они были невелики и испытали значительное человеческое воздействие.

Но как насчет диких земель, не относящихся к областям дикой природы? Учитывая этот континуум, как мы можем провести границу между дикой землей и недикой землей? Артур Кархарт, один из лидеров движения защиты дикой природы, ответил на этот вопрос следующим образом:

Физически “дикие земли” начинаются везде, где мы отворачиваемся от испытывающего господство человека ландшафта фермы, поселка, города или любого ландшафта в значительной степени модифицированного человеческой деятельностью, выполнявшейся с какой-либо целью. С этой точки дикие земли простираются вдаль в прогрессирующей степени уменьшения человеческого влияния в природном ландшафте, достигая своей кульминации в области дикой природы. Таким образом термин “дикие земли” представляет собой более чем иномим для термина “область дикой природы”; дикие земли – это область дикой природы плюс все окружающие земли, которые лежат между подлинной областью дикой природы, которая воплощена

полностью природным ландшафтом и теми ландшафтами, где контроль и манипуляции со стороны человека непосредственно очевидны.

... На мгновение предположим, что в общих чертах мы все знаем, что означает “область дикой природы”. Это земля, на которой нет постоянных сооружений и удобств любого типа, необходимых для человеческого проживания. Ее природные атрибуты остаются практически непо потревоженными кратковременными и непостоянными человеческими посещениями. Область дикой природы должна легко квалифицироваться большинством из нас как наиболее дикий вид местности во всем спектре областей, которые могли бы быть названными дикими землями. Не существует дикой земли, которая могла бы квалифицироваться как “более дикая”, чем область дикой природы.

Теперь, где вы можете провести черту по карте или по ландшафту так, чтобы по одну сторону находились дикие земли, а по другую находились земли, которые должны быть названы сельскими или городскими. В какой степени кто-то должен перекопать, вскопать, вырубить, выровнять или по другому навязать свои труды земле, которая ранее была дикой, чтобы “дикая окружающая среда” оказалась прирученной?

До тех пор, пока нам не потребуется более точное определение, мы можем использовать следующее в качестве приблизительного практического способа при решении о том, что является дикой землей, а что нет:

Дикой землей будет часть земной поверхности по которой очевидно, что топография и экологические связи, имеющиеся на ней, существуют в отношениях, определенных в основном природными законами и силами.

Кархарт был очень практичным человеком. Поэт Гари Снайдер объяснял это следующим образом:

Между крайностями пубокой дикой природы и частных участков фермерских хозяйств лежит территория, которая непригодна для сельскохозяйственных культур. В более ранние времена она использовалась совместно членами данного племени или деревни. Эта область,

включающая как дикое, так и полу-дикое, имела критическую важность. Она необходима для здоровья человека, потому что она добавляет большую среду обитания, территорию на случай переполнения и место, где могут летать и бегать дикие животные. Она является существенно важной даже для экономики сельскохозяйственной деревни, потому что ее природное разнообразие обеспечивает многие потребности и удобства, которые не могут обеспечить находящиеся в частной собственности участки.

Этот континуум дикости может быть представлен как полосы, идущие через двухмерное пространство, созданное свободой и природностью. Там где свобода и природность являются низкими, мы обнаруживаем “испытывающие господство человека ландшафты ферм, поселков, [и] города”. За пределами этой области находятся земли, от полудиких до областей дикой природы, которые являются высоко природными, свободными или и то и другое. Как и с границей между дикой природой и недикой природой, граница между дикой землей и недикой землей является неточной и зависимой от контекста, но тем не менее значимой.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что участки для парковки и выровненные лазером поля не являются дикими землями; однако горы ими являются. Но как насчет городских парков, сельских участков леса, и областей для катания на лыжах? Этот вопро поднимает тему масштаба. Дикие места являются узнаваемыми только в контексте большего целого, и то, какие земли мы признаем как дикие, зависит от масштаба анализа или от размера рассматриваемого ландшафта. Как отмечает Гари Снайдер, в каждом регионе вне зависимости от того, какого он размера, “есть огонь на кухне, и есть место, где меньше путешествовали”. Каждый ландшафт, городской ли, сельский ли или отдаленный, имеет свои места, где, как говорит Кархарт, “мы отворачиваемся от испытывающего господство человека ландшафта”. Существуют дикие земли, и они ценятся за свой дикий характер везде, где они встречаются.

В своей речи 1997 года, принимая высшую награду Общества дикой природы (ОДП) премию Роберта Маршалла, писатель и член Совета правления ОДП Том Баррон описал важность этих мест:

Я предполагаю, что каждый из нас, находящихся здесь сегодня, делает все, что мы можем сделать, чтобы защитить дикую природу, потому что в какой-то момент в нашей жизни мы открыли поразительно дикое место – как в земле, так и в самих себе. Это мог быть каньон, болото, горный луг или простой пучок мха, прицепившийся к камню. Для меня, я думаю, это было старое сосновое дерево-пондероза, которое росло возле крутого ручья на ранчо моих родителей в Колорадо.

Он затем переходит к пересказу истории Кейт, героини его книги “Древний”, которая нашла убежище и общение в полосе древнего дерева, вдохновленной этой древней сосной пондероза. После этой истории он продолжил:

Я делюсь с Вами этой маленькой историей молодой девушки и дерева, и отрывком, вдохновленным ним, потому что я знаю, что каждого из вас загрохнуло место, подобное этому, в вашем собственном прошлом. Я часто задумывался, какая рана была бы нанесена моей жизни, если бы эта старая пондероза была срублена для еще одного телефонного столба или если эта земля была замощена ради еще одного торгового центра.

Это место никогда бы не смогло квалифицироваться как национальный парк, тем более быть заповедано как область дикой природы. Оно уже было окружено торговыми центрами. И все же не так давно оно все равно обладало достаточной дикостью, чтобы квалифицироваться по крайней мере для одной молодой девушки как священное место.

Исследователь дикой природы Майкл Фроум излагает это следующим образом: “Большие области являются желательными, но дикая природа заключает в себе образец первобытного в любой степени. Оно может быть таким же маленьким как собственный задний двор или заросли диких растений и травы, которые обеспечивают ощущение изначального ландшафта”. Фроум

использует термин “дикая природа” так, как мы бы использовали дикие земли, но смысл остается тем же самым – опыт дикого можно получить повсюду. Признание роли масштаба делает возможным разнообразие в том, каким образом люди воспринимают дикую природу в ландшафте, не преуменьшая важности больших областей дикой природы. Всегда практичный Кархарт объясняет:

Существует несколько градаций от абсолютно дикой природы до полупригородной пикниковой зоны наших диких земель, которые могут оказать на многих людей почти полное воздействие абсолютно дикой природы. Эти зоны в классификациях диких земель могут содержать в себе старые дороги для повозок, пришедшие в упадок строения лесопилок, заброшенные шахты, даже свежие следы от джипов и все равно обеспечивать для многих людей подлинный опыт дикой природы.

Олдо Леопольд признавал важность масштаба, когда писал:

Дикая природа существует во всех степенях, от небольшой случайной дикой точки у начала оврага в лесном участке в Кукурузной зоне до обширных пространств девственной местности... Дикая природа представляет собой относительно состояние.

Континуум дикой земли не существует только в масштабе больших ландшафтов от города до дикой природы. В рамках части земли, которую мы называем сельской, существуют виды землепользования в диапазоне от корпорации агробизнеса до ранчо. Мы можем определить, что распаханная или застроенная земля не является дикой, но большое ранчо является. Даже в недиком ландшафте фермы земля может находиться в диапазоне от застроенных мест проживания до невозделанного пастбища и леса. В рамках этого ландшафта эти невозделанные области обеспечивают проблеск природного и свободного и высоко ценятся за свою дикость.

III. Дикая природа: идеальная или реальная?

До сих пор в настоящем эссе утверждалось, что два качества: свобода и природ-

ность (естественность) вносят вклад в дикость любого участка земли, и что область дикой природы существует на самом диком конце континуума дикости в любом ландшафте и в любом масштабе. Это может помочь разяснить значение дикой природы, но это не отвечает на один из основных аргументов критики дикой природы: что это скорее идея, чем реальное место. Остается вопрос о том, может ли какое-либо реальное место рассматриваться как дикая природа.

Представление о том, что дикая природа является скорее идеей, чем местом, часто приписывается историку Родерику Нэшу, который открывает свою конструктивную и классическую работу “Дикая природа и американский разум”: “Дикая природа на первый взгляд обладает обманчивой конкретностью. Трудность состоит в том, что в то время как это слово является существительным, оно действует как прилагательное. Не существует такого конкретного материального объекта как дикая природа”. Почти через тридцать лет после Нэша, Макс Оелшлегер посвятил 477 страниц философских рассуждений идее дикой природы. В самом деле то, что дикая природа является в такой же степени вопросом опыта, в какой она является физическим местом, было постоянно повторяющейся темой в литературе о дикой природе. Для Торо ходьба пешком и “определенная суровость характера”, которая ее порождает, были такими же важными, как и характер самой дикой природы. Боб Маршалл стремился к физической независимости в “суровой окружающей среде”, в то время как Сигурд Олсон стремился к “поту и тяжелому труду, и страстному удовлетворению, которое приходит только с трудностями”. Автор произведений о природе Давид Куаммен, превозносил связанный с опытом, а не физический аспекты дикой природы, когда он писал: “Дикая природа ... присуща любому географическому или эмоциональному контексту, который остается незагрязненным абсолютной безопасностью и уверенностью”. Даже Теодор Рузвельт в цитате, которая открывала это эссе, прославлял

опыт охоты в дикой природе, а не саму землю.

Таким образом, в дикости, несомненно, имеется компонент опыта. Дикие люди будут постигать опыт ландшафта по-разному. Некоторые могут получить опыт дикой природы в ландшафте, отмеченном человеческим присутствием. Для других свобода и природность могут быть испытаны только в гораздо больших масштабах. Джек Тернер отвергает дикость всей Северной Америки, за исключением Аляски и Канады. Майкл Фроум видит дикую природу в зарослях травы. Такого рода субъективность создает проблемы для любого, кто пытается идентифицировать на месте область дикой природы или дикие земли. Не вызывает сомнения то, что опыт приключения, опасности, удивления, духовного обновления и другие ценности являются излюбленными аспектами дикой природы, но как мы видели, существует также осязаемый аспект дикой природы, присущий самой земле, который можно наблюдать и объективно описать. Как отмечает Майкл Фроум, “В то время как состояние дикой природы существует в умах, оно существует только в той степени, в которой оно существует где-то на местности. Оно становится заслуживающим описания как дикая природа из-за своего характера, а не из-за какой-либо конкретной цели, которой оно служит”. Понимание этого является критически важным для нашего понимания дикой природы. Дикая природа, несомненно, является не просто идеей. Это место, место, где идея четко выражается: идея дикости.

IV. Политические следствия

Признание дикой природы как одного из концов континуума дикости во многих масштабах имело глубокие следствия для того, как мы рассматриваем дикую природу. Говорилось, что когда первые европейцы достигли Северной Америки, они обнаружили огромный ненаселенный континент: “дикая природа от побережья до побережья”. Фактически это было не так. Он был

уже населен людьми, которые в некоторых местах в значительной степени модифицировали свое окружение для того, чтобы контролировать землю. Но это был континент с гораздо меньшим количеством людей, чем живет на нем сейчас, которые использовали технологии, гораздо менее способные на драматические и широкие модификации экосистем. За прошедшие 500 лет мы изменили на противоположные отношения между дикой и не дикой землей вдоль континуума. То, что когда-то являлось морем дикой природы с пунктирными островками застройки, стало застроенным морем, поддерживаемым осажденные архипелаги диких земель различного размера. Масштаб этого отражен в растущем лексиконе, описывающем вторжение застройки в остающуюся дикую природу: “пригороды”, “загородная местность”, “смесь города и диких земель”. Популярность защиты дикой природы отражает растущую озабоченность по поводу утраты диких мест вокруг нас.

Развязка этого изменения состоит в том, что дикий конец континуума сейчас становится все менее обычным во многих ландшафтах и все выше ценится за то, что он дает. Так называемый Акт о восточных областях дикой природы от 1975 года проложил путь своим открытым признанием того, что дикая природа существует относительно своего окружения. Он идентифицировал наиболее дикие федеральные земли сильно застроенной восточной части Соединенных Штатов как области дикой природы. Это имеет далеко идущие следствия. В то время как Акт об областях дикой природы и его нормативы по-прежнему будут управлять тем, что может быть определено как область дикой природы в больших федеральных землевладениях, Акт о восточных областях дикой природы установил философскую опору для признания других федеральных и нефедеральных диких земель областями дикой природы. Нет более необходимости думать об областях дикой природы только как об обширных массивах отдаленной земли; их можно найти гораздо ближе к дому в наиболее диких частях любого ландшафта.

Акт о восточных областях дикой природы также признал временное измерение в дикости. Многие из земель, определенных этим ландшафтом, являлись столетием ранее высоко модифицированными сельскохозяйственными ландшафтами. В результате их освобождения от сельского хозяйства они восстановили аспекты природности и свободы от контроля, что привело к их признанию как областей дикой природы. Таким образом было установлено, что какая-то степень дикости может быть восстановлена, что открывает философскую дверь для долгосрочного восстановления экосистем дикой природы на деградировавших землях, способность высвобождать дикость имеет потенциал вдохновлять изменения в дикой земле от безнадежной защиты от атак застройки до энергичного собрания поддерживаемой национальной сети диких земель.

Признание дикости как двумерного континуума также улучшает понимание долгосрочного противоречия в управлении областями дикой природы. Некоторые утверждали, что управление областями дикой природы является оксюмороном; то есть, что земля не может одновременно управляться и быть свободной и поэтому не может одновременно управляться и являться областью дикой природы. Однако двойственные качества дикой природы, а не обеспечение конфликтующих целей, дает двойственные цели для менеджмента дикой природы, к которым надо подходить одновременно. Это будет связано с уступками и компромиссами, но эти уступки нет необходимости рассматривать как неразрешимые конфликты.

В первую очередь менеджмент областей дикой природы нацелен на сведение к минимуму человеческого воздействия путем управления людьми, а не землей, чтобы сохранить землю свободной и функционирующей в соответствии с ее собственными правилами. Это может быть достигнуто при помощи управления количеством и распределением людей и их поведением в области дикой природы. Во-вторых, менеджерам может быть необходимо вмешиваться, чтобы восстанавливать поврежденные экосистемы и природность. Очень часто это

связано с компромиссом в отношении свободы, чтобы восстановить или поддержать природность. Решения вмешаться от имени природности должны принимать во внимание относительную обратимость результатов действия и бездействия, возможность поддерживать получившиеся в результате условия и долговременное воздействие вмешательства на свободу и природность системы. Уединение гораздо легче восстановить, чем почву или истребленный вид. Тем не менее, к вмешательству всегда следует подходить со скромностью, и как предупреждает Президент Стражи дикой природы Билл Ворф, вмешательство должно быть “ограничено теми минимальными действиями, которые установят условия, что позволят еще раз качнуть маятник природных процессов”. Без менеджмента областей дикой природы чрезмерное использование, внешние влияния и экзотические виды заставят землю – и опыт земли – деградировать до такой точки, что она больше не сможет рассматриваться как природная или свободная.

Одним из современных примеров того, как двумерный континуум может помочь обеспечить структуру для осуществления политики, является вопрос закрепленных якорей в дикой природе. Лесная служба США предложила запретить постоянную установку в областях дикой природы оборудования, такого как вспомогательные приспособления для скалолазания и альпинизма. Лесная служба утверждала, что эти установки приводят к модификации окружающей среды, которая не допускается согласно Акту об областях дикой природы. Скалолазы гневно ответили, что эти модификации являются по сути незаметными, особенно относительно знаков, мостов и троп, которые являются обычными характеристиками обстановки области дикой природы. Принятие во внимание как свободы, так и природности может предложить новую точку зрения на этот спор вместо того чтобы рассмотреть, являются ли альпинистские болты более или менее природными, чем мосты, менеджеры могут спросить: “ка-

ково воздействие фиксированных якорей на свободу земли?” “Каково будет воздействие на скалу, если мы не позволим фиксировать якоря?” “Каково будет воздействие на растительность, если позволим?” В идеале этот решение укрепит как свободу, так и природность дикой природы, но в конечном счете это может привести к компромиссу.

В своем рассмотрении дилеммы руководства областью дикой природы, Дейвид Коул показывает, что может быть невозможным достичь целей свободы и природности на одном участке земли. Достижение одной цели делает невозможным достижение другой. Он показывает, что может прийти время рассмотреть новый тип земли, в которой какая-то часть дикой природы управляется свободно, и мы принимаем такие вещи как вторжения сорняков и неестественные пожары, а другая часть дикой природы активно управляется, чтобы сохранить природный состав и структуру. Принимая во внимание то, что мы сейчас знаем о воздействиях рекреационного использования как на свободу, так и на природность, вероятно пришло время рассмотреть третий тип области дикой природы, управляемой строго для рекреации. Это несомненно разрешило бы трудные вопросы, такие как спор о закрепленных якорях. Такая система, однако, представляла бы собой серьезный отход от традиционных концепций дикой природы. Дикость области дикой природы зависит одновременно от свободы и природности. Она не может быть разбита на составляющие части и остаться дикой. Подобным образом, опыт рекреации в дикой природе может ощущаться только в области дикой природы, а не в рекреационной “зоне пожертвования”. Если мы хотим сохранить дикость области дикой природы, мы должны найти способы одновременно защитить как природность земли, так и ее свободу от человеческого контроля.

Заключение

Недавняя критика идеи дикой природы, предпринятая Калликоттом, Крононом и

другими, может быть прослежена в конечном счете до напряженности в традиционных определениях дикой природы, созданных противостоянием людей и природы. Дикая природа критикуется за отделение людей от природы, за игнорирование аборигенных народов и за то, что она оставляет природу статичной, даже тогда, когда она почитается как место. Представление дикой природы, описанное здесь как выражение двумерного континуума дикости, определенное природностью и свободой от человеческого контроля, предлагает выход из этой дилеммы. Описывая дикость как континуум, мы признаем дикость, которая находится повсюду вокруг нас, несмотря даже на то, что мы прославляем места, находящиеся в конце континуума. Определяя “природное” как существовавшее до поселения людей, мы объясняем аборигенное влияние в создании природных систем; но признавая, что интенсивные аборигенные влияния могут уменьшить свободу земли от человеческого контроля, мы поместили аборигенных и пришлых людей на один и тот же уровень. Наконец, определяя природную обстановку как связанные состояния экосистем на протяжении истории относительно постоянных факторов окружающей среды (включая антропогенные потрясения), мы сделали возможным динамизм в экосистемах, признавая в то же время, что некоторые условия являются более природными, чем другие. Вероятно, эта концеп-

ция поможет нам лучше понять как значение дикой природы, так и ее место в нашей культуре.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что Акт об областях дикой природы уловил существенные качества дикой природы. Признание им “первозданного характера и влияния” хорошо накладывается на качества природности и свободы от человеческого контроля, как описано здесь. Точнее говоря, существуют белые пятна вокруг центральной концепции, как и вокруг какой-либо концепции, но ясно, что идея дикой природы работает. На протяжении тридцати пяти лет определение, данное Актом об областях дикой природы, позволяло нам соглашаться по поводу того, что такое дикая природа – с точностью до более 104 миллионов акров. Также ясно, что дикость является качеством, присущим другим местам, которые не удовлетворяют определению Акта об областях дикой природы. Другие дикие земли выходят за пределы учрежденных Конгрессом областей дикой природы от наполовину природных ландшафтов до парков и незастроенных земель, которые пронизывают сельскую и городскую окружающую среду. Когда мы войдем в следующее столетие, давайте направим свое внимание не в сторону от дикой природы, но на ее защиту, чем бы она ни являлась, и посвятим себя расширению нашей существующей системы в поддерживаемую национальную сеть диких земель.

ПРИРОДА УЖЕ СВЯЩЕННА

Кай Милтон

Приписывая природе своего рода святость, можно добиться сохранения ее девственного состояния. Для многих жителей

Запада природа является священной. Цель данной публикации состоит в том, чтобы прояснить общие заблуждения в рассуждениях об окружающей среде.

Опубликовано: Milton K. Nature is already sacred. *Environmental values*. 1999. Vol. 8. No 4. P. 437-451. Сокращ. перевод А. Елагина, адаптация Е. Поминовой.

Во-первых, предлагается привнести элемент священности в наши отношения с природой. Это выражается в призывах ко включению религиозных мировоззрений в эти-

ку окружающей среды, примером этого являются публикации Всемирного Фонда охраны дикой природы. Разумнее было бы предположить, что святость природы в нашем понимании является фундаментальной и хорошо сформировавшейся частью сознания, поэтому должна восприниматься более серьезно.

Часто также идет речь об устранении концептуального барьера между нами и природой. Предполагается, что наша отделенность от природы, господство над ней и манипулирование ради собственных целей привело к ее разрушению.

Устранение концептуального барьера, который отделяет человека от природы, формулируется с позиций контраста с незападными традициями — буддизма и некоторых туземных народов.

Суть позиции — “мы должны восстановить в своей жизни этику любви и уважения к Земле, которые традиционные народы сохранили как центральные для их систем ценностей”.

Это направление экологической мысли состоит в том, что рассмотрение священности природы и рассмотрение человеческого и негуманоидного миров как единого целого является одной общей формулой для западного общества, что с моей точки зрения является заблуждением. Я буду утверждать, что в западной культуре, по крайней мере в некоторых контекстах, священность природы должна рассматриваться независимо от человечества.

Необходимо сделать оговорку, что природа представляет собой неоднозначный термин, который используется иногда с включением человечества — здесь она определяет общую схему вещей, к которой принадлежат человеческие существа, и в которой без сомнения, природа рассматривается многими людьми как священное, божественное творение. В другом смысле термин “природа” определяется пространством, которое “находится там”, но “не есть нами”, т. е. является человеческим. Несомненно, для активных сторонников охраны природы наиболее важным является второе

значение термина. Я предполагаю, что именно в этом по сути негуманоидном смысле природа рассматривается как священная. Мои комментарии в этой статье составлены в первую очередь к точке зрения охраны природы. Есть три основных шага в аргументах, представленных здесь: установить, что природа является священной в западном мышлении, установить, что для сторонников охраны природы в частности, священной является негуманоидная природа, и показать причины, почему это должно быть установлено так.

Для начала расшифрую свое понимание термина “священное”.

Природа священного

Священность имеет что-то общее с религией в том, что религиозные объекты, верования и действия часто описываются как священные. Религия, в свою очередь, обычно имеет что-то общее с духовностью. Здесь я предположу, что религия подразумевает священное. Тогда люди, имеющие религиозное или духовное отношение к природе, считают ее священной. Но священность выходит за рамки религии в том смысле, когда люди, охотно принимающие священность определенных вещей, не считают себя верующими и их отношение не является религиозным.

В качестве широкого рабочего определения я показываю, что термин “священный” может быть применен ко всему, ценность чего не основана на суждении, но испытывается посредством органов чувств и, когда необходимо, утверждаться догматически. Священность, таким образом, связана с эстетикой, с эмоциональным опытом. Религиозные объекты и события часто понимаются таким образом, а также некоторые явления, не имеющие отношения к религиозной сфере, как например, основные права человека: право на жизнь, на свободу. Несомненно, при некоторых обстоятельствах священные ценности конфликтуют друг с другом. Отмечая, что природа познается как священная, я показываю, что люди ценят природу таким же образом, каким

они ценят религиозные объекты и их права. В рассуждениях об окружающей среде природа часто открыто утверждается как право: право будущих поколений жить в здоровой и разнообразной природной окружающей среде.

Священность природы

В западной литературе, связанной с рассуждениями об окружающей среде, содержится много личных утверждений и аналитических наблюдений, которые открыто связывают природу с религиозными ценностями, духовностью и эмоциональным опытом. В качестве иллюстрации приведу три примера. Во-первых, пример того, что люди говорят о своем опыте природы. При проведении анализа образования в области окружающей среды в Британии Палмер проверяла гипотезу о том, что “духовные идеи, отношения и опыт, которые разделяют или встречают индивидуумы, может сильно повлиять на развитие их сознательности и заботы по отношению к окружающей среде...” (Палмер 1998: 148). Контрольная группа из 232 людей, занимающихся образованием в области окружающей среды, представила автобиографическую информацию, указывающую на то, что повлияло на их приверженность заботам об окружающей среде. 6 процентов открыто сослались на Бога или религию, 91 процент привели опыт нахождения “на открытом воздухе” — в природном “мире” как образовательное влияние. Многие из этих видов опыта описывались с духовных или эмоциональных позиций с использованием выражений “благоговение и изумление”, “тайна”, “трансцендентальность” и ссылались на опыт уединения и свободы (Палмер 1998: 150-1). По оценкам Палмер и ее коллег, в общем, “более 90 процентов респондентов сослались в какой-то момент в их историях жизни на духовные идеи и опыт как на ключевое влияние на их мышление” (Палмер 1998: 151).

Во-вторых, анализ того, как люди действуют по отношению к природе. Шержинский идентифицировал несколько способов,

благодаря которым люди обращаются к священности природы. Он утверждал, что “защита окружающей среды была сформирована религиозными способами действия и общности” (Шержинский 1997: 50) и посредством сравнения с историей христианства показывал, что активизм в защите окружающей среды характеризуется четырьмя видами “экологического пиетета”. Монашеский пиетет проявляется защитниками окружающей среды, что уходят от современного общества вести жизнь, которая сводит к минимуму их вредное воздействие на природу, практикуя самодостаточность, выращивая и производя то, что им необходимо, повторно обрабатывая и используя все, что возможно.

Сектантский пиетет требует подобной степени личной приверженности, но направлен на социальные изменения, а не на самоотречение. Эта категория включает деятельность таких организаций как “Прежде Земля!”, Фронт Освобождения Земли и протестующих против британской программы строительства дорог, которые все занимались различными формами прямого действия.

Две остающиеся формы экологического пиетета испытываются теми, кто следует условностям современного индустриального общества, но поведение которых в этом контексте выражает какую-то степень озабоченности окружающей средой. Это церковный пиетет — поддержка организации охраны окружающей среды более пассивными способами, делая пожертвования и оплачивая подписки, получая индивидуальное удовлетворение от знания того, что другие действуют от их имени.

Народный пиетет, как полагал Шержинский, испытывается через зеленое потребление, которое он описывал как “своего рода ритуализация повседневности” (Шержинский 1997: 49). Посредством зеленого потребления и связанных с этим видов деятельности, таких как повторное использование материалов, люди привычно встраивают экологическую сознательность в свой повседневный выбор, облегчая свою

весть относительно воздействия человека на природу и в то же время демонстрируя свою озабоченность.

Важность анализа Шержинского состоит в том, что в современной религии пиетет вдохновляется вещами, отличающимися от верований в божество, а также в том, что он говорит о ценностях окружающей среды. Эти ценности образуют категорию явлений, которая вдохновляет пиетет, который вызывает религиозную реакцию. В результате этой реакции людей на ценности окружающей среды они обращаются к сакральности природы.

Третий пример. Брон Тейлор (1997), утверждал, что научный факт не может полностью аргументировать заботу человека об окружающей среде, в основе этики охраны природы должна стоять религия. Его понимание религии является широким, включающим гораздо большее, чем верования в божественные существа, включающим весь спор о природе божественного. Тейлор обеспечивает достаточно четкое описание чего-то, что очень трудно выразить: способа, которым священные ценности происходят непосредственно из опыта природы, не пройдя через фильтр рациональной мысли. Адамс выразил это следующим образом: “Природа является чем-то, опыт чего можно получить очень непосредственно, и этот опыт является искрой, из которой могут вырасти более широкие заботы о природе — это жизненный опыт охраны природы (Адамс 1996: 104). Многие сторонники охраны природы поддерживают этих двух комментаторов защиты окружающей среды и согласны с их утверждениями. Они основаны на годах исследования защиты окружающей среды в Британии и Ирландии, включая интервью, в которых защитники природы описывали свои мысли и чувства.

Священность дикой природы

В приведенных выше наблюдениях нет ничего, что подразумевало бы отделенность священности природы от человечества. Какие основания нужны защитникам природы для утверждения священности негуманоид-

ной природы? Вообще говоря, природу, нетронутую человеческой рукой, стоит сохранять, в то время как природа, на которую повлияла человеческая деятельность, является менее ценной. Так, виды, которые являются туземными для данной области, больше заслуживают защиты, чем виды, которые были интродуцированы, первозданный лес является более драгоценным, чем вторичный лес и так далее.

Охрана природы нацелена на поддержание границы между человечеством и природным миром. Мы охраняем дикую природу, потому что она является дикой, потому, что может наступить время, когда не будет существовать ничего, что не повреждено человечеством или не испытало его влияния.

В книге Билла Адамса “Будущая природа” (1996) говорится: “Природа обладает огромной ценностью из-за своей роли как культурного архива, хроники человеческих предприятий и хозяйствования, и поскольку природа обладает негуманоидной чуждостью, которая стоит отдельно от человеческих ценностей.” (Адамс 1996: 106). Он утверждал, что люди нуждаются в “чуждости” природы, ее дикости, ее способности действовать независимо от человечества. Если сторонники охраны природы приручают ее посредством менеджмента, изгоняя из нее дикость, они разрушают это важное качество. Для Адамса чуждость природы видится наиболее живо в способности природных процессов продолжаться: — птиц — мигрировать, дюн — перемещаться и менять форму, рек — формировать ландшафт — вне зависимости от того, что мы можем делать.

Почему дикая природа является священной?

До сих пор я описывал природоохранное отношение к природе. Чтобы исследовать причины, почему негуманоидная природа постигается как священная, я обращаюсь к зеленой теории Гудина (1992). Его аргумент состоит в том, что люди хотят увидеть какой-то смысл и образец в своей жиз-

ни, и что это требует, чтобы их жизни были помещены в какой-то более широкий контекст, в этом смысле она выполняет такую же психологическую функцию, как общество и история.

Важное значение имеет то, что сторонники охраны природы часто представляют природу как природное наследие, указывая, что ее священность имеет временное, также как пространственное измерение. Теория Гудина объясняет, что та часть природы, которая находится за пределами человеческого влияния, обладает большей ценностью, является более священной, чем часть, сформированная человечеством. Дикая природа находится за пределами человеческой истории и поэтому обеспечивает контекст не только для жизни индивидуумов и групп, но и для всего человечества. Чем шире контекст, тем больше чувство “дикой чуждости”, которая воздействует на нас, и следовательно, тем более священной является ее ценность. В соответствии с теорией Гудина мы можем ожидать, что не-

гуманоидная природа всегда будет познаваться как священная, кроме тех культур, в которых человеческий и негуманоидный миры настолько полно интегрированы, что не существует пространства, которое не является человеческим.

Приведем эту мысль в соответствие с наукой. Человечество однозначно является частью природы. Мы являемся биологическим видом, подобно любому другому, мы подчиняемся законам природы, и все, что мы делаем, является природным. Но мы являемся только частью природы. Есть значительная часть природы, которая существует вне зависимости от наших действий — это негуманоидная (дикая) природа. Она обеспечивает условия для человеческой жизни, что делает ее священной для нас. Если мы хотим сохранить этот священный контекст, мы должны защитить негуманоидную природу от человеческого влияния, мы должны защищать независимость диких процессов.

Литература и идеология легендарной экогруппы “Прежде Земля!”

Стивен К. Стил

В этом эссе говорится об обширной области литературных исследований. Помимо критики ведущих работ с точки зрения экологического понимания, ученый должен стараться понять литературу “низов” самого экологического движения, поскольку она является важнейшей частью этого движения. В качестве примера, радикальная экологическая группа “Прежде Земля!” создала значительный объем “внутренней” ли-

тературы, который позволяет группе продолжать функционировать в духе оппозиционной критики современных постулатов западной индустриальной культуры. Действительно, литература движения “Прежде Земля!” настолько важна для этой группы, что можно сказать, что “Прежде Земля!” вряд ли смогла остаться жизненной частью экологического движения без своего литературного наследия. Чтобы понять “Прежде Земля!”, нужно понять ее литературу, так как из ее символов, например, стихов, песен и историй, вытекает большое число функций, способствующих жизнестойкости группы. Действительно, поскольку эта группа бросает вызов традиционным пределам социальных воззрений, и, тем

Опубликовано: Steel S.K. Literature as community: the essential utility of the Literature of Earth First! In: Literature of nature. An international sourcebook. Ed. P.D. Murphy. Fitzroy Dearborn Publishers, Chicago-London, 1998. P. 449-452. Перевод С. Колоса.

самым, ставит под сомнение статус кво, группа должна создать символическую структуру, объединяющую членов движения соответствующей идеологией. После создания этой символической идеологии или мифов их нужно постоянно повторять как для членов группы, так и для тех, кто не являются таковыми. Чтобы группа оставалась полноценным органом, она должна обладать определенными средствами, усиливающими ее тактику и убеждения. Для солидарности и спаянности группы очень важна веская символическая структура, создаваемая вокруг сообщества группы; поэтому соответствующее объяснение группы подразумевает объяснение этой символической структуры.

Для выяснения этой задачи необходима культурная интерпретация символической литературы “Прежде Земля!”. Пьер Бурдьё сказал, что критика организации, подобной “Прежде Земля!”, должна воссоздать символическую структуру индивидуальной, субъективной реальности (т. е. овладение социальными символами), а также то, как они интерпретируются социальными посредниками. Поэтому культурной средой подобной группы является не ряд правил, а социально создаваемая стратегия, позволяющая социальную деятельность. В природе эти стратегии символичны. Слово “символ” использовано здесь в духе Энтони Коэна: не в качестве простого воспроизведения, но как частичное и не совсем воплощенное в жизнь значение, сопровождаемое увещанием, которое должны воплотить в жизнь те, кто использует символ или те, на кого он рассчитан. Символы обретают огромное значение при составлении границ, определяющих сообщество, включая движение “Прежде Земля!”. Хотя идеи сообщества разделяются ее членами, смысл этой сообщества “варьируется в зависимости от конкретного отношения к ней ее представителей”. В силу подобных расхождений “сознательность сообщества” следует поддерживать при помощи символических конструкций и манипулирования,

таким образом, жизнь сообщества зависит от прочтения этого символизма, поскольку он оказывается вплетенным в жизнь ее членов. Этот символизм обеспечивает четкими границами или “рамками” то, что в ином случае было бы бессвязной мешаниной “наобумных” интерпретаций.

Эти параметры могут быть использованы для фокусирования на литературе “Прежде Земля!” при помощи расшифровывания символических конструкций и последующего декодирования этой литературы. Сперва, однако, нам следует вкратце поговорить о характере движения “Прежде Земля!” и об экологическом движении, из которого оно вышло. “Прежде Земля!” было основано как альтернатива тому, что ее основоположники назвали “реформистским экологизмом”. Активисты таких групп, как Общество дикой природы и Сьерра-Клуб в этом течении “профессионализированных” экологических групп видели поиск постоянного компромисса в “погоне за влиянием и доверием” и эта компромиссная позиция неуклонно приводила к уничтожению остающихся нетронутых областей США. Эту философскую позицию основоположников “Прежде Земля!” можно назвать “глубинной экологией”, которая, по мнению Дэйва Формэна, является ведущей организующей силой, стоящей за “Прежде Земля!” и глубоким этическим уважением к присущему праву природы на существование, свободное от посягательств человека.

Событием, возвестившем об основании “Прежде Земля!”, было символическое “разбивание” Плотины Каньона Глен, плотины, построенной с попустительством реформистских групп, типа Сьерра-Клуба, и затопившей то, что некоторые считали наиболее зрелищным местом вдоль реки Колорадо. За этим последовали различные другие акции, названные “экоатажем” (саботаж во имя окружающей среды), включая выведение из строя бульдозеров и известную тактику “протыкания деревьев”. Вся эта деятельность “вытекает” из лозунга движения: “Никакого компромисса в деле защиты

Матери-Земли!”. От символического зеленого кулака, являющегося “визитной карточкой” этой группы до восклицательного знака на конце ее названия и лозунга.

При раскодировании сущностной природы символической литературы движения “Прежде Земля!” особенно важно понятие анализа структуры, в объяснении Дэвида Сноу и Роберта Бенфорда. Сноу и Бенфорд эти структуры описывают как “интерпретативные схемы”, используемые социальным движением для упрощения и кодирования обычно сложной реальности, включая объекты, ситуации и события, так что реальность может быть легче натурализована и распространена в умах представителей движения. Так как для “упорядочивания” идеалов группы используется символическое кодирование, то определение и уточнение этих символов при выявлении “сферы” этой группы играет большую роль. Эта структура для движения обладает тройной полезностью: она определяет проблемные состояния, ставит диагноз и назначает лечение состояния, и, посредством символизма, делает возможным объединение событий и восприятия в осмысленном духе. Сила этой структуры заключается в функционировании в глазах участников движения ее законности и в ее “работе” по созданию убедительных и понятных символов и мифов группы.

Свою обширную литературу “Прежде Земля!” использует как раз для укрепления этой структуры. Опять повторюсь, “Прежде Земля!” возникла в результате отрицания так называемого “реформистского экологизма”, идущего на слишком большой компромисс с неэкологическими интересами. Продолжающееся уничтожение природы и посягательство на целостность экосистем создает проблемные состояния, и это привлекает к “Прежде Земля!” все новых членов, но еще более важно то, что в качестве “диагноза” этого состояния указывают на конкретные лесоразрабатывающие, промышленные и скотоводческие корпорации. “Лечение” заключается в более радикаль-

ном вмешательстве в работу сил, ухудшающих окружающую среду, включая технику пассивного сопротивления, уничтожение машин и втыкания больших гвоздей в деревья, чтобы не допустить их использования в качестве древесины. Структура и методика “Прежде Земля!” были определены самым ее зачатием.

Определение структур подразумевает не просто определение целей; необходимо также и чтобы символы и мифы служили в качестве рабочих средств. После определения структуры, чтобы обеспечить ее сохранение и вескость, ее нужно постоянно повторять и переинтерпретировать для участников движения. Создание и распространение литературы является важным инструментом, полезным в этом отношении. К изданиям “Прежде Земля!” относится “Журнал “Прежде Земля!”” (единственное периодическое издание движения, используемое для сообщения информации, касающейся непосредственных действий, новостей, философских размышлений и т. д.), “Песенник “Прежде Земля!”” (содержит “народные песни” движения с нотами, которые можно применять на собраниях, а также картины, рисунки и другие символы), небольшие буклеты с новостями, такие как “Поэт-воин”, публикуемые поэтами движения, и другие лозунги, символы и изображения, встречающиеся на собраниях, майках, плакатах и т. д.

Много символики, содержащейся в этой литературе, служит затем в качестве средств, укрепляющих структуру движения. Одним из таких примеров является частое использование зеленого кулака, сопровождающее “Прежде Земля!” и лозунг “Никакого компромисса в деле защиты Матери-Земли!” Кулак означает активность, агрессивный захват инициативы и внутреннюю силу движения, тогда как зеленый цвет говорит о том, что “Прежде Земля!” – это радикальная группа, требующая перемен в окружающей среде. К названию группы также прилагается фраза: “При принятии любого решения прежде всего следует по-

мнить о Земле”. Использование прописных букв и восклицательных знаков напоминает о неотложном характере миссии группы и о том, что время “умеренного поведения” реформистского экологизма прошло. Лозунг движения определяет и делает прочнее радикализм “Прежде Земля!”, напоминая о несогласии компромисса с неэкологическими интересами. Экотаж также является эффективным символическим инструментом для поддержания структуры. Иногда экотаж называют “действиями гаечного ключа” после публикации романа Эдварда Эбби “Ганг гаечного ключа”, и понятие гаечного ключа как “простого орудия” защиты окружающей среды означает то, что при ее защите можно пользоваться “любым доступным орудием”. Прямое вмешательство в деятельность тех, кто уничтожает природу, подразумевает личное участие и, следовательно, особое отношение к движению, и недооценить его нельзя. Экотаж еще больше выявляет радикально-активистский характер “Прежде Земля!”.

Литература “Прежде Земля!” делает сильный упор на экотаж, включая использование в качестве образчика действия “гаечного ключа”, прославляя в поэзии и песнях экоажные эпизоды и публикуя множество “боевых историй”. В каждом издании “Журнала “Прежде Земля!”” детально описываются сражения с представителями тех сил, которые эксплуатируют и губят природу. В рассказах, рисунках и поэзии романтично изображаются непосредственные действия, направленные против корпораций, уничтожающих окружающую среду, в точности следуя канве таких работ, как стих Двайта Доркера “Топи его!”, опубликованного в “Журнале “Прежде Земля!””

Круши его, скручивай его, бей его и ломай,
Пробивай его и топи любым способом!

В их шестернях уничтожения мы – возможно,
всего лишь песчинки.

Но делай это, делай это, делай это – если можешь!

Литература непосредственного действия и экотажа способствует вписыванию историй, героев и мучеников движения в руко-

водство к действию и идеологическую программу для местных активистов. Это позволяет “Прежде Земля!” воспользоваться действием главных сил для создания культурно связующей солидарности. Развитие этой связующей солидарности происходит на фоне “постоянного конфликта с доминирующими структурами”. Поэтому очень важно, чтобы этот конфликт стал объектом символизирования и прославления и был включен в структуру оппозиции силам обычного социального контроля. Эта структура для “Прежде Земля!” существенно важна, т. к. она оперирует вне социально принятых линий и использует непосредственные акции. Поэтому члены “Прежде Земля!” полагаются друг на друга и доверяют друг другу; “их взаимная солидарность является основой их силы”. Тактическая деятельность экотажа прославляется в народных песнях и литературе “Прежде Земля!”, например, в книге “Экозащита” – руководстве к действиям “гаечного ключа”. “Боевые истории” (так члены “Прежде Земля!” называют рассказы о непосредственных действиях), песни, карикатуры и стихи, в которых прославляются сражения с корпорациями лесопромышленников, с Национальной лесной службой, с пассивными экологами и другими, укрепляют чувство братства. В результате создается “культура конфликта, и вытекающая отсюда “культура солидарности”.

Таким образом, воинственность “Прежде Земля!” является приоритетным качеством этого движения, и многие литературные работы “Прежде Земля!” вещают об идеях конфронтации. К примеру, в них часто говорится о Джуди Бари, организаторе и активистке движения, пострадавшей от взрыва бомбы во время ее поездки по Окленду (Калифорния) вместе с другим активистом Дэррелом Черни в мае 1990 г. с целью организации акции “Лето красного леса”. ФБР заявило, что они стали жертвами своих собственных терактов. В фольклоре “Прежде Земля!” говорится, что бомбу подложили с целью дискредитировать движение. Как бы там ни было, Джуди Бари ста-

ли воспевать в стихах и песнях, в том числе в работе самого Черни “Кто подорвал Джуди Бари?”:

Джуди Бари – организатор “Прежде Земля!”
Калифорнийские красные леса являются ее домом.

Она призывала к Лету Красного леса,
Где бродит черный медведь и сидят совы.
Чарли Нэрвитц – глава лесопромышленной
Компании МАХХАМ из Ходстока
Гарри Мерло – управляет компанией
Луизиана-Пасифик из Портленда
Они – короли древесины,
Они знают как рубить вас.

Всем было известно, что они задумали
(Поэтому я вас спрашиваю)
Кто подорвал Джуди Бари?

Я знаю, вы все еще там.

Видели ли вы ее искалеченное тело?

Или дух, который вы не можете убить?

Сейчас Джуди Бари – мать двух детей –
Бомба разорвала ее живот.

Иногда она кричит по ночам

В своей камере в Мендосино.

ФБР против нас... Мы же хотим лишь
справедливости

И мы отомстим за нашего раненного
товарища,

Защищая эту ограбленную землю.

Так мученичество Джуди Бари оказалось канонизировано благодаря легенде и стало использоваться в качестве призыва к возмездью, для скрепления солидарности членов “Прежде Земля!” в их борьбе против лесопромышленников и ФБР. В другой песне Дэррела Черни и Майка Россела, “Он выглядит как Иисус”, говорится о провокаторе, проникшем в организацию, что привело к арестам многих активистов “Прежде Земля!”. Песня эта является своего рода рассказом-предупреждением, повестью о дальнейшем мученичестве и предостережением, касающимся важности объединения и усилия перед лицом нападков ФБР. Таким образом, создание культуры конфликта – во многом результат литературы “Прежде Земля!”, цементирующей оппозиционную природу движения и утверждавшей важность сплоченности группы перед лицом врага. Это облегчает создание культуры солидарности, поддерживающей движение с помо-

щью включения действий основных экологических сил, которое, тем самым, становится фактором силы, а не слабости.

Кроме того, литература “Прежде Земля!” должна способствовать строительству общности, благодаря объединению структуры “Прежде Земля!” с теми идеями, которые эта структура проводит. Как уже говорилось выше, организующий принцип “Прежде Земля!” был направлен не только против антиэкологической активности основной культуры, но и против главного экологического течения реформистского толка. Литературные усилия служат для акцентирования на этом внимания. Одним примером является стих Метью Хаун, названный “Своди к минимуму, Ройс, рециркулируй”, в которой высмеиваются те поверхностные экологи, которые предпочитают тихие перемены настоящей смене стиля жизни, к которой призывают члены “Прежде Земля!”:

Своди к минимуму, Ройс, рециркулируй, Ра!
Мне приятно говорить это, поэтому пойдём
и нарвём цветов.

Мы сведём наши леса к доскам и стружке,
И восстановим политическую власть.

И сейчас я еду на велосипеде через гущу
транспорта

И совершаю пируэты, которые и не снились
балетному танцору.

Я чуть не съехал с дороги из-за встречной
машины

С плакатом с надписью “Деревья являются
ответом”.

Я думаю, у меня есть лучший ответ для вас:
Своди к минимуму, восстанавливай баланс,

Это никогда не подводило.

Я хочу из газет опять сделать бумагу
И убрать “крышку с твоего бензобака” –
И сделать из этого бензозверя “коктейль
Мологова”

... А из экологического конфликта извлечь
деньги.

Это индустрия роста, и мы все в ней
задействованы.

Насильник Земли грабит то, что осталось от
планеты.

И Сьерра-Клуб разрывает истекающие
кровью сердца.

Этот стих, распеваемый в издевательском тоне, к восторгу собрания, способствует созданию символической перемены ситуации. Такая символическая перемена выявляет отношение “Прежде Земля!” ко всем непричастным к движению (обычному обществу и экологам-реформистам). Высмеивая и выявляя недостатки непричастных к движению, движение обретает еще большую силу. Так как Сьерра-Клуб в глазах членов “Прежде Земля!” выглядит виновным во многих экологических проблемах, то естественно их движение представляется им жизненной альтернативой. Это заставляет членов движения еще более тесно вживаться в структуру движения. Большая часть литературы движения служит той же цели, высмеивая менталитет ранчеров, называя браконьеров “мужественными мужчинами” или критикуя сторонников отдыха на открытом воздухе или людей, загипнотизированных телевидением. Символическая смена ролей, таким образом, является важным компонентом символического репертуара и форм движения как существенной части его литературы.

Литература “Прежде Земля!” также служит высвобождению выразительности языка из обычных рамок. Например, значение слова “лес” настолько широко, что его можно применить в равной степени к любой “группе деревьев, близко расположенных друг к другу”. Мы не делаем особого различия между старыми лесами, лесами, появившимися уже после вмешательства человека и группами деревьев, посаженных человеком. Литература “Прежде Земля!” для того, чтобы исправить это неверное восприятие на верное, пользуется новыми, прямыми и “революционными” выражениями, например, название “древферма” более точно отражает суть леса, посаженного человеком: это обычно одна порода дерева, часто экзотическая, засаженная рядами и сопровождаемая химическими и ирригационными инъекциями, урожай с которой собирают в ненатуральное время исключительно для человеческого использования.

“Древферма” не только дает свободу выразительности, но и противопоставляется общепринятой концепции “восстановления леса” после вырубания девственных лесов.

Для исправления неверных презентаций экологической реальности можно использовать также и фотографии. После опубликования Сьерра-Клубом фото девственной природы, вера в то, что они делают “правое дело”, усилилась. “Прежде Земля!” раскрывает ошибочность этого, предлагая свои публикации фото и рисунков, изображающих уничтожение лесов, убийство медведей и т. д., что радикально противоречит обычным представлениям о защите окружающей среды.

Также целью литературы является и выявление истинного значения общепринятых выражений. Литература “Прежде Земля!” противостоит значению компромисса, принятому в обычных кругах, выявляя его как конечное зло, предоставляющее все больше дикой природы бензопиле и бульдозеру. Выявляется также значение слова “радикальный”, которое все чаще перестает выглядеть термином осмеяния и становится почетным титулом. “Прежде Земля!” перепределяет множество других слов, например, “основная масса”, “умеренность” и т. д., изменяя их обычное значение и придавая им совершенно иные оттенки, согласующиеся с духом движения. На одной карикатуре, например, изображен процесс выведения из строя бульдозера с иронической надписью: “Мы работаем с системой” – что является ответом тем, кто осуждает “Прежде Земля!” за то, что она это не делает. Карикатура утверждает то, что “Прежде Земля!” так работает “с системой” – а именно, с действующими системами бульдозеров и других машин, уничтожающих окружающую среду, выводя их из строя. Тем самым “Прежде Земля!” использует литературу в качестве “радикального творческого пространства” для высвобождения воображения и выражения.

Кроме того, литература “Прежде Земля!” играет очень важную роль сопротив-

ления бюрократии, презрения иерархии и вместо этого фокусируется на усилиях местных рядовых активистов. “Прежде Земля!” изображается идеалом и “передовым бойцом”, сохраняющим энергию и не сливающимся с основной массой экогрупп, и противопоставленным этим группам. Суть “Прежде Земля!” выражается в области

противостояния конкретным угрозам окружающей среде или непосредственных действий. При возникновении необходимости такой мобилизации небольшая группа единомышленников планирует и выполняет нужную деятельность для устранения угрозы и затем самораспускается.

РЕКОМЕНДАЦИЯ О СОХРАНЕНИИ КРАСОТЫ И ХАРАКТЕРА ПЕЙЗАЖЕЙ И МЕСТНОСТЕЙ

Принята Генеральной конференцией на двенадцатой сессии,
Париж, 18 декабря 1962 г.

Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, собравшись в Париже с ноября по 12 декабря 1962 г. на свою двенадцатую сессию,

Считая, что во все времена человек иногда наносил красоте и характеру пейзажа и местностям, являющимся частью естественного окружения его жизни, ущерб, обеднивший культурное, эстетическое и даже жизненно важное наследие целых районов во всех частях мира,

Считая, что освоением новых земель, развитием, иногда беспорядочным, населенных пунктов, проведением крупных работ и осуществлением обширных планов промышленного и торгового развития и оснащения, современные цивилизации ускорили это явление, которое до последнего века было относительно медленным,

Считая, что это явление отражается как на эстетической ценности естественных или созданных человеком пейзажей и местностей, так и на том культурном и научном интересе, который представляет жизнь дикой природы,

Считая, что из-за их красоты и характера сохранение пейзажей и местностей, о

чем говорится в настоящей рекомендации, необходимо для жизни человека, являясь для него мощным восстановителем физических, моральных и духовных сил и одновременно содействуя художественной и культурной жизни народов, как об этом свидетельствуют многочисленные всемирно известные примеры,

Считая, более того, что пейзажи и местности являются важным фактором экономической и социальной жизни значительного числа стран, а также важным элементом условий гигиены их жителей,

Признавая, однако, что следует учитывать требования жизни в обществе, его эволюцию, а также быстрое развитие технического прогресса,

Считая, таким образом, что крайне желательно и срочно необходимо изучить и принять должные меры для сохранения красоты и характера пейзажей и местностей повсюду и всякий раз, когда это еще возможно сделать,

Рассматривая предложения о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей, — вопрос, являющийся пунктом 17.4.2 повестки дня сессии,

Решив на своей одиннадцатой сессии, что предложения по этому пункту явятся предметом международной регламентации в виде рекомендации государствам-членам,

Приняла сего одиннадцатого декабря 1962 г. настоящую рекомендацию:

Опубликовано: Всемирное культурное и природное наследие. Документы, комментарии, списки объектов. М.: Институт наследия, 1999. 337 с.

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам применять нижеприведенные положения, принимая меры в форме национальных законов или иным путем, с тем чтобы распространить действие норм и принципов, изложенных в настоящей рекомендации, на территориях, находящихся под их юрисдикцией.

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам довести настоящую рекомендацию до сведения властей и органов, ведающих сохранением пейзажей и местностей и оборудованием территорий, охраной природы, развитием туризма, а также до сведения молодежных организаций.

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам представить ей в соответствии с установленными ею сроками и формой доклады о принятых ими мерах по осуществлению настоящей рекомендации.

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1. В настоящей рекомендации, под сохранением красоты и характера пейзажей и местностей подразумевается сохранение и, когда это возможно, восстановление пейзажей и вида городских или сельских местностей, созданных как природой, так и трудом человека, представляющих культурный или эстетический интерес или же являющихся примерами характерной естественной среды.

2. Положения настоящей рекомендации дополняют также меры по охране природы.

II. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

3. Научные исследования и меры по сохранению пейзажей и местностей должны распространяться на всю территорию государства и не должны ограничиваться определенными пейзажами или некоторыми определенными местностями.

4. При выборе применяемых мер следует учитывать относительный интерес рассматриваемых пейзажей и местностей. Эти меры могут быть различными, в частности, в зависимости от характера и размеров пейзажей и местностей. их размещения, а так-

же характера опасностей, которым они могут быть подвержены.

5. Сохранение не должно ограничиваться естественными пейзажами и местностями, а должно также распространяться на пейзажи и местности, создание которых является целиком или частично плодом труда человека. Так, особые положения должны быть предусмотрены для обеспечения сохранности некоторых пейзажей и некоторых местностей, таких как городские пейзажи и местности, которым обычно грозит наибольшая опасность, в частности, ввиду строительных работ и спекуляции земельными участками. Должна быть обеспечена специальная охрана участков, непосредственно прилегающих к памятникам.

6. Меры, которые следует принять для сохранения пейзажей и местностей, должны носить предупредительный и исправительный характер.

7. Предупредительные меры по сохранению пейзажей и местностей должны быть направлены на защиту от опасностей, которые им угрожают. Эти меры должны касаться, главным образом, контроля работ и мероприятий, могущих нанести ущерб пейзажам и местностям, и в частности:

a) строительства общественных и частных зданий всех видов. Проекты этих зданий должны разрабатываться с учетом соблюдения определенных эстетических требований, предъявляемых к самому сооружению, избегая дешевого подражания традиционным и живописным формам. Они должны гармонировать с ансамблем, который желательно сохранить;

b) строительство дорог;

c) электропередач высокого и низкого напряжения, сооружений по производству и передаче электроэнергии, аэродромов, радио- и телевизионных станций и т. д.;

d) строительства станций обслуживания и бензоколонок;

e) рекламных афиш и световой рекламы;

f) уничтожения насаждений, включая уничтожение деревьев, которые способствуют эстетике пейзажа, в частности, деревьев вдоль путей сообщения или улиц;

g) загрязнения воздуха и вод;

h) эксплуатации шахт и карьеров и удаления их отходов;

i) водосборных сооружений, ирригационных работ, плотин, каналов, акведуков, регулирования рек и т.д.;

j) кемпинга;

к) складов оборудования и использованных материалов, а также свалок отходов и бытовых, торговых или промышленных отходов.

8. Для сохранения красоты и характера пейзажей и местностей следует также учитывать опасности, связанные с шумом, который возникает при определенных видах работ или при определенных проявлениях жизни современного общества.

9. Мероприятия, могущие нанести ущерб пейзажам или местностям в выделенных или иным образом охраняемых зонах, могут допускаться только тогда, когда этого действительно требуют общественные или социальные интересы.

10. Меры исправительного характера должны быть направлены на ликвидацию ущерба, нанесенного пейзажем и местностям, и, по мере возможности, на приведение их в надлежащее состояние.

11. С тем, чтобы облегчить выполнение задач различными государственными органами, ведающими сохранением пейзажей и местностей в каждом государстве, должны быть созданы научно-исследовательские институты, которые будут сотрудничать с компетентными властями с целью обеспечить гармонию и унификацию применяемых в этой области законодательных и регламентарных положений. Эти положения и результаты работы научно-исследовательских институтов должны публиковаться в едином периодическом административном издании.

III. МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ

12. Сохранение пейзажа и местности должно обеспечиваться изложенными ниже методами:

а) общим контролем со стороны ответственных властей;

б) включением соответствующих условий в планы градостроительства и планы развития: региональные, сельские и городские;

с) выделением обширных пейзажей в "особые зоны";

д) выделением отдельных местностей;

е) созданием и содержанием природных заповедников и национальных парков;

ф) приобретением местностей для их сохранения общественными органами.

Общий контроль

13. Общий контроль должен осуществляться в отношении работ и мероприятий, могущих нанести ущерб пейзажам и местностям на всей территории государства.

Планы градостроительства и перестройки сельских районов

14. Планы градостроительства и перестройки сельских районов должны включать положения, касающиеся требований, необходимых для сохранения пейзажей и местностей, даже не выделенных в особом порядке, но находящихся на территории, охватываемой такими планами.

15. Планы градостроительства или перестройки сельских районов должны составляться с учетом их срочности, в частности для быстро развивающихся городов или районов, где сохранение эстетического или живописного характера местности оправдывает составление таких планов.

Выделение обширных пейзажей в "особые зоны"

16. Обширные пейзажи должны выделяться в "особые зоны".

17. Выделение в "особую зону", если в этих "особых зонах" эстетическая сторона имеет первостепенное значение, должно предполагать контроль над разделом земельных участков и соблюдение определенных общих предписаний эстетического характера в отношении использования материалов и их цвета, норм высоты, мер, необходимых для скрытия вынужденного грунта при строительстве плотин или эксплуата-

ции карьеров, регламентации вырубки деревьев и т. д.

18. Выделение в “особую зону” должно быть доведено до общего сведения, а также должны быть утверждены и распространены общие правила, которые необходимо соблюдать для сохранения выделенных таким образом пейзажей.

19. Выделение в “особую зону” не должно, как правило, давать право на выплату возмещения.

Выделение отдельных местностей

20. Отдельные естественные и городские местности небольших размеров, равно как и участки пейзажа, которые представляют исключительный интерес, должны выделяться особо. Участки, откуда открывается красивый вид, а также участки и здания, окружающие какой-либо памятник, должны быть также выделены особо. Выделение таким образом каждой местности, участка или здания следует производить путем особого административного решения, должным образом доведенного до сведения владельцев.

21. Такого рода выделение местности должно связывать владельца запретом разрушать местность или изменять ее состояние или вид без разрешения властей, ведающих сохранением.

22; Возможная выдача разрешения должна сопровождаться всеми условиями, могущими обеспечить сохранение местности. Однако разрешение не будет требоваться для обычных работ по эксплуатации сельскохозяйственных угодий или по поддержанию сооружений.

23. Экспроприация участков местности государственными властями; а также проведение любых общественных работ на особо выделенной местности, должны быть обусловлены предварительным согласием органов, ведающих сохранением. Никому не должна предоставляться возможность приобрести, на основе права собственности, в пределах особо выделенной местности права, могущие привести к изменению

характера или вида этой местности. Владелец, без согласия властей, ведающих сохранением, не может вводить никакие условия, касающиеся использования местности.

24. Выделение местности должно сопровождаться запретом любых форм загрязнения территории, воздуха и вод; разработка ископаемых может допускаться только по специальному разрешению.

25. Помещение на выделенной местности или в непосредственной близости от нее любой рекламы должно быть запрещено или ограничено местами, специально для этого отведенными решением властей, ведающих сохранением.

26. Разрешение на кемпинг в выделенных местностях в принципе не должно предоставляться и выдается только в границах участков, установленных властями, ведающими сохранением, и находящихся под их контролем.

27. Выделение особо какой-либо местности должно предусматривать возможность выплаты компенсации владельцу в случае, если этим выделением ему нанесится прямой и явный ущерб.

Естественные заповедники и национальные парки

28. Если позволяют условия, государства-члены должны включать в зоны и местности, сохранение которых необходимо обеспечить, национальные парки, создаваемые в целях воспитания и для отдыха людей, и естественные заповедники как полные, так и частичные. Такие естественные заповедники и национальные парки должны составлять комплекс экспериментальных зон, предназначенных также для проведения научных исследований по созданию и восстановлению пейзажа, равно как и по защите природы.

Приобретение участков общественными органами

29. Государства-члены должны благоприятствовать приобретению общественными органами участков, являющихся частями пейзажа или местности, сохранение

которых следует обеспечить. В случае необходимости должна быть предусмотрена возможность такого приобретения в порядке экспроприации.

IV. ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ

30. Основные нормы и принципы, регламентирующие в каждом государстве-члене сохранение пейзажей и местностей, должны иметь силу закона, тогда как меры по их применению передаются в ведение соответствующих властей в рамках функций, которые возлагаются на них по закону.

31. Государства-члены должны создать специализированные органы, соответственно административного или консультативного характера.

32. Органы административного характера должны быть центральными и региональными специализированными службами по осуществлению охраны. С этой целью они должны иметь возможность изучать проблемы охраны и классификации, проводить обследования на месте, готовить необходимые решения и контролировать их выполнение. На них должно быть возложено также внесение предложений о мерах, способных уменьшить опасность в связи с проведением определенных работ или направленных на восстановление ущерба, вызванного такими работами.

33. Органы консультативного характера должны представлять собой комиссии в национальном, региональном или местном масштабе, на которые может быть возложено изучение вопросов, связанных с сохранением, и внесение предложений по этим вопросам центральным или региональным властям или соответствующим местным обществам. В частности, мнение этих комиссий будет запрашиваться во всех случаях и в должное время, в частности, при разработке предварительных проектов, когда дело касается работ, представляющих общий интерес, или работ большого масштаба, — таких, как строительство автострад, строительство гидротехнических

сооружений, создание новых промышленных предприятий и т.д.

34. Государства-члены должны содействовать созданию и деятельности неправительственных, национальных или местных организаций, на обязанности которых будет лежать сотрудничество с организациями, указанными в пунктах 31, 32 и 33, в частности, путем информации общественного мнения и оповещения соответствующих служб об опасностях, угрожающих пейзажам и местностям.

35. В случае нарушения правил сохранения пейзажей и местностей должна быть предусмотрена возможность получения компенсации и возможность обязать нарушителя привести местность, по возможности, в прежнее состояние.

36. Должны быть предусмотрены административные или уголовные наказания в случае умышленных покушений на пейзажи или местности, находящиеся под охраной.

V. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

37. В школе и вне школы должна быть предпринята воспитательная работа, с тем чтобы пробудить и развить у населения уважение к пейзажам и местностям, а также с тем, чтобы лучше ознакомить его с изданными правилами, касающимися сохранения пейзажей и местностей.

38. Учителя и преподаватели, на которых будет возложена такая воспитательная работа в школе, должны получить специальную подготовку по этому вопросу — в средних и высших учебных заведениях, обучения на научных и исторических факультетах и в технических институтах или любыми другими подходящими методами.

39. Государства-члены должны также содействовать выполнению существующими музеями их миссии для усиления воспитательной работы, которую они уже проводят в этом направлении, и предусмотреть возможность создания специальных музеев или специализированных отделов в су-

ществующих музеях для изучения и демонстрации природных и культурных аспектов, присущих определенным районам.

40. Внешкольная воспитательная работа должна являться задачей прессы, частных ассоциаций по сохранению пейзажей и местностей или по охране природы, органов, занимающихся туризмом, а также организаций молодежи и народного образования.

41. Государства-члены должны способствовать воспитанию населения и стимулировать, оказывая им материальную помощь, деятельность ассоциаций, органов и организаций, которые посвящают себя этой задаче, и представляя в их распоряжение, а также в распоряжение лиц, занимающихся просвещением вообще, соответствующие средства популяризации — в том числе

фильмы, радио- и телевизионные передачи, оборудование для постоянных, временных или передвижных выставок, брошюры и книги, могущие иметь широкое распространение и носящие воспитательный характер. Широкая популяризация может быть достигнута через посредство газет, журналов и региональных периодических изданий.

42. Вопросам охраны красоты природных или созданных человеком пейзажей и местности должны посвящаться национальные или международные дни, конкурсы и другие подобные мероприятия, с тем чтобы привлечь внимание широкой общественности к важности сохранения их красоты и характера, являющегося одной из первостепенных проблем для общества.

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ КАК ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ

Н.Б. Игнатовская

До недавнего времени (точнее, до начала 60-х годов) вопрос об отношении к животным в европейской философии и этике подробно не обсуждался и не включался в круг серьезных проблем. Еще в начале XX в., упрекая философов за нежелание заниматься рассмотрением нравственных аспектов общения человека с животными, А. Швейцер писал: “Подобно аккуратной хозяйке, которая, убрав комнату, закрывает дверь, заботясь о том, чтобы в комнату не вошла собака и не испачкала лапами чистый пол, европейские мыслители тщательно следят за тем, чтобы в их этику не пробрались никакие звери. Упорство, которое они проявляют, стремясь узаконить и возвести в принцип традиционное бездушие,

граничит с нелепостью. Они или вообще отбрасывают чувство сострадания к животным, или всячески принижают его. Если же они допускают это чувство в несколько большем размере, то стараются оправдать его всеми средствами, а иногда чуть ли не извиняются за него”¹.

Конечно, нельзя утверждать, что европейских философов вообще не волновало положение “братьев меньших”. Однако их суждения о нравственных обязательствах людей по отношению к животным, о “правах животных” и о необходимости гуманных способов регуляции их связей с людьми были по преимуществу случайными. Отдельные меткие и глубокие замечания философов о нравственной ответственности людей за страдания, причиняемые животным, не становились темой для размышлений и не образовывали устойчивой

Опубликовано в сборнике “Этическая мысль. Научно-публицистические чтения”. М.: Политиздат, 1988. С. 220-236. Печатается с сокращениями.

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. с. 294.

мыслительной традиции. В настоящее время ситуация резко изменилась. Отношение человека к животным стало одной из широко дискутируемых философско-этических проблем. В данной статье предлагается краткий очерк взглядов на эту тему, в котором основной упор сделан на дискуссии в современной западной этике.

Поводом для первых попыток рассмотрения проблем, встающих перед человеком в ситуациях общения с животными, послужило возникновение в XIX в. обществ, имеющих целью предупреждение и пресечение жестокого обращения с животными. Первое такое общество было учреждено в 1824 г. в Англии, позднее аналогичные общества возникли во многих европейских странах. В России Общество покровительства животным было организовано вначале в Одессе, а затем в Санкт-Петербурге (в 1865 г.) и других городах. Выступая против жестокого обращения с животными, члены этих обществ создали соответствующую систему просвещения и воспитания в школах, способствовали росту общественного интереса к рассмотрению положения животных, прирученных человеком, изучению жизни и рациональному использованию диких животных, были инициаторами принятия законов, позволяющих пресекать действия, причиняющие животным страдания. Эти общества распространяли и популяризировали сведения по зоологии, содействовали поднятию культуры охоты и рыболовства, животноводства и сельского хозяйства в целом. Их члены занимались лечением больных животных, обучали правильному уходу за ними, следили за соблюдением правил уничтожения одичавших бродячих животных, представлявших угрозу здоровью людей, и за выполнением правил торговли животными и их убоя. Так, по представлению Российского общества покровительства животным, авторитет которого был очень высок, лица, виновные в жестоком обращении с животными, штрафовались и даже увольнялись с государственной службы. Благодаря его активности за использование больных и ослабевших лошадей, из-

девательство над кошками и собаками стал взиматься штраф 10 рублей, а за разорение ради забавы птичьего гнезда — 2 рубля. В 1886 г. министерство внутренних дел России утвердило правила, согласно которым за жестокое убийство и увечье животного полагался штраф до 100 рублей и арест до одного месяца. Общество посылало своих обвинителей на судебные процессы, где рассматривались дела о покушении на “естественные права” животных и жестокое обращение с ними.

Однако в условиях царизма полезные и гуманные начинания Российского общества покровительства животным не получили общегосударственного воплощения и не дали заметных результатов. Инициативы общества часто вступали в прямое противоречие с частнособственнической системой хозяйства и потребительской психологией, все более укоренявшейся в общественном сознании. Когда, например, в 1914 г. участники российского природоохранительного движения внесли предложение об организации на Кубани заповедника для охраны зубров, правительство дало им такой ответ: “Охрана редких зоологических пород не отвечает понятию общепользующей государственной меры, ради осуществления которой можно поступиться неприкосновенным вообще правом частной собственности”¹.

Что же касается теоретических аспектов проблемы общения человека с животными, то вклад представителей движения в защиту животных в ее разработку был очень скромным. Хотя обсуждение на страницах печати различных сторон этой проблемы и способствовало привлечению к ней внимания и определенной нравственной ориентации общественного сознания, все же редко кто из участников дискуссии выходил за рамки простого морализаторства.

И сегодня проблема нравственной регуляции отношения человека к животным не получила в отечественной литературе

¹ См.: Рахилин В.К. Природоохранное движение в России. М., 1985, с. 25.

должного внимания. Философы, обществоведы, как нам кажется, не стремятся глубоко вникнуть в мировоззренческую подоплеку бурных споров о характере и перспективах общения человека с животными, вновь и вновь вспыхивающих на страницах популярных газет и журналов. Участие философов в этих спорах сводится к отдельным высказываниям, которые, как правило, не идут дальше морализаторских сентенций о необходимости любви к животным, о воспитательном значении чувства сострадания (иногда подкрепленных литературными примерами, ссылками на изречения “столпов мудрости”) или же утверждений, что любовь к животным вытекает из норм социалистической морали.

Споры время от времени затихают, но по-прежнему нет единства мнений о том, насколько оправдано присутствие животных в городах, о формах их содержания, способах регуляции их численности и о границах использования животных в научных экспериментах. Можно сказать, что разнородные критерии оценки отношений человека к животным складываются в общественном сознании стихийно в процессе формирования установок на гармонизацию связей человека и живой природы, а также повышения ценностного статуса животных.

К сожалению, осталась почти вне внимания советских теоретиков отчетливо проявившаяся в последние два десятилетия тяга западных специалистов по моральной философии к теоретической разработке нравственных основ взаимоотношений человека и животных¹. Между тем сделанная ими попытка рассмотрения отношения к животным как *собственно этической* проблемы заслуживает пристального изучения.

Работы современных западных исследователей, затрагивающие этот аспект эко-

логической проблематики, условно можно разделить на две группы. Самая многочисленная представлена трудами специалистов-естественников — экологов, биологов, охотоведов и т. д., — которые уже давно бьют тревогу в связи с угрозой, нависшей над природой в результате ее бездумной и хищнической эксплуатации. Их исследования, хотя и содержат интересные размышления о необходимости и путях создания “экологической” этики, имеют стихийно моралистический характер, часто страдают узкой направленностью предлагаемых рекомендаций.

Вторая группа работ принадлежит профессиональным философам и представителям других гуманитарных дисциплин и затрагивает вопросы, поставленные перед этикой ситуацией глобального экологического кризиса, в частности расширением сферы применения моральных требований в конкретных ситуациях общения с животными.

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ И РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

На первых этапах исследования в рамках этого направления преимущественно были связаны с поисками ответа на вопрос об исторических предпосылках нынешнего экологического кризиса, его культурных детерминантах. Начало оживленной дискуссии по данному аспекту проблемы положила статья американского исследователя Л. Уайт “Исторические корни нашего экологического кризиса”¹.

Л. Уайт усмотрела причину исчезновения духа гуманного отношения к живой и неживой природе не только в засилье естествознания и техники, но и в традицион-

¹ Исключение составляет обзор Л. И. Василенко “Поиски оснований и источников экологической этики” (см.: Вопросы философии. 1986. № 2, с. 145-152).

¹ White L. Historical roots of our ecological crisis. - Nature. 1967, v. 155. p. 1203-1207; перепечатывалась вместе с критическими статьями в кн.: *Western Man and Environmental Ethics*. Reading (Mass.). 1973; *Ecology and Religion in History*. N. Y., 1978.

ном европейском мировосприятии, исходящем из нравственно-религиозных норм христианства. Он писал: “Христианство в абсолютном контрасте с античным язычеством и азиатскими религиями (за исключением, пожалуй, зороастризма) не только утвердило дуализм человека и природы, но также заявило, что именно по воле бога человек эксплуатирует природу в собственных интересах... Разрушением языческого анимизма христианство сделало возможным эксплуатацию природы в духе безразличия к ощущениям природных объектов”¹.

В той или иной форме тезис об ответственности христианского мировосприятия с его антропоцентризмом и пренебрежением к природе за нынешнее ее плачевное состояние был поддержан многими западными авторами (в их числе были А. Тойнби, Г. Кокс, Р. Диш, О. Леопольд, П. Сингер, Т. Мертон, У. Коулмен и другие). Некоторые исследователи в запале отрицания безнадежно зараженной деструктивными установками европейской культуры пошли еще дальше, усматривая истоки экофобии и хищнического отношения к природным богатствам в античной мифологии и философии, в идеологии рабовладельческого общества (С. Кларк, М. Мидли, М. Фокс, П. Венц и другие). Но какую же альтернативу они предлагают? Назревшей практической задачей историк и культуролог А. Тойнби считает осуществление “религиозной контрреволюции”², то есть отказ от негативного, монотеистического опыта “обживания” Земли и ориентация на древний языческий пантеизм и восточные культы (даосизм и буддизм) как основу новых, гуманных стереотипов мышления и поведения. “Повернуться лицом к Востоку” предлагают и некоторые другие западные исследователи (например, М. Фокс, П. Венц, Э. Шумахер).

В ходе завязавшейся дискуссии о характере влияния морально-религиозных норм на теоретико-познавательную и хозяйствен-

ную деятельность человека, на складывающийся в его сознании “образ природы” многие исследователи Запада выступили против установления прямой зависимости между античной философией, христианством и хищническим, утилитарным отношением человека к природе. Так, Х. Б. Миллер считает, что идейными основаниями для зоофобии и зоофилии послужили две тенденции в развитии античной философии — платоновская и аристотелевская. Именно Аристотель, с его точки зрения, положил начало научно-философской традиции благожелательного и чуткого отношения к интересам живых существ. Не случайно он называл человека “политическим животным” и, как через две с лишним тысячи лет Ч. Дарвин, причислил человека к представителям животного царства¹. Платон же, напротив, третировал черты сходства человека с животным. Душа (разум) у него имеет божественное происхождение, а тело — начало животное, вредоносное, препятствующее осуществлению человеком божественного предназначения. И именно платоновская традиция, согласно этой концепции, стала доминирующей в европейской культуре.

Однако позиция Х. Б. Миллера не является последовательной. Он признает, что этика и психология у Аристотеля носят антропоцентристский характер и, следовательно, как и у Платона, из сферы моральной регуляции исключены все действия человека, кроме непосредственно направленных на других людей. Таким образом, оппозиция “аристотелевской” и “платоновской” традиции оказывается условной. У Аристотеля можно найти немало высказываний, противоречащих “аристотелевской” традиции, а у Платона — противоречащих “платоновской”. Поэтому нельзя поддаваться соблазну считать этих двух мыслителей основателями полярно противоположных учений в данной области. И все же именно “аристотелизм” ассоциируется с

¹ Ecology and Religion in History, p. 24-25.

² Ibid., p. 146.

¹ Miller H., Williams W. H. (ed.) Ethics and Animals. Clifton (N. Y.). 1983, p. 1.

признанием “прав” тела и чувственного познания, а также с установлением законного места растений и животных в иерархии живых существ.

В античном, рабовладельческом обществе жестокому обращению с человеком сопутствовало столь же жестокое обращение с животными. В Древней Греции и Риме рабы приравнивались к вещам, “говорящим орудиям труда”, и обращение с ними нельзя назвать иначе как “скотским”. Для позднеантичной эпохи обычными формами массовых развлечений были гладиаторские бои (бестеарии) и травля диких животных, что приводило к грандиозным по тем временам масштабам истребления животных. Так, Цезарь организовал травлю 400 хищных зверей, а в играх, организованных Августом, их число достигло 35 тыс. Во 2 г. до н. э. на празднествах по случаю постройки храма Марса-мстителя он устроил представление с убийством 36 крокодилов. После победы Траяна над даками в 107 г. н. э. в ходе многодневного празднества было затравлено 11 тыс. зверей. При Адриане за один день цирковых представлений убивали по сотне львов. Подобные развлечения устраивали не только императоры и высшие сановники, но и многие просто состоятельные люди. Уничтожение животных ради развлечения поражает даже не числом жертв, стократно увеличившимся с изобретением огнестрельного оружия, а долговечностью существования подобной “забавы”, дошедшей до нашего времени в виде известной корриды.

П. Сингер отмечает, что утверждение христианства сопровождалось отменой кровавых жертвоприношений, практикуемых языческими культами, запретом гладиаторских боев и публичной травли животных. Но этим дело и ограничилось. Христианские мыслители если и выступили против жестокого обращения с животными, то не из-за сострадания к ним, а из боязни, что подобная жестокость может побудить к жестокости и по отношению к людям. По словам Дж. Пассмора, в кругах теологов любовь к животным принималась лишь по-

стольку, поскольку она не препятствовала любви к богу, ибо все, что отвлекает человека от служения богу, считалось грехом¹.

Однако западные исследователи обращают внимание на наличие в европейской истории и противоположной традиции в вопросе об отношении к животным. Об этом свидетельствует, с их точки зрения, упоминание в “правильно интерпретируемых” библейских текстах “зоофильных императивов” и т. д. Дж. Барр признает, что христианство антропоцентрично, но христианская этика, по его мнению, изначально не придавала владычеству человека в мире насильственно-тиранического характера: бог дал растения и животных первому человеку в качестве партнеров, и взаимоотношения с ними нельзя сводить к эксплуатации и насилию. Человек теряет свое положение “владыки”, как только “животные превращаются для него в объект корысти”². Исследователь подчеркивает, что сочинения средневековых авторов, посвященные живой природе, имели прежде всего символический смысл и служили религиозно-нравственным целям. Трактаты о животных — бестиарии — одновременно были первыми средневековыми сочинениями о живой природе и служили наглядным свидетельством совершенства мира, доказательством величия бога и его творческого всемогущества.

Прямым следствием позиции христианства, связывающей бога (творца) и его творения, совершенство мироздания и духовную жизнь людей, стало распространение сферы действия морально-правовых установлений на животных. Яркий пример этому — многочисленные судебные процессы над дикими и домашними животными, проводившиеся в Западной Европе вплоть до XVIII века. Животные признавались вменяемыми, ответственными за совершаемые

¹ Passmore I. The treatment of animals.-Journal of the History of Ideas. 1975, vol. 36, № 2, p. 217; см. также: Singer P. Animal Liberation: a New Ethics for Treatment of Animals. L., 1975, p. 211.

² Ecology and Religion in History, p. 65.

поступки существами. Их судили как светские, так и духовные суды. Производилось тщательное следствие, соблюдались процессуальные тонкости судопроизводства с допросами свидетелей, обвинительной речью прокурора, защитой и назначением наказания¹.

Против огульного отрицания духовного наследия Европы, в том числе и христианской этики, в вопросе об отношении к животным выступил упомянутый выше Дж. Пассмор, утверждая, что с позиций “просвещенного антропоцентризма” можно дать свободную от духа насилия над природой и пренебрежения интересами остальных живых существ трактовку нравственных требований и идеалов². Человечеству нужна, считает он, не новая этика, а иной подход к этическому и культурному наследию, свободный от предвзятых оценок и поспешных обобщений.

В противоположность Западу Восток в глазах западных экологов и философов часто предстает как образец экологического совершенства, как мир, избежавший издержек промышленного и технического развития. Из приводимых ими аргументов, доказывающих экофильный характер культур Востока, может создаться превратное впечатление, будто путем простого культурного заимствования можно добиться позитивных сдвигов во взаимоотношениях человека и среды обитания. Но, по верному наблюдению американского исследователя Туан И-Фу, восточные этико-религиозные системы и культурные традиции во многом страдают теми же недостатками, что и западные. Американские и европейские исследователи видят в Востоке в основном лишь то, что им хочется увидеть, а именно моральные “универсалии”, игнорируя под-

линную рутинную жизнь и ее моральные реалии, весьма далекие от идеалов.

Между тем рассмотрение ценностей культуры, идеалов гуманности, выдвигаемых теми или иными мыслителями, в отрыве от конкретной исторической реальности приводит лишь к морализированию и утопичности предлагаемых решений.

“ПРАВА” ЖИВОТНЫХ КАК ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ

Если в 60–70-х годах — в начальный период разработки экологических проблем — интерес исследователей был сосредоточен в основном на поисках исторических предпосылок экологического кризиса, его истоков и культурных детерминант, то в последние годы внимание ученых сконцентрировано главным образом на определении *ценностного статуса* природы в целом, а также особой ее части — животного мира, в частности на установлении оснований и пределов нравственных обязательств людей по отношению к животным. Публикация книг С. Кларка “Моральный статус животных” и П. Сингера “Освобождение животных: новая этика общения с животными”, работ Т. Ригана, Р. Райдера, Дж. Бенсона и других¹, посвященных анализу возможностей включения животных в сферу нравственной регуляции, послужила началом оживленных споров о “правах” животных.

Для европейской культурной традиции этот вопрос не новый. В эпоху средневековья в основе представлений о взаимоотношении людей с животными лежал принцип

¹ Канторович Я. Процессы против животных в средние века. - Северный вестник. 1884, с. 65-66; Фрэнгер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985, с. 432-452.

² Passmore J. Man's Responsibility for Nature. Ecological Problems and Western Traditions. L., p. 4.

¹ Clark S. R. L. The Moral Status of Animals. Oxford, 1977; Singer P. Animal Liberation: A New Ethics for Treatment of Animals. L., 1976; Regan T. Animal rights and human wrong. - Environmental Ethics, 1980, vol. 2; Regan T. An examination and defence of one argument concerning animal rights. - Inquiry. 1979. vol. 22, № 1-2; Ryder R. Victims of Science: The Use of Animals in Research. L., 1975. Ryder R. Specieism: The Ethics of Vivisection. Edinburg. 1974; Benson I. Duty and the Beast. - Philosophy. 1978, v. 53. № 206.

равного воздействия и право животных на жизнь как “творений бога”¹. Такое представление существовало и в новоевропейской культуре вплоть до XVIII в., когда оно было вытеснено механицистскими установками, согласно которым животное воспринималось не иначе как машина. Исходя из механистического миропонимания, Декарт и Мальбранш считали, что о жестокости по отношению к животным нет смысла говорить, ибо они не чувствуют боли. Их “крик боли” можно сравнить со скрипом телеги или более сложного механизма, требующего смазки и подгонки деталей. Но поскольку существование всех элементов мирового механизма определено “первым механиком” — творцом, то человек должен с уважением отнестись и к частям этого механизма — всяким тварям.

Господство механоморфного восприятия нашло выражение в распространении моды на публичные вивисекции, проводимые без наркоза (который стал применяться лишь в середине XIX века), и часто даже не с научно-популяризаторской целью, а для рекламы мастерства хирурга. К. Маркс указывал на связь новых представлений о животных со сменой способа материального производства:

“...Декарт, с его определением животных как простых машин, смотрит на дело глазами мануфактурного периода в отличие от средних веков, когда животное представлялось помощником человека...”². Видимо, этим в известной степени объясняется широкое распространение механицистского подхода, “околдовавшего всю европейскую философию”³ и охватившего все области естествознания и другие науки. Дальнейшее развитие науки ослабило позиции механицизма и разрушило представление о животном как о нечувствительной маши-

не. Это создало почву для возрождения споров о “правах” животных и об основах их взаимоотношений с людьми. Когда к концу XIX в. во всей Европе получили распространение Общества по предупреждению жестокого обращения с животными, их члены предприняли попытки теоретически обосновать свои позиции. Так, английский ученый и общественный деятель Г. Солт, создавший и долгое время возглавлявший одно из таких обществ¹, высказал весьма примечательное соображение относительно защиты животных. Его смысл в том, что законодательная практика борьбы с жестокостью по отношению к животным является косвенным признанием прав животных, которые издавна живут рядом с человеком, и становится основой для признания прав всех других животных, которые истребляются человеком из-за бесполезности своего существования².

Позднее ученые пришли к выводу, что вопрос о “правах” животных содержит два аспекта: имеют ли люди обязательства перед животными и являются ли животные субъектами морали, морально вменяемыми существами?³ Представители европейской культурной традиции, если они вообще задавались этими вопросами, отвечали на первый утвердительно, а на второй давали отрицательный ответ, что, однако, не означало оправдания жестокого обращения с животными.

¹ *Hums C.V.* Status of Animals in the Christian Religion. L., 1957; *Linzey A.* Animal Rights: A Christian Assessment of Man's Treatment of Animals. L., 1976.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 401.

³ См.: *Швейцер А.* Культура и этика, с. 295.

¹ Общество, основанное в 1891 г. Г. Солтом, называлось “Лига гуманитариев” и ставило своей целью защиту животных и развитие других форм гуманизма на строго рациональных основаниях. “Лига гуманитариев” была создана в противовес Королевскому обществу для предупреждения жестокого обращения с животными, деятельность которого, по мнению Г. Солта, носила ханжески-сентиментальный характер (об истории этих обществ см.: *Brown A.* Who Care for Animals? L., 1974; *Fairholrne E.I.* Pain V.A Century of Works for Animals. L., 1924; *Turner E. S.* All Heaven in the Rage. L., 1964).

² *Salt H.S.* Rights of Animals. - Ethics. 1899-1990, vol. 10, p. 206-209.

³ *Animal Rights and Human Obligations.* 1976, p. 5..

Примером может служить ход рассуждений Канта, осуждающего жестокость в отношении животных. Хотя Кант, продолжая традицию Просвещения, исключает животных из сферы моральной регуляции, он все же приходит к мысли, что в силу определенной целостности человеческой жизни жестокое обращение с животными может обратиться против человека. В лекциях по этике, рассматривая долг по отношению к животным и людям, философ недвусмысленно выражает свою позицию: долг людей в отношении животных — это всего лишь косвенный долг перед другими людьми. “Животные...— всего лишь средство для определенной цели. Эта цель — человек”¹.

Основанием для того, чтобы не причислять животных к субъектам нравственного отношения, Кант в соответствии со своей общей теорией считает отсутствие у животного воли, способной принудить человека быть нравственным². И как бы чувствуя несправедливость столь холодного отношения к живым существам, Кант добавляет: “В отношении живой, хотя и лишённой разума, части тварей насильственное и вместе с тем жестокое обращение с животными еще более противно долгу человека перед самим собой, так как этим притупляется сочувствие человека к их страданиям и ослабляются и постепенно уничтожаются естественные задатки, очень полезные для моральности в отношениях с другими людьми, хотя человек имеет право на их быстрое (совершаемое без мучений) умерщвление или на то, чтобы заставлять их работать напряженно, но не сверх сил (с такого рода работой и людям приходится мириться). Мучительные же физические опыты в интересах одной лишь спекуляции, если цель могла бы быть достигнута и без них отвратительны. — Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или

за длительную службу собаки (как если бы они были членами семьи) есть *косвенно* долг человека, а именно *в отношении* этих животных, но *непосредственно* она есть долг человека *перед* самим собой”¹. Особо подчеркивая, что моральный мотив в отношении к животным является лишь долгом человека перед другими людьми, Кант, возможно, старается этим смягчить некоторую необидительность такого ограничения.

Для XIX в. было характерно сочетание утилитарных и собственно моральных оснований признания “прав” животных. Примечательно, что в этот же период появилась озабоченность вопросом *как* можно совместить интересы человека с интересами животных. Один из руководителей Российского общества покровительства животным писал: “По специальной цели наше общество призывается творить благо животному, по общему же своему назначению в ряду благотворительных обществ оно не может допустить себе делать зло человеку ради блага животным. Хотя с точки зрения высшей справедливости все создания природы имеют право на наше покровительство, однако покровительство наше, при допущении критерия пользы, не может в одинаковой напряженности выражаться для всех животных. Оно всегда должно быть тем энергичнее, чем слабее, беззащитнее создания и чем они полезнее человеку... Покровительство наше, собственно, по отношению к вредным для человека животным может выразиться только в уничтожении тех его страданий, тех жестокостей человека, которые совершенно не вызываются интересами человека”².

Тесное переплетение мотивов собственно моральных с соображениями прямой или косвенной полезности и поныне является типичным при попытках определить меру ответственности человека в отноше-

¹ Kant I. Lectures on Ethics. N. Y., 1963, p. 239-240.

² См.: Кант И. Соч. В 6-ти т. М., 1966, т. 4, ч. 2, с. 381.

¹ Там же, с. 182.

² Козлов В.С. Записки о реорганизации Российского общества покровительства животным. Спб., 1877, с. 6.

нии к животным. Советский биолог А. М. Гиляров справедливо отмечает, что “формированию этического отношения людей к животным мешает то, что в обосновании любых мероприятий, направленных на защиту животных, соображения морали почти никогда не фигурируют в явной форме, о них словно бы стесняются говорить и писать публично... Основной этический вопрос в отношении человека к животным может быть сформулирован как вопрос о праве животных на существование безотносительно от их пользы, хотя бы потенциальной, для человека”¹. Действительно, обычно законы об охране животных в первую очередь включают такие их виды, которые представляются полезными или ценными для человека. То есть, как верно замечают современные сторонники защиты прав животных С. Кларк, П. Сингер, М. Фокс, Т. Риган и другие, забота о животных часто оказывается заботой человека о себе. К утилитарным мотивам они относят и те случаи, когда люди осуждают жестокое обращение с животными не потому, что оно предосудительно само по себе, а лишь потому, что это вредно для общественных нравов.

Для современных западных этиков и философов, выступающих радикальными защитниками прав животных, как раз характерно стремление устранить утилитарные соображения и выделить самоценные основания для включения животных в сферу морального отношения. Аргументация по этому вопросу развертывается в нескольких направлениях.

Все без исключения защитники прав животных критикуют позицию, наиболее последовательно представленную в экологических взглядах Канта. Они указывают на принципиальную недостаточность такой теории, хотя и признают ее полезность. Затем, как правило, поднимается вопрос о возможностях включения животных в сферу нравственных отношений. Радикальные защитники (к ним можно отнести уже упо-

минавшихся С. Кларка, П. Сингера и Т. Ригана) утверждают, что чистота морального мотива в отношении к животным и непременность соблюдения обязательств возможны лишь в случае признания животных членами “морального сообщества”¹. При этом основанием для такого вывода считаются самоочевидными, а моральные обязательства людей в отношении животных ставятся в один ряд с простыми нормами нравственности. Признавая интересы животных равными интересам людей, призывая к вегетарианству и отказу от использования животных в экспериментах, П. Сингер и Т. Риган исходят лишь из того, что нет никаких достаточно значимых факторов, позволяющих человеку ущемлять права других живых существ. Аналогично строятся и рассуждения Р. Дворкина, рассматривающего права животных как часть “естественного права”, не требующего обоснования, существующего независимо от постоянного его нарушения, подобно самоочевидной, априорной истине². По существу, “освободители животных” утверждают, что все живое уже несет в себе право на жизнь, а признание права на жизнь есть одновременно признание нашей обязанности уважать это право. Причем не животные нуждаются в признании своего права — в этом нуждаемся мы.

В нежелании признать интересы животных многие исследователи (Р. Фрей, М. Фокс и другие) усматривают проявление “видового шовинизма” человека, который необходимо преодолеть на том основании, что моральное право есть форма *универсальной* регуляции со стороны человека, а не только регуляции внутривидовым отношением людей. Сфера моральных отношений в истории постоянно расширяла свои границы, и, подобно тому как когда-то мораль перестала быть отношением лишь

¹ Гиляров А. Человек и животные: этика отношений. - Наука и жизнь, 1976. № 12, с. 139, 133.

¹ Miltner H., Williams W. H. (ed.) Ethics and Animals, p. 13; Regan T. The moral basis of vegetarianism. - Canadian Journal of Philosophy. 1975, v. 5, N 2, p. 212-214.

² Dworkin R. Taking Rights Seriously, 1977, p. 22.

внутри рода или племени с признанием прав животных она перерастает границы человеческого вида¹.

Распространенным аргументом, на основании которого животные нередко лишаются права на моральное к ним отношение, считается отсутствие у них разума, а следовательно, и способности быть субъектом морали. Х. Миллер, называя эту традицию стоек-христианской² оспаривает ее справедливость. Его поддерживают и остальные защитники природы, полагая, что наличие разума не является признаком, проводящим строгую границу между человеком и животными. С. Кларк, ссылаясь на объективные данные науки, в частности на результаты, полученные при сравнительном изучении деятельности мозга человека и животных, утверждает, что наличие или отсутствие разума не является основанием для отказа животным, особенно некоторым их видам, в моральном к ним отношении; ведь многие виды животных не лишены способности к обобщениям, абстракции, к простым ассоциациям. Нетрудно подобрать примеры, демонстрирующие, что животные обладают элементами разума, улавливают простейшие законы, лежащие в основе изменения среды и природных объектов. Этологи единодушно признают, что поведение высших позвоночных — обезьян, слонов, собак, кошек, дельфинов и др. — невозможно по-настоящему понять и правильно истолковать, если не предполагать в них зачатков способности к мышлению. Более того, современные естествоиспытатели высказывают мнение о зачатках способности у животных к ценностной мотивации. Они выявили целый ряд механизмов поведения животных, близких по функциям к предписаниям морали — “поведенческие аналоги морали”, как назвал их австрийский этолог К. Лоренц. Американский исследователь С. Сапондич отмечает проявление у животных того, что он называет “спонтанной жертвенностью”, “спонтанной добротой”. К такого

¹ Miller H. Williams V. H. (ed.) *Ethics and Animals*, p. 3.

² Ibidem.

рода проявлениям он относит случаи, “когда реакцию животного невозможно объяснить как рефлексивную или инстинктивную, и остается предположить понимание им добра и зла”¹.

Помимо того, что абсолютную грань между человеком и животным в сфере разума сегодня, по-видимому, провести уже трудно, сомнение в правомерности жесткой связи между разумностью и моральностью вселяет у исследователей такой аргумент: утверждая моральное право на основе наличия разума, мы отказываем в таком праве не только животным, но и душевнобольным, умственно неполноценным, младенцам и пр. П. Сингер и Т. Риган сопоставляют в этой связи ситуации, когда лицо, совершившее преступление против умственно, а следовательно и морально неполноценного человека, осуждается со всей строгостью, аналогичное преступление против “неразумного” животного законом оправдывается. Разве это не демонстрация предвзятости, заключают они, поддерживая тем самым точку зрения, что даже отсутствие у животных разума еще не лишает их прав быть объектом нравственного отношения и не дает основания человеку считать свой вид этическим центром вселенной.

Полемизируя со сторонниками этой точки зрения, М. Фокс утверждает, что все попытки наделять животных “правами” в принципе обречены на провал, так как обосновать их невозможно, да и сама человеческая практика не позволяет это сделать. При всем том, считает Фокс, мы обязаны относиться к животным хорошо, хотя это и не дает им прав ни в каком смысле².

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖИВОТНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Несмотря на пестроту и разнообразие взглядов современных исследователей на

¹ Sapontzic S.F. Are animals moral beings? - *American Philosophical Quarterly*. 1980, vol. 17, N 1, p. 45-52.

² *Ethics*. 1978, v. 88, N 2.

проблему отношения человека к животным, попытаемся выявить позиции, по которым можно обнаружить некоторое единство. В конечном счете все сходится в том, что в формировании нравственного отношения к животным определяющую роль играет *со-страдание*, умение вживаться в состояние другого существа. По мнению главных сторонников такой позиции — М. Фокса, П. Сингера и Т. Ригана¹, — сознание человека на любом его уровне содержит стихийное представление о ценности любой жизни и о сходности переживаний и ощущений человека и животных. Наиболее радикально настроенные исследователи животных утверждают при этом, что животные и человек равноценны и равноправны. В этих своих рассуждениях они следуют за И. Бентамом, который первым отметил значение чувства сострадания для морального отношения к животному. Бентам писал, что, когда мы оцениваем свои действия по отношению к какому-либо существу с точки зрения нравственности, мы не спрашиваем, умеет ли оно говорить или обладает ли оно разумом. Первое, что нам приходит в голову — может ли оно страдать?² Оуждая человека, заставляющего страдать животное, люди не выстраивают сложные умозрительные конструкции, а испытывают спонтанное чувство сострадания, сочувствуют.

Ощущение человеком эмоциональной близости к животным скорее всего определяется образовавшейся в ходе эволюционного развития устойчивой психоэмоциональной структурой, благодаря которой, говоря словами М.М. Пришвина, “родственное внимание ко всему живому” приобретает характер глубокого, трудноискоренимого чувства. Французский эколог Р. Дюбо пишет: “Воздух, вода, почва, огонь, естественные ритмы, так же как разнообразие живущих на земле видов, имеют значе-

ние не только как те или иные химические комбинации, физические силы или биологические явления, но и сами по себе, поскольку под их воздействием закладывались основы жизни человека. Они создали потребности человека, корни которых лежат очень глубоко и которые не изменятся в более или менее близком будущем. ...Сентиментальная привязанность к животным и даже растениям — все это свидетельствует, что где-то в психике человека сохраняются биологические и эмоциональные побуждения, приобретенные в ходе эволюции, от которых он никак не может избавиться”¹. Добавим только, что нравственное отношение к природе, чувство сострадания, эмоциональной близости к животным все же предполагает достаточно высокий уровень эмоционального и морального развития человека, лишь в идеале выступая как характеристика всех представителей человеческого рода.

Нравственные чувства — чрезвычайно важный элемент духовного мира личности, хотя часто их роль недооценивается. Наличие чувства сострадания может выражать моральную позицию личности, представлять собой форму непосредственного постижения моральных требований, предъявляемых человеку обществом. Возникшая в общественном моральном сознании потребность рассмотрения морального статуса животных является результатом культурно-исторического развития и отражает изменение взаимоотношения общества и живой природы.

Можно сделать вывод, что в обсуждаемой проблематике находит выражение живой, противоречивый процесс морального творчества. В нем решается задача нахождения такого способа жизненной самореализации, который приносил бы человеку ощущение полноты жизни, отвечал бы росту духовных и материальных потребностей и одновременно соответствовал бы объективно ограниченным возможностям общества.

¹ Miller H., Williams W. V. (ed.) *Ethics and Animals*, p. 10.

² Bentham I. *The Principles of Moral and Legislation*. L., 1789, p. 310.

¹ Дюбо Р. Глобальная экология. М., 1975, с. 26.

На наших глазах происходит существенная перестройка ценностных основ взаимодействия общества и природы. По мере усиления негативного воздействия на природу возрастает и степень человеческой ответственности за нее, которая в настоящее время достигла той стадии, когда правомерно говорить о ее моральном статусе. Но хотя распространение моральных оценок на общение человека с миром животных соответствует общественной потребности, оно наталкивается на затруднения, связанные с противоречивостью общественного бытия и сознания. Перестройка экономики, технологии, науки, быта, иных реалий общественной жизни с учетом норм гуманного отношения к животным — дело нелегкое; она, по всей видимости, затянется на долгие годы. Сегодня, по верному замечанию советского биолога Ю. Новикова, “вовсе не моральные побуждения заставляют человека заменить овечью шерсть нейлоновым волокном, но после того как отпадет необходимость сдирать с овцы шкуру для того, чтобы пришить воротник к пальто, многое изменится и в морально-психологическом облике человека”¹. Избавление от повседневной необходимости уничтожать живое делает требование учета интересов животных и нормы гуманного отношения к ним менее ригористичными, легче выполнимыми.

Симптоматично, что эти нормы складываются стихийно. В них обыденное моральное сознание по-своему снимает противоречие между должным и сущим, между практикой и теорией, не дожидаясь узаконения этикой новых граней гуманизма, придания им характера сведенных в кодексы прописей, обобщенных в принципы стереотипов мышления и поведения. Этический анализ поднятых обыденным моральным сознанием экологических проблем крайне важен уже тем, что позволяет более глубоко осмыслить многообразные проявления гуманизма, уточнить критерии гуманности и антигуманности поведения, значительно

расширив сферу человеческой деятельности, подвергаемую моральной оценке. Под углом зрения “старых” критериев гуманности целый ряд поступков человека в ситуациях общения с животными не подлежал моральной оценке. Теперь же с учетом быстрого изменения условий духовно-практической деятельности, многие стороны человеческого поведения подлежат рассмотрению и регуляции в соответствии с требованиями нравственности.

Защита живой природы в полной мере выражает логику гуманизации общественных связей, утончения чувства, расширения сфер моральной регуляции поведения. Поэтому резкий взрыв общественного интереса к характеру общения человека с живой природой закономерен: он питается не только негативными результатами природопреобразующей деятельности, но и потребностью деятельного созидания общества будущего. Пик этого интереса, на наш взгляд, еще не прошел, хотя и изменился его характер.

Животные стали составной частью нравственного ландшафта. Они вошли в наш быт не то чтобы незаметно, а как-то стихийно, без разрешения порядком. Газетные баталии, вспыхивавшие время от времени по поводу того или иного случая жестокого обращения с домашними животными или, наоборот, по поводу безграничной любви к ним, а также беспорядочные житейские стычки, которые то и дело возникают между владельцами домашних животных и другими гражданами, лишь оттеняют стихийность, непродуманность этого процесса. Сейчас городские нравы вполне интегрировали домашних животных, общественное мнение примирилось с ними. Однако духовное осмысление этого феномена с его сложными вопросами (каковы нравственный статус домашних животных, моральные обязанности человека по отношению к ним, можно ли вписать любовь к животным в рамки антропоцентристского мировоззрения, почему отношение к животным может считаться показателем уровня гуманности человека и общества и др.) — дело будущего.

¹ Новиков Ю. Беседы о животноводстве. М., 1980, с. 13-14.

Отношение местного населения к заповедникам (социально-психологическое исследование)

В.А. Ясвин

Экоцентр “Заповедники”

Очень хотелось бы знать как обстоят дела и обстоят ли они вообще.

В. Ерофеев.

Исследование, проведенное Эколого-просветительским центром “Заповедники”, представляет собой одну из первых попыток экспериментального изучения отношения различных категорий местного населения к деятельности заповедников. Процесс развития отношения к заповедникам связан с изменениями эмоциональной и познавательной сфер людей, касается осуществляемой ими практической деятельности и, самое главное, совершаемых поступков.

Эмоциональный компонент характеризует отношение по шкале “нравится — не нравится”. Этот компонент характеризует, в частности, степень устойчивости человека к влиянию различных негативных слухов и мифов о заповеднике.

Познавательный компонент отношения характеризует готовность и стремление получать какую-либо информацию о заповеднике.

Практический компонент характеризует стремление к использованию таких ресурсов заповедника как “красота нетронутой природы”, “общение с природой” и т. п.

Поступочный компонент характеризует активность, связанную с влиянием на сознание и поведение других людей в соответствии со своим отношением к заповеднику.

Именно поступочный компонент является концентрированным выражением отношения, в нем в наибольшей степени оно проявляется.

Все эти показатели характеризуют **интенсивность** отношения человека, то есть “силу” этого отношения.

Исследование проводилось в Лапландском, Костомукшском, Катунском и Сихотэ-Алинском заповедниках в апреле — мае 1998 года. Всего было опрошено 643 человека.

Выводы

Отношение к природе, как к источнику материальной пользы, у мужчин выражено сильнее, чем у женщин, и у пожилых людей — сильнее, чем у молодежи.

Отношение взрослого населения к деятельности заповедников в целом носит позитивный характер. Население проявляет значительный интерес к информации о заповедниках, готово в определенной степени оказывать содействие в природоохранной деятельности. Отношение молодежи к заповедникам более позитивно, чем отношение людей зрелого и, особенно, пожилого возраста, отношение женщин — более позитивно, чем мужчин.

Осведомленность населения о заповедниках остается недостаточной. Однако, более высокий уровень информированности о заповедниках сам по себе не является гарантом более позитивного отношения к заповедникам.

В отношении школьников к природе наиболее выражено восприятие природы как объекта охраны. Их отношение к природе носит более природоохранный характер по сравнению со сверстниками из городов. Отношение к заповедникам школьников всех возрастов носит ярко выраженный позитивный характер. Наиболее позитив-

ное отношение к заповедникам отмечается у учащихся среднего школьного возраста (до 14-15 лет). Отношение к заповедникам учащихся старшего школьного возраста имеет более низкие показатели.

Школьные учителя представляют собой наиболее экологически активную категорию населения. Однако их информированность о деятельности заповедников является недостаточной.

Рекомендации

Формирование позитивного отношения к заповедникам может быть достигнуто путем эколого-просветительских программ. Прежде всего, целесообразно создать такие программы для работы с людьми пожилого возраста и школьниками старших клас-

сов. Особую задачу представляет эколого-просветительская работа с мужской частью взрослого населения.

Проблема заключается в том, что в эколого-просветительской работе основное внимание уделяется школьникам среднего школьного возраста. Эта сфера эколого-просветительской работы имеет более развитую методическую базу и психологические особенности детей данного возраста делают эту работу более легкой и эффективной. Если работа со школьниками может осуществляться в тесном контакте с учителями, то работа со взрослым населением полностью ложится на плечи сотрудников заповедников.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПРАВОСЛАВИИ

Протоиерей В. Потапов

В леворадикальных кругах современного экологического движения можно заметить очертания некой новой экологической религии, приверженцы которой проповедуют как идеи пантеизма, так и чисто языческие представления о природе.

В статье, посвященной Дню Земли в 1991 г., популярный американский еженедельник "Тайм" в частности отметил: "Боготворение природы явилось неотъемлемой частью празднования этого дня. Церемонии, связанные с Днем Земли — часть растущего духовного движения в США, а почитание богини Земли было женоцентрическим выражением этого духовного движения".

Общественность проявляет все большую терпимость в отношении взглядов на обожествление природы. В редакционной статье, опубликованной в газете "Нью-Йорк Таймс" 12 мая 1991 г., говорилось: "...Если

с первого взгляда экорелигия кажется несколько странной, она все же вызывает симпатию и уважение, ибо она исходит из ценностей созидания мира и гармонии с природой".

В справочнике, под названием "Здоровое тело — здоровая Земля" известного общества по защите природы "Сьерра клуб", читателю предлагается пользоваться буддистскими медитациями и ритуалами хопи, чтобы "утвердить наши связи с духом живой земли".

Детей вводят в тайны этого экокюльта посредством серии мультфильмов "Капитан Планета", которые транслируются по телеканалу, которым владеет Тед Тернер (который, кстати, назвал христианство религией для "неудачников"); он также основатель "Общества для лучшей земли", проповедует экологическое кредо, которым стремится заменить 10 заповедей Ветхого Завета.

В серии этих мультфильмов богиня Земли Гайя гневно восстает и сражается с теми, кто загрязняет природу. Она выбирает себе помощниками пятерых детей с разных концов света. Вооруженные магическими перст-

Опубликовано: Протоиерей В. Потапов. Церковь и экология. Православная Русь. Церковно-общественный орган Русской Православной Церкви За границей. 1992. № 14, с. 1-3. Сокращенный вариант.

ниями, которые могут обуздать энергии земли, воды, ветра и огня, эти дети посылаются на войну с нефтяными концернами и с другими безнравственными капиталистами.

Ряд христианских церквей также увлеклись новой модой на экорелигию. На очередной ассамблее в Канберре, в Австралии, Всемирный совет церквей провозгласил: “Те, кто ближе всего к земле и чья духовность учит, что земля священна, лучше всего могут направлять этот процесс экологического обновления”.

Обвинение, брошенное христианству

Растущие и ставшие популярными догмы экорелигии, как и многое в современном экологическом движении, основаны на мифе, который гласит, что вначале люди жили в гармонии с природой в мирных обществах, члены которых поклонялись богине-Матери. Эта утопия была уничтожена библейской, патриархальной религией, проповедующей послушание Божеству, стоящему над природой, и Которое поручило человеку господствовать над всем материальным миром.

Крайние приверженцы движения по охране окружающей среды открыто заявляют, что библейская религия — источник разрушения экологического порядка в мире. “Мы будем сталкиваться с ухудшением экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую аксиому, согласно которой природа существует исключительно для того, чтобы служить человеку”, — пишет теоретик этого движения Линн Уайт.

Итак, некоторые представители экорелигии обвиняют христианство в нынешнем экологическом кризисе. Эти люди стараются доказать, что поскольку христианство стоит на позиции, что человек — владыка природы, а значит, он выше прочих творений, то это и открыло путь к изучению человеком природы (науки), а затем и к подчинению им природы (технологии). Из этого следует, по мнению приверженцев экорелигии, что христианство несет огромную вину за экологический кризис, который ныне переживает человечество.

Несомненно — экологическое загрязне-

ние налицо и современное индустриальное, технологическое общество каждый день усугубляет его. Но было бы грубой клеветой утверждать, что именно христианство толкает людей на это.

“Тварь покорилась суете”

Церковь учит, что обязанности человека по отношению к природе основаны на вере, что Бог, Создатель мира и всего, что наполняет его, любит Свое творение и промышляет о нем. Библия учит, что человек создан по образу Божьему. По определению св. апостола Павла, человек соратник Бога в Мире (1 Кор. 3, 9). Подражая Богу, человек обязан любить природу и заботиться о ее порядке, чистоте и благополучии. Это значит, что господство человека над природой допускает и даже предполагает знание природы (науку), и также выдвигает некоторый контроль над ней (технологии), но это вовсе не означает, что человеку дано право злоупотреблять дарами природы, и уж тем более уничтожать ее.

Основоположение христианской веры в Создателя вселенной содержится в повествовании книги Бытия (гл. 1-3) о сотворении мира. Ни один человек, вопрошающий о смысле и назначении творения, не может пройти мимо этого величественного сказания. Для нашей темы в этом библейском повествовании важны те слова, которые сопровождают в нем отдельные акты творения: “И увидел Бог, что это хорошо” (Быт. 1,10,12, 18, 21). Так священнописатель указывает на изначальную благодать того, что сотворено Всеблагим Богом. Это убеждение присутствует во всем св. Писании, например, св. апостола Павла: “Всякое творение Божие хорошо” (1 Тим. 4, 4).

В 6-ой день творения Бог создает человека по образу Своему и по подобию. В какое же отношение ставит Творец созданного Им первого человека к тому, что Он создал прежде человека? Человек призван любить природу, как священный дар Божий и ответственно охранять ее, помня, что эта любовь была одной из главных заповедей Божьих, данных человеку еще на первых страницах Библии. Бог благословляет первых людей и говорит им:

“Наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле” (Быт. 1, 28). Итак, обладайте и владычествуйте. Не эти ли слова послужили поводом для идеологии “завоевания природы”? Не есть ли это религиозная санкция такого отношения к творению? Нет, никоим образом: те, кто хотят видеть в этих словах такую санкцию, забывают об очень важном, о том, что в корне исключает такое истолкование библейского текста. Они забывают, что эти слова были сказаны человеку до грехопадения.

При сотворении человеку была дарована Богом тварная свобода. По словам о. Георгия Флоровского, “тварная свобода раскрывается прежде всего в равной возможности двух путей: к Богу и от Бога” (в статье “Creation and Creaturehood”). Бог сотворил человека свободным следовать Его Божественной воле или же действовать вопреки ей. “Бог узаконил человеческое самоопределение”, — говорит св. Григорий Богослов. Грехопадение, заключавшееся в употреблении свободы во зло, в противопоставлении своей воли воле Божественной, послужило причиной отпадения человека от Божией правды, утраты Его благодатной близости. Следствием грехопадения была утрата мира и справедливости в отношениях между людьми, как это явствует из повествования об убийстве Авеля собственным братом. Но грехопадение имело пагубные последствия не только для самого человека, но и для всей совокупности Божьего творения. Вот слова, которые говорит Бог Адаму после грехопадения: “проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее все дни жизни твоей; терние и волчцы произрастит она тебе” (Быт. 3, 17-18). Земля проклинается Богом за человека: через человека в падшее состояние погрузилось все творение. Об этом же говорит и св. апостол Павел в послании к римлянам: вся “тварь покорилась суете ... совокупно стонает и мучится донныне” (Рим. 8, 20, 22). Св. Иоанн Златоуст, комментируя это место послания, подчеркивает, что тварь покорилась суете, стала тленной именно из-за человека.

В чем спасение?

Путь к восстановлению целостности творения, ко спасению человека и человечества лежит только через Богочеловека Иисуса Христа. Только через Бога воплотившегося человек может прийти к обожению своей тварной природы и всего тварного мира. Сущность христианской идеи состоит в том, что человек не способен собственными силами вернуть утраченное богообщение. Спасение человека совершается Богом, ибо Сам Бог “так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную” (Иоан. 3, 16). Но спасти человека вопреки его воле невозможно: человек призван ответить на любовь Бога, ответить отвержением самого себя, покаянием, и следованием за Христом, соучастуя в едином богочеловеческом спасительном действии. Поэтому и творческая, созидательная деятельность человека призвана стать “сотрудничеством Богу” (1 Кор. 3, 9), и в этом качестве служить средством спасения и обожения тварного мира. В этом сотрудничестве “синергии”, ключ к достижению справедливости и мира с Богом и между собой.

К нравственным критериям в человеческой деятельности призывает и “радикальный гуманизм”, и новая экорегиология. Однако между ними и христианским мировоззрением существует принципиальное различие. Радикальный гуманизм руководствуется экспрессивным лозунгом “Человек — для самого себя”. Он призывает человека к самореализации без Бога. Но оказывается, что человеческое “я сам” без Бога, вне Бога — это абсолютная бессодержательность, математическая точка в пространстве, потенциально уже готовая отдаться во власть этого начала. Как здесь не вспомнить бессмертные слова блаженного Августина: “Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен диаволу”. Парадокс и величайшая истина христианства заключается в том, что человек, для того чтобы самореализоваться, должен отречься от самого себя ради любви к Богу и ближнему.

Байрон и поэтическое чувство природы

А. Бизэ

Также как Гете в Германии, лорд Байрон в Англии направил чувство природы на новые пути силою своей демонической тотальности и своего пламенного пантеизма. Фантазия великого Мильтона была слишком пуританскою и библейскою для того, чтобы дать внешнему миру самостоятельное значение в поэзии: природа имеет для него цену только по отношению к всемогущему Богу. Не находя себе места и в романе того времени, она выступает лишь в меланхолически сантиментальных излияниях, каковы, напр., Ночные мысли Юнга. Стихотворения Оссиана соединяют библейское обилие образов и сравнений с мечтательностью и грустью; облака, туман и ветер образуют призрачные тени для воинственных и страдающих героев: “Опустились облака ночи на море, на склоне Кромлы собирается тьма; сияние звезд с севера поднялось, отражаясь в сверкающих волнах. Их мягкое, красное пламя просвечивало сквозь дымку, облакавшую небо; ветер выл в лесистом ущелье; черно и тихо было поле смерти” (Песня VI).

Другое направление дал чувству природы Вордсворт (род. 1770 г.). Правда, в этом чувстве у него еще сохраняется пасторальная тенденциозность в предпочтении идиллически простой, здоровой сельской жизни; он все еще проповедует свободное общение с природой и несколько искусственно придает теистическую окраску своей проповеди, но у него видна настоящая любовь к природе и уже проглядывает несомненный пантеизм. Он рассказывает сам, как жизнь с природой с ранней поры очистила его дух от страстей: “И это дружеское общение не было мне скудно отмерено. В но-

Отрывки из книги: Бизэ А. Историческое развитие чувства природы. СПб, 1891, с. 342-353.

ябрьский день, когда туман, сползая вниз по долине, делает пустыню еще пустынее, в полдень в чаще леса и в тихом покое летних ночей, когда я, на берегу слегка движущегося

озера, под темными холмами, шел домой в уединении — я мог говорить с природой. И в холодную пору года, когда солнце купалось в море и сквозь сумрак окошки хижин светились за целую милю, я не пренебрегал этим призывом...”

С Клопштоковским энтузиазмом прославляет он поэтическую прелесть катанья на коньках: “На востоке звезды сверкали ярко, между тем как на западе золотое облако вечера тихо потухало”. Но еще характернее признание поэта в “Tintern Abbey”: “После того как миновали грубые радости моего отрочества и его веселые игры, одним и всем сделалась для меня природа. Я не могу описать, чем я был тогда. Шумящий водопад очаровывал меня, как страсть; высокая скала, гора, густой, тенисто-темный лес, их вид, их краски были для меня прелестью, любовью, чувством, которое не требовало, чтобы его выманивать рядами мыслей, и не было интереса, который исходил бы от чего-нибудь, кроме зренья”.

Здесь слышатся уже звуки, которые только сильнее звучат у Байрона, и при том открытый пантеизм души, чувствующий свое единство со всем, что окружает ее в природе. Также как В. Скотт Шотландию, Мур — Ирландию, и Вордсворт старался изобразить сторону и людей Англии с возможной верностью природе. Этим он отличается от Байрона и Шелли, которые бежали от тесного горизонта родины и стремились в далекие страны, и от Соути (род. в 1774), которого “Талаба” начинается величественным изображением ночи в пустыне: “Как величественна ночь! Росистая свежесть наполняет тихий воздух; его не мучит нигде туман, нигде облачко не прерывает ясности неба. В своем великолепии кажутся полный месяц там, в голубой глубине. В его лучах покоится бурый круг пустыни,

окруженный небом, как океан! Как величественна природа!».

Все, что предшествовавшая английская поэзия дает в отношении изображения природы, кажется детски наивным, в сравнении с революционными звуками лиры Байрона. В нем проповедь Руссо превращается в поэзию. Бегство от людей, меланхолия, стремление к неограниченной свободе, к полному возвышению своего «я» были свойственны этим обоим умам, которые никогда не могли выработаться до гетевской гармонии. Их страстному сердцу больше всего соответствует возмущенная, дикая, пустынная природа. Даже там, где они отдаются мягкой прелести идиллического пейзажа, по большей части примешивается у них горькое чувство противоположности злему и грубому человеческому миру, от которого они бежали. Байрон так и не пережил бурного настроения юности; происходившее в нем брожение не пришло к гармоническому просветлению; его любовь к природе, являющаяся страстной любовью ко всему Миру с самым пламенным пантеизмом, всегда была отравлена мизантропией и пессимизмом, горькой мировой скорбью, подобно сладкому плоду, подтачиваемому червем. Природа служит единственной утешительницей для Байрона, когда он отворачивается от людей. Он сделал это сперва из гордости, из себялюбия, а потом, когда лондонский свет оттолкнул и проклял его, вместо того чтобы лежать у его ног, его нелюдимость обратилась в отвращение и ненависть, а желание слиться с природой — в меланхолию. Но «хотя то сердце, в котором отражается все, поражено болезнью, оно остается неизмеримо глубоким; душевная жизнь, которая все одушевляет, привлекает к себе, усиливается и считает и чувствует все только частью самой себя» (Беттгер).

Основная черта поэзии природы Байрона есть возмущение, стихийная страстность. И эта страстность субъективности и индивидуализма, какой мир еще не знал до него, соединялась у него с беспредельным могуществом поэтического гения, который,

точно играя, выбрасывал одну благозвучную строфу за другою. Усталое общество Лондона было точно оплушено мелодией слов и нового рода чувством, когда появились первые песни «Чайльд-Гарольда», этого первого, вполне современного странника-мечтателя. Лирика природы, изобразительность и сила ощущений, сливающихся в этой поэме, не имеет себе равной. Как шум волн звучат для читателя великолепные стихи прощания с родиной 1, 12:

Надулись паруса; как будто вторя
Его желаньям, ветер резче стал.
(пер. П. А. Козлова).

Когда же солнце скрылось в море,
Герой наш в руки арфу взял
Которой радости и горе
В уединенья поверял.
(пер. Д. Минаева).

Прости! Родимый берег мой
В лазури тонет волн;
Бушует ветер, ревет прибой;
Крик чайки грусти полн.
В пучине солнце гасит свет;
За ним нам вслед идти;
Обоим вам я шлю привет!
Мой край родной, прости!
(пер. П.А. Козлова).

Он восхищается красотой Лузитании, наслаждаясь обширными видами и их разнообразием, 15:

О Боже! благодатными дарами
Ты этот край волшебный наделил!
В садах деревья гнутся под плодами,
В его горах ты мир сокровищ скрыл...
Крутой утес с красивым рядом келий;
Сожженный солнцем мох на скалах круч;
Лес, выросший над бездной; мрак ущелий,
Куда не проникает солнца луч;—
Лазурь морской волны, что сладко спит;
Здесь виноград, там возле речки ивы,—
Все это тешит взор, сливаясь в чудный вид.
(пер. Л. А. Козлова).

Но, как ни красива страна, где «бродя по горам, местностью был очарован он»

(пер. Козлова), его влечет дальше: “так век порхать для ласточки закон” (пер. Козлова), без цели он стремится далее. Он вполне чувствует красоту нежного, идиллического в природе, I, 33:

Между нами пробегает
Едва заметный ручеек...

(пер. Минаева).

Со стадом является пастух порою там,
Презрительным окидывая взглядом
Места, принадлежащие врагам.

(пер. Козлова).

Он наслаждается красотой темно-голубого моря, прохладным свежим воздухом, прекрасной ночью с борта своего корабля, II, 21:

Взошла луна. Клянусь, нет мочи
Мне не хвалить такую ночь!..
Геката бледными лучами
Теперь равно нас серебрит...
Испанский берег одинокий
Открылся взорам, и луна
Леса и скалы освещала.

(пер. Минаева).

Он мечтательно прислоняется к борту, “омываемому пеной морской, любуюсь луною в сияньи волне”, вполне забываясь и созная в тихом, мирном уединении этого часа, как одинок и оставлен всеми тот,

Кто в шумном вихре света
Никем не знаем, не любим,
Не ведал теплого участия...
Лишь только тот
Сказать бы с тайным вздохом мог,
Что он на свете одинок.

(пер. Минаева).

В его гордости, в его гневе всего более ему говорит природа; он вполне чувствует себя ее сыном II, 37:

Природа мать! ты нам дороже
Всего... Меняя часто вид,
Ты каждый раз встаешь моложе,
И образ твой к себе манит.
Своим величием умела
Сердца людей тревожить ты,

Когда искусство не посмело
Тревожить дикой красоты.
Ты мне нередко улыбалась
В глухую ночь, при блеске дня,
Но больше тешило меня,
Когда ты бурей раздражалась...

(пер. Минаева).

Ночью или днем, при блеске солнца или при “священном свете месяца”, в лесу или на море, Гарольд повсюду умеет подметить все оттенки красоты природы; то волна шумит для него “меланхолически” под кормой корабля, то восторгается он магической прелестью, одинаково облекающей скалы, лес, горы и поток (II, 48):

Чу! звучный ропот водопада
Дробится звоном серебра...
Эти скалы, эти горы —
Как ни отвесны, ни страшны, —
А все ж манить к себе должны.

(пер. Минаева).

Его песня исполнена поэтической наблюдательности и одушевляющего созерцания, когда он говорит (II, 70):

Он видит бухту. В ней лениво
Смиряет ропот свой волна;
Там, на холме, вблизи залива,
Темнеет зелень... Ночь темна;
Кустарник ветер чуть колышет
И, пробегая по волне,
В нее с любовной лаской дышит,
К ней льнет в полночной тишине.
Гарольд глядит. Картина эта,
Где все в дремоте сладкой спит,
В нем наслажденье шевелит
И шепот тихого привета.

(пер. Минаева).

Море — это конь, который его несет; ему доставляет наслаждение, когда этот конь становится на дыбы, он хотел бы приласкать гривы волн; на голубом, струящемся море он чувствует себя дома, потому что все более и более сознает он, отверженный, что он “не годится для сношения с людьми”, (III, 12), и свое переполненное ненавистью к людям сердце кладет на грудь при-

роды, чувствует, как в ней бьется такая же жизнь, чувствует в глубине души свое родство с ней. Он пантеистически сознает свое единство с священной матерью природой, сознает себя братом всех ее созданий в лесу и в поле (II, 13):

Его друзьями были скалы,
Отчизной — гордый океан;
Где небо ясное сверкало,
Там он любил скитаться ныне,
Исполнен страсти и огня.
Леса, пещеры и пустыни,
Напевы волн, сверканья дня, —
Его друзьями только были,
И их таинственный язык
Он понял лучше многих книг, —
И в блеске тающих озер
Он забывал весь книжный вздор.
(пер. Минаева).

Он признается также:
Я сам — ничто; я есть частица
Того, что вижу лишь вокруг;
Мне шепчут сказки горы, луг..
Лишь пробуждает содроганье
Во мне жизнь в шумных городах.
Нет в мире злее наказанья,
Как быть овцой в людских стадах,
Тогда как дух свободный рвется
К слиянью с небом, с цепью гор,
Его влечет полей простор,
К полночным звездам он несется, —
И хочет — власти не дано —
С природой жить он заодно.
(пер. Минаева).

Он спрашивает:
Моря и горы, небо, реки!
Сам я не их ли только часть?
Уже ль во мне, как в человеке,
Не велика к природе страсть?
(пер. Минаева).

Любовь к природе, искренняя симпатия со всеми стихийными существами становятся у него священной страстью. На горах его наполняет чувство свободы:

Да, это зло людской судьбины!
Смотрю я с ужасом вокруг

На заселенные равнины,
Как на приют скорбей и мук.
(III, 73, пер. Минаева).

На снеговых фирнах Альп ему кажется престол вечности. Он прославляет и Рейн, Где роскошная природа Не весела и не мрачна, Хотя дика, но не страшна...

Но предо мною Альпы встали —
Природы вечные дворцы —
И облака от глаз скрывали
Вершин их снежные венцы,
Откуда лавина спадает,
Как гром все руша впереди.
Что дух людей живет, смущает, —
Все есть в их каменной груди,
Они как будто тем гордятся,
Что близко к небу подошли; —
И до пределов тех высот
Никто из смертных не дойдет.
(пер. Минаева).

На Женевском озере ему представляется, что с звезд спускается роса любви —
Вы неба поэзия, звезды!..

Земля и небо молчаливы,
Чуть дышат, но еще не спят.
Так, затаив свои порывы,
Глядим и мы. Они молчат,
Как мы в минуту размышленья.
(пер. Минаева).

Он видит, как эти войска звезд веют полную жизнь на скалы и на волны:
Ни одного нет дуновенья,
Луча иль лишнего листка,
Где б жизнь природы не сказалась,
Одно бы имя не шепталось;
Не повторялось без конца:
То имя Вечного Творца.
(пер. Минаева).

На молчаливом берегу он чувствует дыхание того же духа, который живет в его груди и ликует, в могучую морскую бурю, которая так сурово-строга и величественно-прекрасна вместе с родственными стихиями (III, 93).

И это ночью! Не дана ты
 Для сна пленительная ночь!
 Позволь ловить твои раскаты,
 С тобою слиться! Сон мой прочь!
 Вот волны вспыхнули при блеске,
 Дождь крупный каплет по земле, —
 А песни гор все так же резки,
 Гром рассыпается во мгле,
 Как гул неистового смеха, —
 И пробегая по холмам,
 То раздаётся здесь, то там,
 И славно радуется эхо,
 Как будто бы оно с высот
 Землетрясение ведёт..
 Куда ж вы бури, мчитесь? Или
 Вы те же, что в людской груди
 Живут всегда? Иль вы открыли
 Себе приюты, как орлы
 В венце заоблачной скалы.
 (пер. Минаева).

И когда просыпается росистое утро,
 Его улыбка прогоняет
 С небес туман и облака,
 В нем столько счастья и силы,

Как будто на земле у нас
 Уж ни единой нет могилы.
 (пер. Минаева).

В Кларансе, он чувствует, как в воздухе
 дрожит дыхание любви, даже как побег
 дерева исходит от любви:

Кларанс! Приют любви священной!
 Твой воздух ею напоен,
 Твой снег, на скалах неизменный,
 Ее румянцем поглощен,
 И солнца розовые краски
 Ему приносят с высоты
 Одну печать любовной ласки..
 Там звучно ропщет водопад,
 Шумят зеленые дубравы;
 Там ночки алые твердят
 О красоте природы вечной
 И славят вечную весну..
 Все составляет мысль одну
 В картине этой бесконечной,
 Одну гармонию чудес
 Земли цветущей и небес.

(пер. Минаева).

К дея-
 тельности
 Росси-
 йского
 Обще-
 ства

Дело защиты бессловесных тварей

А.А. Даронов

покровительства животным следует отнести прежде всего борьбу с людскими жестокостями над животными. Жестокости эти в нашей жизни настолько же заурядны, насколько разнообразны. С животными обращаются бессердечно, требуя от них непосильного труда, или удовлетворяя побуждениям сильнейшего, или просто из-за прихотей. Так обращаются с животными люди всех возрастов и положений; и если в интеллигентной среде жестокости менее часты, чем в народных массах, то это за-

Отрывки из работы: Даронов А.А. Задачи Общества покровительства животным. Вильна, 1898. 12 с.

висит не от воспитания вообще, а лишь от количественного соотношения людей просвещенных к людям темным.

Жестокое обращение с животными, как несообразное с духом нашей христианской культуры и всякой разумной гуманности, нарушая и оскорбляя врожденные человеку чувства милосердия и сострадания, не только развивает в народе жестокость нравов и способность к грубому произволу с слабейшими вообще, но и наносит стране огромный вред в материально-экономическом отношении. Фактически известно, что материальное благосостояние народа и смягчение его нравов неразрывно связано с сбережением животных, и что только там скотоводство,

земледелие и вообще сельское хозяйство в цветущем состоянии, где народ кротко и хорошо обращается с животными.

В задаче Общества покровительства животным, при его основании в 1865 году, было установление положительных узаконений, воспрепятствующих всякое вообще с животными жестокое обращение и определяющих за это известное взыскание. Как ни труден переход от совершенной безнаказанности за жестокость с животными к мерам карательным, но для определения прав и обязанностей человека по отношению к животным были выработаны правила, имевшие в начале значение административного распоряжения, впоследствии же в 1866 г. утверждены были Министром Внутренних Дел, с присоединением к ним следующего постановления: “вменяется в обязанность всем чинам полиции иметь неослабное наблюдение за исполнением вышеизъясненных распоряжений и оказывать полное содействие членам Общества покровительства животным, по предъявлении ими установленного для сего Обществом билета, против нарушителей этих правил. Всех упорствующих в прекращении поименованных нарушений задерживать и представлять в полицию, для поступления с ними на точном основании 311 ст. XV т. св. зав. улож. о наказ”.

Постановление это вызвало в свою очередь инструкцию Правления к г.г. членам Общества, в которой сказано: “Правление Общества полагает, что прибегать к содействию полицейской власти должно как можно реже и только в самых необходимых случаях. Следует принять в уважение, что оказание покровительства животным, посредством правильно организованного Общества, есть дело у нас совершенно новое, небывалое. Если в образованном классе нашей публики могут еще найтись люди, недоверчиво и как бы с ус-

мешкою смотрящие на наши начинания, то не естественно ли ожидать, что г.г. члены Общества, имея дело с низшим классом людей, встретят в нем, в особенности на первых порах, совершенное отсутствие сознания справедливости их требований и даже сопротивление им, которое, в большей части случаев, объясняется тем ложным понятием, что тот, кому принадлежит животное, волен делать с ним, что хочет. Но это самое и заставляет желать, чтобы лица, добровольно принявшие на себя звание члена Общества покровительства животным, несли сопряженную с этим обязанность гуманно, жертвуя для нее и некоторую долю своего личного труда. Труд этот может заключаться преимущественно в том, чтобы при всяком удобном случае возбуждать в людях чувство сострадания к бессловесной твари и настойчиво, но всегда хладнокровно, стремиться к тому, чтобы путем советов, убеждений и вразумлений достигать цели, предложенной настоящими правилами; к содействию же чинов полиции следует, по мнению Правления, обращаться только тогда, когда на стороне нарушителя правил одно упорство, которое и должно быть устранено проявлением над ним законной власти.

Так как при этом возможно, что вмешательство члена Общества покровительства животным, в случае замеченного и указанного им нарушения правил, вызовет необходимость полицейского разыскания уже после совершившегося факта, то весьма желательно, чтобы г.г. члены в нужных случаях передавали чинам полиции обозначение своего звания, имени, отчества, фамилии и местожительства, в доказательство того, что их вмешательство в дело было уместно и законно. Если же представитель полицейской власти, по какому-нибудь недоразумению, не окажет содействие члену Общества, то о таких случаях Правление Общества покорно

просит г.г. членов уведомлять его немедленно, с означением № бляхи городского стража, отказавшего в содействии. В заключение Правление Общества не излишним считает присовокупить, что вообще желательно, чтобы г.г. члены Общества в действиях своих по наблюдению за исполнением правил, опубликованных Правлением, были столь возможно осторожными, стараясь посредством этих действий не возбуждать в массе неудовольствие, а внушать доверие и сочувствие к Обществу”.

Все вышеизложенные постановления очевидно рекомендуют Обществу действовать возбуждением в людях сострадания к животным и заявлять подлежащим властям о лицах, виновных в нарушении правил обращения с животными, вызывая судебное преследование лишь только по необходимости, при упорном нежелании виновных подчиниться этим правилам; а потому привлечение к ответственности является самым крайним средством в деятельности членов Общества.

Поставив, при таких условиях, дело защиты бессловесных тварей от грубого насилия невежественных людей на более прочную почву, Общество покровительства животным должно сознавать, что карательные меры за жестокое обращение с животными хотя и порождают в народе невольным образом сознание не безнаказанности подобного рода действий, но меры эти еще недостаточны, и что для успешного достижения цели необходимо распространение в народе правильного понятия о животных, о пользе, получаемой от них человеком, и о тех правах и обязанностях, которые истекают из подобных между ними и животными отношений.

Ввиду этого, деятельность Общества покровительства животным должна быть предупредительная, мирная, гуманная, преследующая двоякую цель: одну — религиозно-нравственную, т. е.

развить в людях чувства милосердия и сострадания к животным, как к созданию Божию, и другую — хозяйственно-экономическую, т. е. обогащение человека здоровыми понятиями о пользе и выгодах, достигаемых только хорошим уходом и сбережением животного.

Прежде же, чем убедить простолюдина в необходимости хорошего обращения с животными, нужно дать ему благой пример гуманного воспитательного отношения к нему самому.

Русское Общество покровительства животным, основанное в 1865 г. (насчитывающее ныне до 40 отделов) в течение свыше 30-летнего своего существования, стремится к распространению в среде народных масс здоровых понятий о пользе охранения животных, имея в задаче одно лишь благосостояние человека, и, преследуя благие цели защиты бессловесных тварей, имеет в виду и душу человека, чуждую всяких гуманных начал, без которых этот человек, так называемый царь природы, способен снизойти сам до степени неразумной и кровожадной твари.

В основание высоких идей всемирного в 1878 году союза Обществ покровительства животным, приводим нравственную сторону в этом деле, обрисованную следующими словами знаменитого естествоиспытателя-экономиста Александра Гумбольдта: “жестокость по отношению к животным есть один из тех немногих пороков, которые служат важным признаком грубости и невежества данного народа; жестокосердие к животным общей массы — невозможно у народа развитого и цивилизованного; признаком этого нравственного развитая может служить большее или меньшее число существующих у него Обществ покровительства животным”.

В подтверждение тех же идей покровительства животным нельзя не привести в подлиннике письмо весьма долго и много потрудившегося на попри-

ще таковой деятельности, известного своею гуманностью к бессловесным тварям, б. Председателя Российского Общества покровительства животным Камергера Двора Его Императорского Величества д. с. с. Петра Владимировича Жуковского к заведующему делами (secrétaire general) дружественного нам Парижского Общества покровительства животным М. Пларр:

Милостивый Государь,

В качестве почетного члена Парижского Общества покровительства животным, я с особенным удовольствием узнал о Вашем избрании в заведывающие делами этого общества.

Знакомство Ваше с Россией, ее языком, будет, без сомнения, содействовать к установлению более тесной связи между Парижским и Российским Обществами.

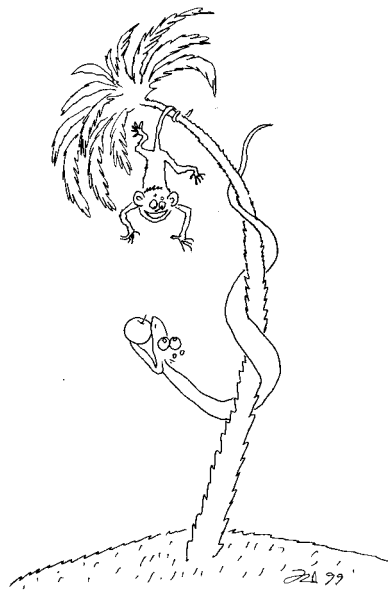
Цель наша — общая, поэтому, соединив наши силы во имя идеи против мучительного обращения с животными, мы в тоже время будем влиять смягчающим образом на нравы народа, не понимающего того экономического зла, которое он причиняет самому себе, дурно обращаясь со своим животным. Все это вместе представляет ту великую цивилизаторскую и гуманитарную миссию наших обществ, не только относительно животных, но и людей.

Примите и проч. П. Жуковский.

Слова эти отошедшего в вечность (11 февраля 1896 г.) незабвенного организатора Российского Общества покровительства животным Петра Владимировича да будут в назидание и г.г. членам Общества Ковенского Отдела, миссия коих не легкая, но благородная — быть провозвестниками идеи милости и сострадания к бессловесным тварям Божиим, имеющим, по словам Священ-

ного Писания (“блажен иже и скоты милует”) и по высшей справедливости, не только права на безобидное существование, но и достойным внимания и забот человека. Лошадь, вол, собака — все это полезные для человека существа: одни облегчая его труд в полевых работах, другие — кормя его своим мясом и одевая его своею кожей, верный пес сторожа его домашний очаг и достояние; причем следует помнить, что не только исчисленные крупные животные, но и самые маленькие живые существа: каждая птичка, каждая букашка одарена способностью радоваться и наслаждаться своим существованием в мире, равно как и ощущать боль, страдание и ужасы смерти.

Миф о происхождении человека

— Как только слезешь с дерева, я дам тебе яблоко. После этого ты родишь Адама. После этого рай для тебя кончится!

Рис. Э.Д. Шукурова

ДВЕНАДЦАТЬ ОШИБОК В ЭКОПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ЗАПОВЕДНИКОВ

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

В последнее время в Российской Федерации предприняты серьезные шаги по привлечению заповедников к экопросветительской работе. Организаторы этой инициативы исходят из благого намерения организовать в стране мощную общественную поддержку заповедному делу. В итоге была утверждена в июле 1998 г. Госкомэкологией и Федеральной службой лесного хозяйства России (уже бывшими) «Концепция работы государственных природных заповедников и национальных парков Российской Федерации по экологическому просвещению населения» (Концепция..., 1998), в более чем половине российских заповедников функционируют экопросветительские отделы или сектора (Обзор..., 1999), специальная структура создана в Управлении заповедного дела Госкомэкологии, Экоцентром «Заповедники» несколько лет подряд проводятся курсы для работников заповедников и национальных парков, занимающихся экопросвещением, издается методическая литература, Центром охраны дикой природы координируется всероссийская агитационная акция «Марш парков», издаются газеты «Заповестник» и «Заповедные острова».

Однако, как в любом новом и довольно непростом деле, в экопросветительской деятельности российских заповедников появляются досадные ошибки и промахи, мешающие достичь желаемого результата. Назову некоторые из них.

Ошибка первая: активное использование туризма и лагерей для школьников на базе заповедников.

Как следует из обзора эколого-просветительской деятельности российских заповедников, подготовленного Управлением заповедного дела Госкомэкологии России, в 1998 г. 54 заповедника посетило около 175 тысяч человек, на территории 60 заповедников действовали туристические тропы и маршруты, в 32 заповедниках работали детские экологические лагеря, в которых участвовало 1500 человек (Обзор..., 1999).

Подобная форма экопросветительской деятельности, оправданная для национальных парков, в заповедниках вызывает по меньшей мере удивление. Туризм, каким бы «экологическим» он не назывался, по сути является хозяйственным использованием заповедной территории, что противоречит основным принципам отечественного заповедного дела. Даже один человек, прошедший по туристической тропе, наносит вред дикой природе заповедника. Это, во-первых. И, во-вторых, в туристической деятельности имеется очень опасная возможность подмены экопросвещения коммерцией. Можно привести достаточно примеров, когда директора заповедников начинают подсчитывать эффективность экотуризма в рублях, а не в «экологически распространяемых» посетителях.

Определенную опасность для заповедников таят и различные детские лагеря, экопросветительская эффективность которых чаще всего сомнительна.

Что же касается таких форм экопросвещения на территории заповедников, как смотровые площадки, туристические тропы и маршруты, то они должны быть там навсегда и полностью запрещены.

Ошибка вторая: оценка экопросветительской эффективности работы заповедников листажом и тиражом.

Когда мы с Е. Симоновым разрабатывали первый вариант концепции экопросветительской и пропагандистской деятельности российских заповедников и национальных парков, мы исходили из того, что конечным результатом экопросветительской работы ОПТ является улучшение экологической сознательности населения (местного прежде всего). Поэтому, триединая задача экопросвещения на базе заповедников и национальных парков, по нашему мнению, заключалась в: а) помощи в охране заповедной территории (приоритетная задача); б) содействии в решении экологических проблем региона; в) формировании экологического сознания населения в целом (Борейко, 1998). Что, с некоторыми изменениями, и попало в утвержденный вариант концепции экопросвещения (Концепция..., 1998).

Мы были категорически против того, чтобы эффективность экопросветительской работы заповедников выражалась в изданных книгах, буклетах, прочитанных лекциях, статьях в газетах, отснятых фильмах. Ведь заповедники — не издательства, не киностудии. И в их задачи, по большому счету, не входит выпуск книг и тиражирование листовок. Поэтому нельзя тиражом и листажом, как это делает Управление заповедного дела Гоконэкологии России (Обзор..., 1999), а теперь Министерство природных ресурсов, оценивать эффективность экопросветительской деятельности своих заповедников. Это то же самое, что оценивать профессионализм, скажем, повара суммой открытых им бутылок и консервных банок...

Российские заповедники находятся в различных географических, политических, этнических, социальных, экономических и других условиях. Возможно, некоторые ОПТ могут добить-

ся больших успехов, занимаясь распространением экологических сведений устным способом (например, при помощи священников), а отнюдь не создавая дорогостоящие визит-центры, не выпуская красочные книги и буклеты. Более того, гипотетически может возникнуть ситуация, когда заповеднику вообще нет смысла отвлекаться на экопросвещение. Например, если этим прекрасно занимается какая-нибудь другая экологическая организация, расположенная по соседству. Но такие “нерадивые” заповедники, согласно принятой отчетности, сейчас рискуют попасть у своего московского начальства в “черный список”.

Выход из сложившейся ситуации может быть только один: требуется изменить систему отчетности заповедников по экопросвещению. Показателем успешной работы экопросветителей должен стать не “листаж и тираж”, а поднятие уровня экологической сознательности населения. Что, конечно, невозможно определить без социологических исследований. Тем более, что уже разработаны довольно простые методы оценки результатов экопросветительской и пропагандистской деятельности заповедников (Борейко, 1998).

Нельзя не согласиться и с мнением опытного специалиста по экопросвещению на базе заповедников В. Сухомлиновой, что в заповедниках и национальных парках должен быть налажен специальный “пропагандистский мониторинг”, благодаря которому оценка эффективности природоохранной пропаганды и экопросвещения будет вестись постоянно (Сухомлинова, 1995).

Ошибка третья: формальный, неадаптированный перенос экопросветительского опыта американских национальных парков на отечественные заповедники.

В последнее время все больше российских специалистов по заповедному делу отправляется за океан, все чаще

в специализированных изданиях публикуются восторженные отзывы о работе американских национальных парков. Без сомнения, опыт зарубежных ОПТ нужно изучать, популяризировать и использовать. Но обязательно адаптируя его к нашим реалиям.

Экопросветительская деятельность американских национальных парков значительно отличается от таковой российских заповедников. Дело в том, что национальные парки США преследуют несколько иные, более практические цели, нежели российские заповедники, и поэтому нацелены на специфический метод экопросветительской работы, именуемый “интерпретация”. Это более широкая, нежели экопросвещение, деятельность, рассчитанная на удовлетворение различных рекреационных, духовных и интеллектуальных запросов туристов.

Например, в некоторых американских национальных парках для посетителей устраиваются молебны, религиозные фестивали, что, конечно, по определению не имеет права происходить в российских заповедниках. Примерно это же касается и визит-центров. Наверяд ли их нужно создавать в каждом заповеднике, ведь поток туристов на заповедную дикую природу это скорее беда, нежели благо.

Далее, национальные парки США, в отличие от наших ОПТ, давно имеют прекрасную инфраструктуру для приема посетителей. Ни в России, ни в других странах СНГ такого нет и не скоро появится. Да и турист в Америке более культурный: недаром там его именуют “экологическим”, а у нас — “диким”. В некоторых национальных парках США, например, Йосемитском, для посетителей сооружены дансинг-холлы и бары. Думается, такой “опыт” вообще не приемлем не только для заповедников, но и для наших национальных парков. Более того, если мы допускаем существование экосистем в их

дикой природной красоте как их право, то мы должны ограничивать некоторые из своих прав. Например, право посещения национальных парков. Необходимо ввести лицензирование для посетителей национальных парков согласно предлагаемому правилу: “никому не позволено находиться среди дикой природы до тех пор, пока он не докажет, что экологически подготовлен”.

Ошибка четвертая: превращение заповедников в центры экологического просвещения в регионе.

Заповедники часто называют региональными центрами экологического просвещения. Это опасное заблуждение, ибо повышение экологической сознательности населения является не целью, а всего лишь методом достижения цели заповедников — сохранения свободы дикой природы.

Природоохранная пропаганда, экологическое просвещение могут быть оправданы для заповедников только в случае использования их как одного из способов охраны заповедной территории, ну и еще для поднятия престижа заповедного дела в целом. Причем, в данное время и в данных условиях.

Брать на себя функции центра экопросвещения в регионе — безрассудное и неоправданное занятие. Заповедники не имеют и никогда не будут иметь для этого ни средств, ни времени, ни специалистов. Более того, чрезмерные усилия по экопросвещению могут отвлечь заповедник от его главной задачи, ради чего собственно он и создавался — защиты свободы дикой природы.

Явной ошибкой является запись в статье 8 Закона Российской Федерации “Об особо охраняемых природных территориях”, гласящая, что “государственные природные заповедники являются природоохранными, научно-исследовательскими и эколого-просветительскими учреждениями” (Сборник..., 1996).

И если в случае с национальными парками, как более низкой категорией, такая запись справедлива, то заповедники должны быть ограждены как от чрезмерной науки, так и экопросвещения. Иначе, по прошествии некоторого времени, они рискуют превратиться либо в национальные парки, либо в придатки научных институтов. Поэтому заповедники должны считаться только природоохранными учреждениями.

Ошибка пятая: отсутствие научного подхода.

Экопросвещение, природоохранная пропаганда на базе заповедников и других ОПТ — очень ответственная, сложная, требующая большого опыта и специальных знаний научно-практическая деятельность. Она находится в тесном контакте со многими науками — социологией, психологией, экологией, философией, этнографией, педагогикой, логикой, теологией и т. д. Однако в настоящее время во многих заповедниках она проводится практически вслепую, любительски, без плана, оценки эффективности и связи со специалистами.

Чаще всего все происходит следующим образом: пробывал директор заповедника на каком-нибудь совещании в Москве, приглянулся ему красочный буклет, изданный другим заповедником, вернулся он домой, вызвал своего специалиста по экопросвещению, и дал ему команду издать подобный. Пропагандистская эффективность такой “экопросветительской” акции его, как правило, не волнует, а научным подходом здесь и вовсе не пахнет.

Конечно, на проведение серьезных научных разработок по “заповедному” экопросвещению у отдельно взятого заповедника силенок явно не хватит. Навряд ли его специалисты могут привнести что-либо новое в исследование значимости природоохранных мотиваций местного населения, поднятие нематериальных ценностей дикой приро-

ды, определение эффективности экопросветительской работы и наиболее действенных способов природоохранной пропаганды в условиях ОПТ, оценку воздействия различных природоохранных мотиваций на эффективность природоохраны, создание мифопоэтических аргументов в защиту дикой природы и т. д.

К сожалению, изучение этих фундаментальных вопросов “заповедного” экопросвещения не вошло в свое время в компонент “В” проекта ГЭФ “Сохранение биоразнообразия Российской Федерации” — “Охраняемые природные территории” (Охраняемые..., 1998). И очень важные научные исследования не были проведены. Поэтому я очень надеюсь, что изучение перечисленных проблем все-таки заинтересует Министерство природных ресурсов России, российские представительства крупных международных природоохранных организаций (МСОП, WWF и др., ведущие российские национальные НГО, специализирующиеся по заповедному делу, фонды. Иначе дальнейшее развитие “заповедного” экопросвещения будет очень затруднено.

Ошибка шестая: возрастающий формализм в проведении “Марша парков”.

Всероссийская акция “Марш парков” задумывалась как агитационно-просветительская кампания по популяризации заповедников и национальных парков. Выше я уже говорил, что американский опыт хорош тогда, когда адаптирован к местным российским условиям. Чего не было сделано.

Прежде всего это касается самого названия — “Марш парков”. В русской транскрипции оно довольно неудачное, непонятно непосвященным, так как вызывает ассоциацию с городскими парками культуры и отдыха, далекими от ОПТ. В результате, как свидетельствуют очевидцы, в некоторых местах “Марш парков” берется на вооружение

коммунальными городскими службами для организации весенних (бывших ленинских) субботников в местах отдыха горожан. Если бы “Марш парков” в свое время предусмотрительно был назван как “Марш заповедников”, то таких курьезов не возникало.

“Марш парков” должен превратиться в народную традицию (войдя в коллективное бессознательное) и передаваться от поколения к поколению. Иначе, когда Центр охраны дикой природы перестанет координировать эту акцию, она тихо отомрет. Как прекратили свое существование в 1960-х годах Дни леса, так и не ставшие традицией. Загубленные формализмом и обязательностью.

К сожалению, нечто подобное происходит сейчас с “Маршем парков”. Объяснение цели этой акции нередко отступает на задний план перед внешним парадом. Проведение “Марша парков” считается порой в заповедниках положительным признаком особой чиновничьей ретивости и исполнительности.

Есть два способа как задуть “Марш парков”. Первый — издать министерский циркуляр, строго обязывающий заповедники и национальные парки участвовать в этой акции (что и сделало в свое время Управление национальных парков федеральной службы лесного хозяйства России). И второй — ввести обязательную отчетность для ее исполнителей. Последнее, к сожалению, частично практикуется.

Ошибка седьмая: “спасение утопающих — дело рук самих утопающих”.

Существует мнение, что поднятие авторитета заповедников зависит исключительно от их экопросветительской деятельности. С этим нельзя согласиться, ибо находясь далеко от культурных центров, заповедники никогда не смогут ни оказать серьезное влияние на улучшение экологической сознательности населения области (края) в

целом, ни поднять престиж заповедного дела. В своем районе — да, во всей области — нет.

Эта задача более по плечу журналистам-экологам, работающим в популярных средствах массовой информации, федеральным природоохранным органам и их подразделениям на местах, влиятельным общественным экологическим организациям. Конкретный пример — деятельность московского экоцентра “Заповедники”, эффективность работы которого на этом поприще трудно переоценить. Так, одним из важнейших направлений деятельности экоцентра является проведение курсов работников заповедников и национальных парков, занимающихся экопросвещением.

Я нередко читаю там лекции, и в целом высоко оцениваю программу курсов. Однако, одним из недостатков курсов является то, что они, в принципе, работают на лозунг “спасение утопающих — дело рук самих утопающих”. Нет, мы никогда не добьемся существенного сдвига в организации общественной поддержки заповедного дела, если станем рассчитывать только на экопросветителей из ОПТ. По моему мнению, подобные курсы надо также организовать для журналистов, работников экологических НГО, занимающихся заповедным делом.

Добиваться авторитета заповедного дела нужно сообща: и работникам заповедников и национальных парков, и егерям заказников. В этих целях, еще пару лет назад, я предложил проводить новый профессиональный праздник — День работников заповедного дела. Заявил об этом на презентации в Москве своей книги “Дон Кихоты. История, люди, заповедники”, выступил в газете “Заповедные острова”. Вроде все согласилось, поддержали. Каково же было мое удивление, когда по непонятным, чисто ведомственным причинам из празднования этого Дня были ис-

ключены работники национальных парков и заказников. Однако история сыграла с московскими чиновниками злую шутку. Заповедники и национальные парки недавно объединились в одном министерстве и теперь сам Бог велел включить в празднование Дня заповедников еще и работников национальных парков.

Далее. Заботясь о престиже заповедного дела, не следует ограничиваться только авторитетом ОПТ. Гораздо разумнее обращать внимание населения и властных структур на всю дикую природу, пробуждая к ней уважение, любовь, благоговение, поднимая значимость нематериальных ценностей дикой природы.

Как было бы неэффективным отдельно бороться за авторитет театров, музеев, библиотек, а не культуры в целом, так же бесперспективным окажется популяризация заповедников и национальных парков без создания культа всей дикой природы. Ведь, по большому счету, важен не отдельно взятый заповедник, а то, что он защищает — дикая природа.

Человечество должно вновь открыть для себя мифологическое, сказочное, поэтическое измерение дикой природы. Нужно стремиться к тому, чтобы восприятие, понимание людьми дикой природы, ее ценностей постоянно расширялось. Что, в свою очередь, будет вызывать адекватные природозащитные мотивации, способствовать развитию заповедного дела и охраны дикой жизни.

Ошибка восьмая: экопросвещение — панацея от всех бед.

Экологическое просвещение определяется как система распространения экологических знаний и первая стадия природоохранной пропаганды. Однако, знания сами по себе мало что могут изменить. Культовый во времена социализма лозунг — «знание — сила» давно показал свою несостоятельность. Человек может неплохо владеть эко-

логическими знаниями, но в общении с природой вести себя как варвар.

По-видимому, нужно говорить не только о влиянии на разум, но и на сердце человека. А это уже не экопросвещение, а пропаганда, агитация, реклама, и конечно, воспитание — этическое, эстетическое, религиозное, патристическое.

К сожалению, проведенный мной небольшой анализ издательской продукции, выпущенной в последнее время российскими заповедниками, свидетельствует об их узко-просветительской деятельности — распространении сугубо экологических и биологических знаний без какой-либо этической составляющей. Что навряд ли приносит ощутимый эффект. Более того, даже в должностных инструкциях начальника отдела экологического просвещения и методиста по экологическому просвещению заповедников ничего нет говорится о том, что эти специалисты должны знать хотя бы основные положения экологической этики (Дополнения..., 2000). Как же они тогда смогут полноценно просвещать население?

Ошибка девятая: ожидание быстрых положительных сдвигов в экологической сознательности местного населения.

Неопытные заповеднические экопросветители часто недоумевают, почему после 1-2 лет их работы не видно значимых результатов в улучшении отношения местного населения к заповеднику. Не следует надеяться, что экопросвещение и природоохранная пропаганда за столь короткий срок смогут изменить прагматический подход к природе у людей. Только благодаря терпению, долгому упорному труду и применению передовых экопросветительских технологий можно надеяться на результат.

Ошибка десятая: неприязненные отношения между работниками отделов экопросвещения и научных отделов заповедников.

Классик русской литературы М.Е. Салтыков-Щедрин то ли в шутку, то ли всерьез рекомендовал “просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития”.

Так получилось, что в последнее время главк российских заповедников уделял много внимания работе экопросветительских структур заповедников. Что вызвало определенную ревность со стороны научных работников заповедников. Добавьте к этому еще то, что не все в заповедниках поддерживают работу с населением. Вот и возникают конфликты. Но главная причина подобных “неуставных отношений” мне видится в отсутствии в России современной концепции заповедного дела, четко определяющей цели и задачи заповедников.

Ошибка одиннадцатая: экологическая цензура на серьезное обсуждение проблем экопросветительской деятельности российских заповедников.

Экопросветительская деятельность заповедников — довольно новое направление их работы, по сути, развернутое в последние 3-4 года. И поэтому именно сейчас очень важно наладить гласное обсуждение проблем, возникающих в “заповедном” экопросвещении, мягко корректировать те или иные перегибы, исправить ошибки. Однако Управление заповедников ввело негласную цензуру в подведомственных ему изданиях или на проводимых им конференциях на серьезное обсуждение этой темы. Как в старое доброе советское время слышится один “одобрямс”. Негативному примеру Управления следуют и некоторые российские общественные природоохранные организации, исповедующие экотуризм в заповедниках. Результаты такой однобокой политики не трудно предсказать.

Ошибка двенадцатая: перекосяк в грантовой политике. Так получается, что работникам заповедников гораздо легче получить грант на экопросвеще-

ние, нежели на охрану территории или научные исследования. В результате не спрос рождает предложение, а предложение спрос.

Краткие выводы. Существуют различные причины отмеченных мной недостатков экопросветительской работы российских заповедников. Это малоопытность сотрудников заповедников, нехватка необходимых методических разработок, сложность и новизна “заповедного” экопросвещения и т. д.

Но на одной причине я хотел бы остановиться особо. К сожалению, современное заповедное дело (как в России, так и в других странах СНГ), поражено антропоцентризмом. Антропоцентризмом страдает заповедное законодательство, различные научные подходы к ОПТ, многие официальные лидеры российских заповедников.

Отсюда гипертрофированная роль науки, а теперь и экопросвещения в заповедниках, отсюда опасное заигрывание с экотуризмом и подобными модными заграничными штучками.

Но ведь неморально защищать дикую заповедную природу ради целей человека. Всегда может возникнуть соблазн пожертвовать ею ради чего-нибудь “чисто человеческого”.

Дикую природу нужно сохранять, как учил Г.А. Кожевников (1997), — только ради ее самой.

Литература

- Борейко В.Е. (1998): Пути и методы природоохранной пропаганды. Изд. 2-е, дополн. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-280.
- Дополнения в разряды оплаты труда Единой тарифной сетки и тарифно-квалификационные характеристики по должностям работников государственных природных заповедников Российской Федерации. (2000): - Заповедники и нац. парки. 30: 8-10.
- Кожевников Г.А. (1997): Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-Промышленной области. - Этноко-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 91.

- Концепция работы государственных природных заповедников и национальных парков Российской Федерации по экологическому просвещению населения. М.: Экоцентр "Заповедники", 1998. 1-21.
- Обзор эколого-просветительской деятельности заповедников Госкомэкологии России в 1998 г. (1999): - Заповедники и национальные парки. 28: 28-30.
- Охраняемые природные территории, компонент "В" проекта Глобального Экологического Фонда "Сохранение биоразнообразия Российской Федерации". М: Диалог-МГУ, 1998. 1-59.
- Сборник руководящих документов по заповедному делу. М: WWF, 1996. 1-445.
- Сухомлинова В. (1995): Природоохранная пропаганда в заповедниках: цели, задачи, специфика. - Экологическое образование на базе заповедных территорий. Киев-Черновцы: Киевский эколого-культурный центр. 38-54.

ПРОПАГАНДА ОХРАНЫ РЕДКИХ ВИДОВ ПТИЦ В СТЕПЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

О.А. Горошко

Государственный заповедник "Даурский"

672012, Россия, г. Чита, ул. Матвеева, 35-43; e-mail: root@ecology.chita.ru

Биоразнообразие степей Юго-Восточного Забайкалья зависит от рядовых работников сельского хозяйства значительно сильнее, чем от государственных структур, призванных его сохранить. Здесь влияние местного населения на состояние популяций редких видов птиц велико.

Мозаичная структура населения людей и редких видов птиц, частое обитание их бок о бок позволяют применить эффективный метод адресной эколого-образовательной работы. Во время многодневных автомобильных экспедиций по Забайкалью мы совмещаем научные и образовательные работы. После того, как нами выявлено и обследовано место обитания редкого вида птицы, мы посещаем окрестные поселения и проводим с их жителями образовательную работу путем личных бесед с демонстрацией фотоснимков и рисунков. Это очень эффективный метод, поскольку работа проводится с конкретными людьми, рядом с которыми живут птицы, и непосредственно от которых зависит судьба этих птиц. Дарим людям иллюстрированные буклеты, цветные большие календари и плака-

ты с изображениями охраняемых птиц и призывами сохранить их. Люди развешивают календари в своих домах и потом каждый день, видя рисунок на стене, вспоминают о живущих рядом птицах. Качество календаря или плаката имеет большое значение. Если они выполнены красиво, то люди хранят их долго. Попутно с образовательной работой мы проводим опрос. Выясняем места встреч редких видов, случаи гибели птиц.

В ходе бесед со многими людьми у нас устанавливаются теплые отношения, удается привлечь их к охране птиц. Если в дальнейшем мы посещаем такие стоянки, то нас принимают как хорошо знакомых, рассказывают о своих птицах и о проблемах, связанных с их охраной.

Постепенно удается создать сеть небольших участков обитания редких видов птиц, оберегаемых местными людьми — теми, кто ведет на этих участках хозяйственную деятельность. Большинство участков требует охраны лишь в течении непродолжительного периода во время гнездования.

Конечно, эколого-образовательная

работа не позволит решить всех проблем. Она должна вестись параллельно с другими природоохранными мероприятиями. Однако не следует и забывать о ней, особенно в тех случаях, когда выполнение других работ невозможно или осложнено.

Многое зависит от рядового механизатора, вспахивающего поле. Он может перепахать яйца дроф и журавлей-красавок, он же может их опухать и сохранить. И никто его не накажет и не похвалит за это, никто не узнает об этом, если он сам не расскажет.

А сколько зависит от охотника? Убьет он дрофу или нет — определяется вовсе не страхом быть наказанным, поскольку такое случается чрезвычайно редко, а его знаниями и сознательностью.

Большинство охотников не знает, что дрофа внесена в Красную книгу.

Но от того, что она редка, желание добыть дрофу сейчас увеличивается.

Некоторые браконьеры любят и по своему охраняют природу. Они — охотники, но охотящиеся нелегально. Они чтят старые охотничьи традиции и не считают себя браконьерами. Стреляя гуся, не тронут лебедя и не позволят убить его другим. Убедить такого браконьера не стрелять дрофу не сложно. Хотя есть определенный контингент людей, которых очень тяжело или невозможно переубедить. Трудно также разговаривать и с голодным человеком.

Я не защищаю и не оправдываю браконьеров, хочу лишь сказать, что необходимо стараться понять людей. Тогда многое получается.

(Информация взята из работы, выполненной О.А. Горошко по гранту фонда МакАртуров).

ПОВЫШЕНИЕ ПРЕСТИЖА ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ С ЦЕЛЬЮ УЛУЧШЕНИЯ ИХ ОХРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕКОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ)

В.Ф. Руденко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Природоохранная деятельность Киевского эколого-культурного центра характеризуется за последние три года значительным ростом количества заповеданных природных объектов; их число достигло 100. Среди них есть обширные территории с мало редуцированными природными комплексами, площади которых измеряются сотнями гектаров. Есть остатки бывших помещичьих парков, участки сохранившихся степных коренных травостоев, водные источники, великовозрастные великаны — деревья-патриархи.

Имеющийся опыт работы свидетельствует, что насущной остается проблема неприкосновенности или хотя бы продолжительной надежной сохранности природного объекта, уже получившего тот или иной природоохранный статус. Нередко на деле получается, что одно лишь юридическое наделение объекта заповедным статусом (памятник природы) далеко не всегда обеспечивает защиту от тех или иных посягательств по вине человека. Мы не раз убеждались, что установка охранных табличек, щитов-аншлагов или меже-

вых столбиков не гарантирует объекту неприкосновенности до тех пор, пока престиж его среди населения не поднимется до уровня сознания обязанности ныне здравствующих людей неукоснительно соблюдать местные духовные и охранные каноны, связанные с данным объектом.

Сравнение наших исследований с опытом стран СНГ прекрасно подтверждает положение о том, что решающим и определяющим фактором сохранения природного объекта в постзаповедальном его периоде есть престиж объекта как среди местного, так и среди ново-прибывших контингентов населения. Полная и безоговорочная неприкосновенность заповедных рощ-кереметищ марийцев и удмуртов, вологодских лесных участков — “кустов”, родников-источников у поморов, нетронутых участков тайги у сибирских охотников-бурят — зиждется именно на глубочайшем престиже и безграничном их почитании со стороны местных жителей.

В западных областях России, в Украине и Белоруссии дело обстоит сложнее. С одной стороны, периодические миграционные и иные демографические явления в некоторой мере сnivelировали и стерли в сознании складывающихся конгломератов населения психологическую, историческую и духовную привязку к долго существующим легендарным природным объектам — вековым деревьям, скалам, пещерам, водным источникам. С другой — сравнительно неоднородный этнический состав, высокий процент городского населения, недостаточный епархиальный охват села квалифицированными приходскими Украинской православной церкви Московского Патриархата и экологически неоправданная заполитизованность Киевского Патриархата — привели либо к утере, либо к частичному забвению многих полужызыческих поверий, легенд, связанных с конкретными урочищами, лесными русалочьими озерами, источниками и главное — веко-

выми деревьями. Поэтому мы в нашей работе по заповеданию сделали попытку оживить, воскресить полуутраченный авторитет ряда природных объектов в глазах местных жителей и разумеется, местных органов власти.

Первый и основной упор был сделан с учетом воздействия на население силы устойчивых религиозных традиций. Например, престиж 350-летнего каштана, связанного с именем Киевского митрополита-реформатора Петра Могилы, был восстановлен публичным проведением обряда его освящения. Дерево произрастает возле Троицкой церкви в Киеве, рядом с частными домами, все жители которых являются прихожанами данного храма. По нашей просьбе, настоятелем Троицкой церкви отцом Мирославом при стечении местных жителей был проведен обряд освящения каштана. Сейчас это дерево пользуется у них большим уважением.

В работе по повышению престижа заповедаемых природных объектов мы шли различными путями и методами к достижению одной конечной цели — фактическому закреплению в умозрительных представлениях населения актов юридического оформления статуса памятника природы. Разумеется, очень важным, если не первоочередным, такой процесс является по отношению к местным органам власти, местной прессе и радио. Например, в Каневском районе Черкасской области наши усилия и аргументы в пользу необходимости охраны природных объектов оказались настолько убедительными, что заместитель председателя районного совета Григорий Кутовой выступил на страницах районной газеты “Дніпрова зірка” с серией статей под девизом: “Природа, История, Память”, посвященных новым выявленным природным объектам. Тысячи людей узнали из газеты об их природно-культурных ценностях.

Наряду с такими широкомасштабными акциями, мы прибегали к исполь-

зованию присущих каждому личных чувств гордости и самоутверждения. Так, 150-летний платан академика Кащенко во дворе одного из корпусов Киевского университета был известен далеко не всем местным хозяйственникам, равно как и присущий ему ряд ценностей. У коменданта и служащих общежития № 20, где растет дерево, руки не доходили до ухода за памятником. Мы предприняли усилия по закреплению в целом их положительного отношения к дереву. Работники общежития были сфотографированы возле платана, о них была опубликована заметка в газете. Публикация и фотографии вручены персоналу общежития. Забота и внимание к выдающемуся дереву неизмеримо возросли.

В душе каждого человека сохраняется уголок трогательной памяти о родных местах детства, отрочества и юности, где “мальчишкой гонял по крышам голубей”. С годами чувства эти крепнут и к закату жизни достигают ощущения нежной заботы о местности, где живешь и где жили предки. Такие собирательные чувства, группируемые в понятие местного патриотизма, мы очень широко используем в нашей деятельности для усиления престижа не всем известных природных объектов. Мало кто из жителей села Казаровка Черкасской области знал, что через их село проходил старинный чумацкий шлях из Крыма на Переяслав, Чернигов и Москву и что отрезок его под названием “Вывоз” волею судьбы сохранился в нетронutom перевозданном виде. После заповедания и сообщения о нем объект стал предметом всеобщего внимания, своего рода местной достопримечательностью. Жители села Чаплинка той же области теперь патриотически берегут заросшие ковылем остатки казацкой крепости “Бурты Паляя”, которая препятствовала повороту татарских орд с “Черного шляха” (главной трассы татарских набегов) на север — Трахте-

миров, Севск, Орел, Тулу. В селе Квитки той же области, где находится музей-усадьба композитора Кирилла Стеценко, мы совместно с работниками музея организовали лекцию о вековых дубах, растущих неподалеку от музея и связанных с памятью об их славном земляке. Охотно откликнулось население и на призыв об охране и заботе о двух исторических мемориальных вековых дубах под названиями “Царь-Дуб” и “Дуб Наливайко”.

Как ни удивительно, но в селах Корсунщины не исчезла память о бывшей здешней землевладелице княгине Е. Лопухиной, хотя с тех времен сменилось три поколения. Мы использовали этот факт для пробуждения заботы среди населения к таким природным объектам, как вековая еловая аллея Лопухиной, ее вековые ясени и липы.

Мощным фактором повышения престижа природных объектов являются старинные предания, поверья, местные легенды. Киевский эколого-культурный центр добился охранного статуса для наибольшего в Киеве дуба под названием “Дуб Кристера”. Однако жители соседних жилых корпусов не прониклись уважением к дереву, мало знали о нем, хотя дерево имеет в обхвате шесть метров. Бывали случаи установки тут мусорных контейнеров. Для повышения престижа этого удивительного памятника природы было использовано старое славянское поверье, что, если мальчик коснется огромного векового дуба, то часть силы дерева исполнит на ребенка. Фоторепортаж о дубе Кристера с использованием этого поверья был опубликован в газете. Появившиеся у дуба паломники подняли авторитет дерева в глазах местных жителей.

350-летний дуб “Бай-Бай” в Пуца-Водицком лесничестве Святошинского лесопаркового хозяйства никак не хотели заповедать. Однако после того, как нами проблеме была придана на-

циональная окраска и приведены аргументы, что именно этот дуб посещал великий украинский поэт Тарас Шевченко, дело сдвинулось с мертвой точки и сейчас красавец дуб пополнил реестр столичных памятников природы. В селе Горобиевка Черкасской области мы нашли громадный вековой дуб на холме, господствующим над местностью. Однако теперь он попал в границы частной усадьбы. И владелец земельного надела, и сельсовет тянули с согласием на заповедание просто так, из-за вековой крестьянской осторожности и опасения “а нащо воно мені!” В ответ мы провели исторический поиск-разведку и установили, что по холмам вдоль нижнего течения реки Рось стояли казацкие сторожевые посты со смотровыми площадками на высоких дубах, а усадьбе нынешнего владельца посчастливилось очутиться на столь славном месте. Чрезвычайно польщенный хозяин, человек обостренного национального мировоззрения, горячо взялся ухаживать за дубом. Сейчас решением Черкасского областного совета это дерево заповедано.

Кстати, в некоторых случаях в целях повышения престижа векового дерева (особенно, если оно растет в частном секторе), есть смысл выплачивать поощрительную премию владельцам земельного участка.

Изучая общественную экологическую ситуацию, мы обнаружили, что нынешние жизненные коллизии вытолкнули из сферы активной полнокровной жизни немалую армию “лишних людей” современности. Большею частью эти немолодые, но вполне трудоспособные люди и сами тяготятся бездельем, слоняясь в комиссиях ЖЭКов, и в лучшем случае окапывая придомовые грядки. В целях повышения престижа вековых деревьев, а также родников, охраны гнезд белых аистов и др., мы сделали попытку создать из таких людей новый пока институт общественных хранителей. Большой ча-

стью они выбираются из пенсионеров, людей, любящих заниматься общественной работой, желающих самовыражения и, что греха таить, любящих покомандовать, покрасоваться на публике. Отобранным активистам вручаются специально отпечатанные “охранные грамоты” на дерево и выдается удостоверение “общественного хранителя” данного природного объекта. Они следят за подопечным деревом, его состоянием, занимаются популяризацией его охраны. Подобная работа, проведенная нами ранее на Киевщине, показала эффективность такого приема.

Немало различных природных объектов, и не только вековых деревьев, нам удалось заповедать, а затем повысить и закрепить их престиж с помощью затрагивания таких чувств, как патриотизм, печальная память о кровавых татарских набегах, щекочущие самолюбие байки о былой казацкой славе. При таких обстоятельствах были заповеданы и популяризованы ряд водных источников, таких, как “Княжья криница” в той же Казаровке, духовное, легендарное сопровождение которых приводит к тяжелой разрухе времен крымского хана Менгли-Гирея, о чем говорится в одной из старинных народных дум. В селе Мельники Каневского района мы знакомили жителей с историчной подоплекой местного источника с на диво прозрачной водой, показали его связь с прилегающей исторической местностью с остатками казацких укреплений времен Колывищины.

По сути подобные места встречаются во многих селах, но население о них не знает. Поэтому привязка содержания старинных легенд в конкретным сопутствующим природным объектам позволяет выполнить даже комплексную задачу — повысить престиж и значимость памятника природы, обеспечить охрану его и одновременно расширить спектр духовно-исторических знаний у местного населения.

Неоценимого значения рычагом в таком повышении престижности природных объектов является местная эколого-культурная интеллектуальная элита: краеведы, педагоги, библиотекари — люди, увлеченные природой и историей родного края. На Черкащине это такие живые кладези знаний, как Н.П. Яценко М.Е. Ищенко, В.П. Береза, И.М. Меташоп; в Белой Церкви — А.И. Опанасюк; в Киеве — А.И. Кушнир и многие другие.

В работе с местным активом в нашу задачу не входило проведение грани между высоким стремлением самовыразиться и простительным в данном случае невинным тщеславием, однако генетически присущая гордость за престиж своего “я” очевидно еще долго будет жить в человеческой душе. Поэтому сейчас у нас на очереди стоит использование очень действенного эффекта так называемого “мемориального поведения”, когда, например, колодцу присваивается имя человека, его вырывшего. Многие люди желают увековечить свое имя в хороших делах. В связи с этим можно присваивать вековым деревьям имена людей, их опекающих.

В густонаселенных местах престиж природного объекта может быть повышен путем привязки к нему созвучных, как правило массовых, мероприятий, совмещающих экологические и культурные, духовные области. Например, интересен опыт московской группы по охране старого вяза по улице Поварской, которая в целях поднятия авторитета векового дерева проводит под его кроной культурологические мероприятия: фестивали “У старого вяза”, выступления детских инструментальных ансамблей. Нельзя не сказать о цивилизованных методах поднятия престижа, которые, к примеру, проводятся в Канаде, где наиболее выдающиеся деревья получают медали, которые к ним крепятся. Это ли не действенный способ поднять авторитет самого дерева и его попечителей?

Несомненно, способов поднятия престижа природных объектов гораздо больше, чем мы здесь перечислили. В процессе работы жизнь сама предлагает наиболее действенные из них. Однако можно систематизировать наиболее приемлемые и доступные пути повышения авторитета объектов природы.

Это, в частности, использование в природоохране таких областей знания.

1. Историко-культурная, мемориальная сфера — природные объекты связываются с памятью и именами известных и почитаемых людей или важных исторических событий, упоминаются в легендах, поверьях, песнях, былинах.

2. Религиозная — объекты природы совмещаются с устойчивыми религиозными традициями и представлениями, праздниками, датами проведения культовых обрядов, личностями канонизированных особ. Практикуются обряды освящения природных объектов священнослужителями, установка (у криницы, дерева) религиозных символов и текстов, регулярный уход за объектами.

3. Патриотическая, в т. ч. образовательно-патриотическая и национально-патриотическая — повышение престижности объекта выстраивается на развитых чувствах привязанности населения к своей малой родине с использованием элементов героики прошлых лет.

4. Оздоровительная сфера — престиж природного объекта связывается с его незаурядными оздоравливающими свойствами: целебная вода, оздоравливающее урочище, земной магнетизм, энергетические биополя вековых деревьев.

5. Комплексная — используются различные, в т. ч. личностные, факторы заинтересованности населения в надежном сохранении природного объекта, распространении положительных сведений о нем. Используется эффект “мемориального поведения” личности.

Как разгромили украинскую “Рабочую газету” за правду по охране природы

По материалам бывшего архива ЦК компартии Украины

(ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 10, д. 689, лл. 68-75).

Подбор материалов В.Е. Борейко. Перевод с украинского Е.В. Поминовой.

Публикуется впервые.

Центральному комитету
КП Украины

В последнее время “Рабочая газета” напечатала ряд ошибочных и неправильных материалов и выступлений, которыми дезориентировала своих читателей.

Так, 26 марта 1968 года газета опубликовала хвалебную рецензию М. Гамрецкого на изданный в Варшаве “Украинский календарь”, в котором помещены тенденциозно подобранные материалы откровенно буржуазно-националистического характера. В этом календаре, ко всему, пропагандируется деятельность Хвильового, Винниченко, Грушевского, а также поданы сомнительного содержания стихи и рассказы, табель-календарь с обозначением религиозных праздников и т. п.

18 января 1970 года газета допустила грубое нарушение в официальном материале РАТАУ.

23 января 1970 года она расхвалила так называемое “Положение об основных принципах руководителей”, вышедшее по заказу Киевского ремонтно-механического завода коммунального оборудования “Газприбор”. В то время редактору было известно, что это “Положение” было осуждено постановлением ЦК КП Украины от 31 октября 1969 года “О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КП Украины “О нарушениях установленного порядка выпуска печатных изданий в республике”.

Во время случаев заболевания холерой в г. Одессе 22 августа 1970 г. газета поместила критическую заметку с карикатурой о том, что в городе из-за отсутствия урн развели антисанитарию. Этот материал послужил ос-

нованием для различных обывательских сплетен.

28 августа с. г. “Рабочая газета” напечатала статью “Заповедный — значит, неприкосновенный”. Редакция сопроводила ее примечанием о том, что писатель Герой Социалистического Труда Л.М. Леонов и уральский писатель Б.С. Рябинин предложили газете этот отрывок из одноименной статьи, написанной для журнала, и что она печатается впервые.

На самом деле, как показала проверка, данная статья является по сути почти дословной перепечаткой материала, который был опубликован под таким названием 24 мая 1970 года в газете “Советская Россия” и содержит ряд неправильных утверждений и обобщений.

Анализ показывает, что внесенные изменения в статью, напечатанную в “Рабочей газете”, совсем не меняют направленности опубликованной в “Советской России” статьи. Она не ставит проблемы развития заповедного дела в стране и в нашей республике, носит демагогический, а в ряде мест откровенно критиканский и даже провокационный характер. Так, в статье утверждается, что “Охота ныне — полный синоним удовольствия, доведенный до разгула...”, чем по сути сводится на нет вся та работа, которая проводилась и проводится в республике и в стране в целом по сохранению природы и регулированию охоты.

Авторы статьи призывают: “Нам необходимо собирать силы для решительного наступления во имя спасения матери-природы”. Они при этом указывают, что “Заповедники решают стратегические задания. Как было в Великую Отечественную войну: шли бои ме-

стного значения, а где-то в глубоком тылу накапливались силы для решительного удара". В статье специально тенденциозно указывается: "Уже и так ежегодно крупную дичь привозят из других мест, куда отягощенными важными делами именитым стрелкам ехать далеко и недосуг, и дабы ублажить их, помочь отвести душеньку, обреченных на убиение выпускают прямо под начальственную мушку, на выстрел в упор, в котором не осталось и призрака благородного охотничьего азарта, здорового спортивного соревнования".

Авторы статьи делают неправильный вывод: "Возмущают узкий меркантилизм, провинциальное делячество, которое с некоторых пор стало злым гением в практике наших отношений с природой".

Такие утверждения опубликованной в газете статьи являются неправильными, провокационными. Они могли появиться только вследствие политической незрелости и безответственности членов редакционной коллегии и лично заместителя ответственного редактора т. Логвиненко М.С.

Следует сказать, что председатель государственного комитета Совета Министров УССР по охране природы т. Вольтовский Б.И., к которому редакция "Рабочей газеты" обратилась за консультацией, тоже не проявил должной политической остроты и не обратил внимания на ошибочность и тенденциозность этой статьи.

Ошибки и неправильные выступления "Рабочей газеты" стали возможны потому, что редакционная коллегия газеты (ответственный редактор т. Лазебник Ю.А.) неудовлетворительно занимается воспитанием работников редакции, не уделяет должного внимания идейно-художественному уровню материалов, которые готовятся к печати. Она фактически стоит в стороне от творческих вопросов, не анализирует состояния дел в отделах.

Отдел пропаганды и агитации ЦК КП Украины считает, что вопрос об ошибках и неправильных выступлениях необходимо вынести на рассмотрение ЦК КП Украины.

Проект постановления ЦК КП Украины прилагается.

Зав. отделом пропаганды
и агитации ЦК КП Украины

подпись /Орел/

" " сентября 1970 г.

Об ошибках и неправильных выступлениях "Рабочей газеты"

(т.т. Орел, Логвиненко, Вольтовский, Грушецкий, Борисенко, Овчаренко, Дрозденко, Лутак)

Постановление ЦК КП Украины
№ Ст-54/4, 4 сентября 1970 г.

На страницах "Рабочей газеты" в последнее время было напечатано множество неправильных и ошибочных материалов и выступлений. Так, в марте 1968 года газета опубликовала хвалебную рецензию на изданный в Варшаве "Украинский календарь", в котором помещены тенденциозно подобранные статьи, стихи и рассказы буржуазно-националистического направления. 18 января 1970 года редакция допустила искажения в официальном сообщении РТАУ. 23 января 1970 г. дана положительная оценка "Положению об основных принципах руководителей", которое было осуждено постановлением ЦК КП Украины от 31 октября 1969 года. Несвоевременным, рассчитанным на нездоровый интерес, было выступление газеты от 22 августа этого года "За чистоту города".

28 августа 1970 года "Рабочая газета" напечатала статью писателей Л. Леонова и Б. Рябинина "Заповедный — значит неприкосновенный", которая по сути является перепечаткой одноименной статьи, опубликованной 24 мая э. г. в газете "Советская Россия", в которой содержится множество неправильных утверждений и обобщений. Между тем редакция, введя в заблуждение читателей, сообщает, что данный материал публикуется впервые. Газета в погоне за сенсацией дала

слово авторам, которые не имеют никакого отношения к республике, предаются огульной критике, допускают политически неправильные высказывания.

Публикация этой статьи — это следствие того, что редакционная коллегия “Рабочей газеты” и лично заместитель ответственного редактора т. Логвиненко М.С. проявили политическую незрелость и безответственность при подготовке материала к печати.

Не проявил политической остроты и не обратил внимания на ошибочность и тенденциозность этой статьи председатель Государственного комитета Совета Министров УССР по охране природы т. Вольтовский Б.И., к которому редакция обратилась за консультацией.

Ошибки и неправильные выступления “Рабочей газеты” стали возможны потому, что редакционная коллегия газеты (ответственный редактор т. Лазебник Ю.А.) неудовлетворительно занимается воспитанием работников редакции, не уделяя должного внимания идейно-художественному уровню материалов, которые готовятся к печати. Она фактически сторонится творческих вопросов, не анализирует состоящие дела в отделах.

ЦК КП Украины постановляет:

1. Указать ответственному редактору “Рабочей газеты” т. Лазебнику Ю.А. на послабление руководства газетой, которое привело к появлению ряда ошибок и неправильных выступлений.

Обязать редакционную коллегию (т. Лазебника Ю.А.) и партийное бюро (т. Немазаного Г.Ф.) принять решительные действия для улучшения работы редакции, повышения ответственности ее работников за подготовку материалов к печати.

2. Заместителю ответственного редактора “Рабочей газеты” т. Логвиненко М.С. за опубликование неправильной статьи “Заповедный — значит неприкосновенный”, притупление политической бдительности и проявленную безответственность объявить выговор.

Указать председателю Государственного комитета Совета Министров УССР по охране природы т. Вольтов-

скому Б.И. на то, что он не проявил политической остроты в оценке данной статьи.

3. Обратить внимание редакторов республиканских газет и журналов, директоров издательств и руководства Государственного комитета Совета Министров УССР по телевидению и радиовещанию и Комитета по прессе при Совете Министров УССР на необходимость усиления контроля за исполнением постановлений ЦК КПСС и ЦК КП Украины “О повышении ответственности руководящих органов прессы, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень материалов, которые публикуются, и репертуаров”.

4. Поручить редакции газеты “Радянська Україна” подготовить и опубликовать статью, в которой показать работу, проводимую в республике по охране природы, созданию и развитию заповедников.

Список организаций, куда посылается постановление ЦК КП Украины от 4 сентября 1970 г. № Ст 54/4 “Об ошибках и неправильных выступлениях “Рабочей газеты”.

1. Отделы ЦК КП Украины:
 - а) пропаганды и агитации
 - б) организационно-партийной работы
 - в) сельскохозяйственный
 - г) науки и учебных заведений
 - д) культуры
2. ЦК ВЛКСМ.
3. Государственный комитет Совета Министров УССР по телевидению и радиовещанию.
4. Государственный комитет Совета Министров УССР по охране природы.
5. Комитет по прессе при Совете Министров УССР.
6. Редакциям газет: “Радянська Україна”, “Правда України”, “Рабочая газета”, “Сільські вісті”.
7. Главлиту.
8. Редакциям журналов: “Комуніст України”, “Під прапором ленінізму”.
9. Всем обкомам партии.

Недавно на заседании Госкомкамчатэкологии было предложено изменить статус части территории Кроноцкого заповедника, так как "все граждане страны имеют право видеть уникальные урочища и заповедник не имеет право скрывать их от людей".

Нам сейчас нечего противопоставить подобным доводам. Если раньше можно было обратиться к закону, то сейчас с законами не хотят считаться.

Ольга Чернягина, руководитель Камчатской лиги независимых экспертов, г. Петропавловск-Камчатский, Россия.

Комментарий редакции

Очень жаль, что люди, по своему профессиональному долгу призванные защищать дикую природу, на самом деле способствуют ее уничтожению. Ибо любой туризм в заповедниках, пусть даже в ограниченных размерах и так называемый "экологический", лишает заповедную природу и дикости и красоты.

Однако было бы неверным винить только чиновников Госкомкамчатэкологии, они просто не ведают, что творят. Дело в том, что природоохранная практика в странах СНГ (как раньше в СССР) по-прежнему является антропоцентричной. Антропоцентрично природоохранное законодательство, антропоцентрична официальная концепция заповедного дела, антропоцентрично экологическое образование. Человек все также считается "мерой всех вещей", а природа — ресурсом для удовлетворения его желаний. Но именно антропоцентризм привел человека к экологическому кризису, а дикую природу поставил на грань уничтожения.

Это порочная практика — удовлетворять без конца все возрастающие потребности человека. Итог всегда печален — вспомним хотя бы пророческую пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке.

Теперь что касается заповедников. Это особая, священная территория, где все, кроме человека, имеет право на свободную жизнь и саморазвитие. В заповедниках, ради сохранения права дикой природы на свободу, человек осознанно ограничивает свои права. Ибо дикая природа — это другая цивилизация, особое независимое государство, Совершенно Иное, имеющее внутреннюю ценность и право на существование. И в настоящее время это право дикой природы может быть реализовано только в заповедниках. Дикая природа заповедников ценится прежде всего как цель сама по себе, а не как средство для достижения целей че-

ловека. Поэтому любое вторжение в заповедник, даже ради экотуризма или научной работы — есть зло и является формой греха.

Красота природы заповедника должна цениться сама по себе, а не потому, что способствует удовлетворению людей. Как писал И. Кант, по-настоящему красивым является то, что не имеет пользы. Метафизический смысл красоты природы тождествен идеалу святости. И она открывается только способным видеть духовно. Эстетическая ценность дикой природы должна быть сохранена — потому что она ценность, а не из-за ее полезности для человека.

Именно из-за такого этического принципа английские специалисты заповедного дела проводят различие между охраной того, что называется "областями выдающейся природной красоты", закрытых для посещения, и охраной эстетически ценных участков природы, доступных всем.

Подведем итоги. Дикая природа, виды фауны и флоры, так же как и люди, обладают моральными правами. Правом на свободу, на жизнь (существование), на защиту от гибели. Такие права дикой природе могут быть предоставлены только в заповеднике. За счет ущемления, в свою очередь, прав людей. Именно в этом заключается этический императив нашего морального взаимоотношения с дикой природой.

И еще. Право видеть красоту уникальных заповедных природных объектов не является для людей жизненно необходимым. Право дикой заповедной природы на существование и сохранение своей красоты и самобытности является для дикой природы жизненно необходимым. Поэтому право дикой природы в данном случае является приоритетным перед правом людей. И заповедник должен быть закрыт для туристов на замок.

В.Е. Борейко

Трофимиана

Иннокентий Эксунгве-Леонский

РАСПУТИН

История замкнула полный круг:
Распутин новый народился вдруг,
Что лучше? Фрейлин ли царицыных
растленье
Иль академиков почтенных “облысенье”?
Большой Распутин учинил скандал!
Но бодрости я все ж не потерял —
Придет концу подобным всем субъектам
И Презент сам уйдет в
plusquamperfectum.

1949

АЛХИМИКИ

Науки нашей участь нелегка:
Вновь возродились средние века...
Алхимики, раздувши горна пламень,
Искали долго “философский камень”,
Чтоб в золото им превращать свинец.
Известен всем исканий их конец!
Два академика, Трофим с Презентом,
Нас удивить хотят экспериментом,
Что с бреднями алхимиков так схож:
Мечтают превратить пшеницу в рожь.
Но их успех едва ль нам пригодится:
Намного ведь дороже ржи пшеница!
Трофим! Натужься, и без лишних слов
В коней упрямых преврати ослов!

1950

НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

Под старою луной ничто не ново:
Читали в книге мы средневековой,
Что где-то там в полуденных странах
Деревья есть на топких берегах,
На них плоды — подобия ракушек,
Созрев и в воду падая с верхушек,
Вмиг в уток превращаются они.¹
Настали вновь средневековья дни:
Трофим, артист первопарельских шуток,
Пшеничный колос превратив в ржаной,

Ты возродил средневековых уток —
Ничто не ново под луной!

1950

ВАСИЛЕК

Алхимик наш Трофим,
Тщеславием томим,
Прославлен на кимвалах и литаврах,
Отнюдь не опочил на лаврах:
“Дает пшеница рожь —
Злак полевой обычный,
То знает всяк... Ну что ж?
Рожь есть сорняк пшеничный!
И знайте! всякий злак
Дает сорняк,
В порядке перевоплощенья!
Овес дает овсюг,
Перерождаясь вдруг
Колхозам на мученье.
Пшеница ж, кроме ржи —
И василек, что в поле,
Синея у межи,
Цветет себе на воле!”
И приказал Трофим
Ученикам своим,
Что могут вызвать у пшеницы
Любые небылицы,
Рецепт такой сыскать,
Чтоб разом превращать
Пшеницы колосочки
В цветочки василечки.
Ретивый некий ученик
В пыли истлевших фолиантов
Средневековых обскурантов
Нашел рецепт, и вмиг
Успехом окрыленный
Принес его патрону.²
Трофим провозгласил:
“А!? Что я говорил?
Уж знал схоласт средневековый
Происхождение васильков,
А я-то, я чрез семь веков
Толпе спецов тупоголовой

Стараюсь тщетно доказать
 Что все могу я из всего создать!
 И что папашино наследство
 Есть только средство
 У дяди требовать
 житейских всяких благ.
 Тупицы не поймут никак!
 А как же василечек?
 “Не знаю, мой дружок!
 Но только есть слушок,
 к нам стороной дошедший:
 Трофимов василек поблек,
 Нимало не расцветши!”

1951

ИКОНОСТАС
 (Всем устроителям Мичуринских
 кабинетов)

Хоть память у людей плоха —
 Как часто новое вино мы
 Вливаем в старые меха!
 Нам дорог стиль, давно знакомый
 Иконостаса, алтаря.
 Его усердием горя,
 Мы воплощаем в прославление
 Любого нового ученья.
 Поповщину едва изжив,
 К призывам разума мы глухи:
 Видать, неистребим порыв
 Лежать пред кем-нибудь на брюхе.
 Духовной жаждою томим,
 Ирей Трофимовского толка
 Иконостас святым своим
 Воздвигнул в келье втихомолку.
 Увы! Его иконостас
 Своей безвкусицей простецкой,
 Хотя и роскошью купецкой
 Отнюдь не радует наш глаз,
 Пусть блещет он резьбой дубовой
 И полон сортимент фруктовый —
 Хорош столяр! Но богомаз
 Прельстить никак не может нас.
 Испортил он, подлец, иконы!
 Вот сам Мичурин, вот Буденный,
 Святой Климент и Докучай,
 Что затесались невзначай.
 Святой Трофим!!!... Возжечь бы надо
 Пред образом его лампаду;
 Из “инославных” лишь один

108

Угодник есть святой: Дарвин!
 Хоть он и свят, но как же грешен!
 Зачем, зачем он здесь повешен?
 Висит он, надо думать так,
 Чтоб вешать на него собак!
 Его ученье так корналось,
 Что лысина одна осталась!

1952

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Недавно новым откровеньем
 Науку одарил Трофим,
 Расправившись еще с одним
 Распространенным заблуждением.
 Растенье, как учили нас,
 Энергию лучей вбирает,
 И косный углекислый газ
 Себе на пользу разлагает.
 И вот Трофим вещает: “НЕТ!
 Клим Тимирязев тривиален!
 Растенье поедает свет,
 Зане луч света матерьялен,
 Немедленно в один присест
 Науку перестроим нашу:
 Да! Солнца свет растение ест
 Как, например, едим мы ... кашу!
 Притом, меню дерев и трав
 В году меняется обычно:
 Ведь вкус лучей и их состав
 Весной и осенью различны!”
 Трофим вновь истину извлек:
 Пример прекрасный всякий знает,
 Когда энергии поток
 Полезной пищею бывает.
 Ведь впрямь такая каша есть:
 Она березовой зовется,
 Что озорным ребятам есть
 Через ягоды подается.
 Той каши ведь и сам Трофим
 От папы получал, бывало,
 И все мы искренне скорбим,
 Что он вкусил ее так мало!

1952

КУ-КУ,
или последний скачок

Затейник наш Трофим
 В скачках непостижим,

Прославлен всенародно.
 Не ведая преград,
 Он всех заставить рад
 Скакать куда угодно,
 Скачок из вида в вид
 Уж нас не удивит.
 Про “трюки” энотеры ³
 Уж знали старики —
 Есть лучшие скачки,
 Из рода в род, к примеру,
 Их нам Трофим дает;
 Эффектен перелет
 Из сосен прямо в ели!
 Вольт из пшеницы в рожь
 Нас не бросает в дрожь —
 Привыкнуть мы успели,
 Пускай ушел Презент ⁴,
 Прибыл взамен презент
 От друга армянина:
 Велик Карапетян!
 Ликует Дидижан —
 Там граб... скакнул в лещину. ⁵
 А если мало вам,
 На зло профессорам
 Есть лучшие примеры:
 Для лоз молдавских вин
 Не нужен карантин —
 Тля скачет в филосеру, ⁶
 И нас не удивят
 Скачки в другой отряд:
 Ведь малая пичужка —
 Синица, славка, дрозд,
 В тени укромных гнезд
 Дает скачок в кукушку! ⁷
 Высотные скачки
 Свершают и цветки,
 Пожалуй, столь же лихо:
 Трофим ведь присягнул,
 Что у него скакнул
 Подсолнух в заразику; ⁸
 Иль, например, скачок
 Пшеницы в василек
 Свершен был так красиво! ⁹
 Но поразили нас
 Скачки из класса в класс:
 Все дивовались диву,
 Когда разнесся слух:
 Трофим дроздофил — мух
 Скакать в клещи заставил!

Ну, кто б подумать мог?
 Ведь даже прытких блох
 Он тем скачком обставил! ¹⁰
 Все ахнули, когда
 Вся эта чехарда
 Вдруг приостановилась;
 Трофимова звезда,
 Сиявшая года,
 С зенита покатилась
 И сам он, (так высок!)
 Готов свершить скачок
 С вершины славы в Лету
 (Забвения реку)
 И, сидя на суку
 Весть радостную эту
 Кукушки славят свету:
 Ку-ку, Трофим, ку-ку!

1953

МАРАФЕТЫ КАРАПЕТА

Протекло немало лет,
 Жил в Тифлисе Карапет,
 Он шнырял по всем базарам,
 Спекулировал товаром.
 Превзойдя соседей всех,
 Брал на душу гнусный грех:
 Торговал фальсификатом —
 Лучший способ стать богатым!
 Раз казну обставил он,
 Вставив в сапоги картон.
 Этот марафет ¹¹ сорвался —
 Карапет на нем попался,
 И к нему явился вдруг
 Строгий надзиратель Рух,
 Опечатал вое товары,
 И повел в тюрьму с базара,
 А толпа гогочет вслед:
 Карапет, вай! Карапет,
 Не прошел твой марафет!
 С полстолетия промчалось —
 Все в стране переменялось,
 Но воскрес чрез столько лет
 К новой жизни Карапет.
 Да! Его родные внуки
 Бодро двигали науки:
 Прогремел на много стран
 Чудодей Карапетян.
 Деда следуя заветам,

Был он верен марафетам,
 Поразить желая всех,
 Превратил он граб ... в орех!
 Этот марафет сорвался:
 Как Трофим ни заступался,
 Все ж разоблачил обман
 Рука зоркий внук Рухкян!
 Был он парень досокональный
 И весьма принципиальный:
 “Сукин сын, Карапетян!
 Осрамил ты нас, армян!
 Изолгался ты, скотина:
 Пригита твоя лещина!
 Пусть поедут в Дилижан —
 Жив свидетель Есаян!
 Вторит брат Карапетяна:¹²
 “Черт бы взял тебя, болвана!
 Ты, услужливый дурак,
 Нам опаснее, чем враг!
 Про обман про твоей узнавши,
 Недруги ведь скажут наши,
 Что мои овсы и рожь
 Тоже марафеты сплошь!”
 И события повторились,
 Дни прохвоста закатились!
 Уличен не он один:
 С ним и Павлов-Авотин,¹³
 Что стремясь к единой цели
 Сосны превращать стал в ели:
 Им смеются люди вслед:
 Не прошел ваш марафет!¹⁴

13.03.1954

СТРИГУН

Ученый муж, Донат Долгушин,
 Которого вскормил ВАСХНИЛ,
 Трофиму был всегда послушен,
 За что весьма обласкан был.
 Патрон послал его в Одессу,
 Чтобы Донат возглавил тут
 По всей стране небезызвестный
 Селекционный Институт.
 Трофима именем украшен,
 Стоит он, твердый, как утес,
 Врагам трофимовым он страшен
 И славу он его вознес.
 Ославлен Институт безвинно —
 Велик был обвинений срам!

Писала “Правда Украины”:
 Таких спецов не надо нам!
 Не надо цифр нам, что раздуты
 И врут, прохвостов вознося!¹⁵
 Но обвиненья с Института
 Стекали, как вода с гуся!
 Там, где Трофим творил когда-то,
 И где Ольшанский расцветал,
 Казной и кадрами богатый,
 Долгушин путь их продолжал...
 Трофим торжествовал повсюду:
 Его блистательная рать
 То там, то здесь за чудом чудо
 Не уставала выявлять:
 Родил подсолнух заразиху,
 Ель на сосне вдруг возросла,
 В уютном гнездышке дроздиха
 Кукушечье яйцо снесла...
 Донат подумал: хоть немало
 Чудес на свете — и каких!
 Но нам, ученым, не пристало
 Пассивно созерцать лишь их.
 Хоть славен путь Карапетяна —
 Мне зависть не дает уснуть!
 Идти его путем не стану —
 Избит уж больно этот путь!
 На кой нам черт его пшеница,
 Что рожь рождает иногда —
 Вот мне природа покорится,
 И будет слушаться всегда!
 Как парикмахер, мастер ловкий,
 Что ножницами “чик-чик-чик!”
 Трудясь над дамскою головкой
 Прическу изменяет вмиг —
 Овса я всходы обкорнаю,
 И этим превращу их в рожь —
 О, я заране предвкушаю
 То чудо, что всех бросит в дрожь!
 Патрон в восторге только охнет,
 И даст мне лауреата сан,
 Даст денег куш, и пусть иссохнет
 От зависти Карапетян!
 Итак, за дело! Мигом в поле
 Сотрудников несет рать,
 Ничем не отвлекаясь боле
 Овес проросший подстригать.
 И — диво дивное свершилось!
 (Я продаю, за что купил!)
 Колосья ржи везде налились,
 Там, где овес подстрижен был!..

Долгушин опыт свой “внедряет”:

Доклад о нем читает он,

Трактат солидный посылает

В журнал, что издает патрон.

Стучит, гремит станок печатный —

Бумага терпит все и вся!

Прочтет Союз весь необъятный

Про превращение овса!..

Но что за диво? Нет успеха!

Нет откликов из дальних стран,

Нет похвалы, нет даже смеха —

Не дует в ус Карапетян!

И что особенно обидно:

Патрон, суровый вид храня,

Хрипит лишь мрачно: “Вздумал, видно,

Он переплюнуть и меня!”

А Кио, фокусник тот видный,

Что орден заслужить сумел,

Сказал с улыбкою ехидной

Ну, этот “номер” — устарел!

Колхозник-дед затылок чешет:

“Наш академик чушь понес!

Потравой поля, как он брешет,

Не превратишь ты в рожь овес!

Очки втирает нам Долгушин!

Робята, слушайте меня:

Ослу, как ни стриги ты уши,

Осла не превратишь в коня! “

Примечания

1. Весьма популярное у средневековых ученых поверье, на основании которого утки считались постной пищей, пока Папа Иннокентий III не вправил мозги схоластам. “Теория” превращения ракушек морских усоногих в уток оставила след в зоологии в виде названия их “морская уточка” — *Lepas anatifera*.

2. Тема превращения пшеницы в василек действительно одно время фигурировала в исследовательских планах Института генетики АН СССР.

3. *Oenothera lamarckiana*, на мутациях которой основал свое учение Де Фриз.

4. Исаак Абрамович Презент, одно время правая рука Т.Д. Лысенко, впо-

следствии снятый с работы за финансовую нечистоплотность и моральное разложение.

5. С.К. Карапетян, опубликовавший трактат о превращении граба в лецину в Дилижанском лесничестве в журнале “Агробиология” и в “Трудах Академии Наук Армянской ССР”.

6. Одесские виноделы, получившие в 1952 г. аудиенцию у акад. Лысенко для “консультации”, узнали от него, что карантин виноградной лозы, перевозимой из местности, где есть филлоксера, в местность от нее свободную, в сущности, излишен, в силу соображений, указанных в стихотворении.

7. Эта теория излагалась Т.Д. Лысенко на заседании АН СССР 6.11.1953 г.

8. Один из пунктов докторской диссертации В.С. Дмитриева, о первоисточниках происхождения некоторых сорных растений; как известно, Т.Д. Лысенко поручился в ВАКе за беспорочность выводов этой диссертации (см. “Правда”, 26.11.1954 г.).

9. См. примечание 2.

10. Тема о происхождении мелких клещей, живущих на мушках-дрозофилах, из яиц самой дрозофилы одно время (1962 г.) фигурировала в исследовательских планах Института генетики АН СССР, возглавляемом Т.Д. Лысенко. Распоряжением Президиума АН тема эта была снята во избежание международного скандала.

11. Марафет — на юге СССР — “журничество”, “похабство”.

12. В.К. Карапетян, брат С.К. Карапетяна, ученый-агроном, работающий над превращением злаков и картинно воспетый Геннадием Фишем.

13. Имеется в виду латвийский ученый-лесовод доц. К.Я. Авотин-Павлов, описавший в 1952 г. в “Агробиологии” превращение сосны в ель в окрестностях Риги. История этого “марафета” разоблачена латвийской газетой *Cip'a* в 1953 г., в статье под знаменательным заглавием — “О честности ученого”. См.

также Ботан. журнал, № 3, 1953 г., ст. Л.А. Смирнова.

14. История этого “марафета” подробно описана в ст. Рухьяна в “Бот. журн.” за 1953 г.

15. Описание опыта — см. статью Д. Долгушина в журнале “Агробиология” за 1953 г.

ВЕРХ НАХАЛЬСТВА

Слышал я в старину, еще сызмальства,
Про некий абсолютный “верх нахальства”:

Под дверью друга кучу наложить,
И, позвонив, бумажки попросить.
Но вот недавно некий академик,
Как говорят, немного шизофреник,
Был Университетом приглашен,
Чтобы доклад прочел студентам он.
Прибыв, ученых Вуза стал он хаять:
“В селе любая баба больше знает!” —
С кафедры студентам он хрипел,
Но только свист их заслужить сумел.
Зато мог говорить он без бахвальства,
Что переплюнул старый “верх нахальства”!

ПОЧЕМУ?

Скажите, почему за хулиганство,
Публичный мат, скандал и драку,
пьянство
Карают провинившихся закон?
И почему утратил силу он,
Когда известный всем нам академик,
Стяжатель орденов, наград и денег,

Что просветить студентов призван был,
Себя вдруг хулиганом проявил?

“Покрыл” он, распоясавшись, хозяев,
Профессоров невеждами облаяв:
“Профессорам не верьте вы, друзья!”

Так он хрипел — “могу заверить я,
Что вида сущности они не понимают —
В селе любая бабка больше знает!”

Позор, позор! Ужели небоскреб
Воздвигнут был великолепный, чтоб
Невежда, шут, махновец от науки
Мог выкомаривать свои там трюки?
Московский славный университет,
Так много видевший за двести лет,
Охотнорядцев отражавший массы,
Впустивший и полицию при Кассо,
Еще подобного не испытал!

Едва не рухнул лекционный зал,
В гробу перевернулся Тимирязев —
Он не видал еще таких okazji!

И почему при этом все молчат —
Профессора, доценты, ректорат?

“Замяла” Академия смущенно
Скандал, ее сочленом учиненный,
И как всегда “не смеет” Президент
Привлечь охальника за инцидент.

Он к сильным мира вхож, он льстив и
прыток,

И — “культ личности” он пережиток!

Студентов топот, цыканье и свист —
Вот все, что получил тот скандалист —

Заслуженно, но, право, очень мало!

Ведь безобразнику дать не мешало б

За то, что “крыл” так университет,

Лишение свободы... до двух лет!

И.И. Пузанов

От редакции

Сатирической поэмой “Трофимиана” мы заканчиваем публикацию стихотворений известного отечественного природоохранника профессора И.И. Пузанова (“Завещание”, ГЭЖ т. 1, вып. 1; “Сокрушение кумиров”, ГЭЖ т. 1, вып. 2; “Астронавт”, ГЭЖ т. 2, вып. 1). Они написаны в 1940-1960-х годах, не были изданы и ходили в списках. Мы рады, что таким образом выполнили свой моральный долг перед этим выдающимся человеком.

Экологический кризис в русском православии

Рецензия на книги:

Экология и религия. М.: Луч, 1994. 410 с.

Православные монастыри и экология: Тезисы докладов. М.: Русский христианский экологический дом, 1994. 75 с.

Православие и экология. М.: Московский Патриархат, 1997. 440 с.

Христианство и экология. Сборник статей. СПб: РХГУ, 1997. 352 с.

Экология. Голоса Севера и Юга. М.: Испо-Сервис, 1997. 368 с.

В 1990-х годах в двух религиозных центрах русского православия — Москве и Санкт-Петербурге издано несколько книг, главной целью которых является обсуждение экологических вопросов в контексте христианства. Что, естественно, заслуживает самой высокой оценки. Наконец-то Русская православная церковь после долгого молчания вроде вновь повернулась лицом к природоохранным проблемам.

Однако содержание большинства книг настраивает отнюдь не на оптимистический лад. Сборник «Православие и экология» издан Отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. Авторы сборника хором перепевают давно устаревшие идеи, что человек — царь природы и его задача — переделывать природу, а обожествление природы — это грех.

«Христианским ответом на апостольское напоминание может служить только путь достойного возвышения человека над жизнью природы в качестве ее радушного, бережливого и попечительного хозяина», — пишет Патриарх Московский и вся Руси Алексий II (стр. 110). Но как полагает всемирно известный критик христианства экофилософ и историк Линн Уайт,

именно это «ортодоксальное христианское высокомерие в отношении природы» как раз и способствовало экологическому кризису. Безапелляционное принятие человеком на себя права хозяина природы, а не партнера или сына природы, является не моральным, неэкологическим поступком, имеющим тяжкие последствия. Бесспорно, как в Библии, так и в христианской истории имеется немало экологических идей и примеров (например, деятельность святого Франциска Ассизского). К сожалению, составители книги прошли мимо этого. Целый раздел они посвятили высказываниям святых отцов «о природе и творении мира». К сожалению, что-либо по-настоящему природоохранного в данных тезисах найти очень трудно, все это, по большому счету, апологетика антропоцентризма.

Еще одно критическое замечание. Многие авторы книги в своих статьях свысока относятся к другим религиям, в частности, к язычеству. Такая воинственность и непримиримость навряд ли оправдана в книге, имеющей отношение к экологии. «Христианство освободило русский народ от рабства в отношениях с дикой, стихийной природой. С крещением Руси весь народ и каждый человек осознал себя хозяи-

ном природы...” — пишет С.Н. Чернышев (стр. 273). И тут же — “До X века, в языческой стране народ обоже- ствлял природу, поклонялся ей, был ее рабом...” (стр. 272). С.Н. Чернышев наступает на те же грабли, что и Патриарх Алексей П. Понятие “хозяин”, пусть даже с эпитетами “разумный” и “бережливый”, предполагает разделение природы на “полезную” и “бесполезную” в хозяйстве. А что делают с бесполезными в хозяйстве вещами? — от них избавляются. Но ведь в природе нет ничего бесполезного. Это — во-первых. Во-вторых, что плохого в поклонении природе? Природа сакрализована в таких мировых религиях как индуизм и буддизм, ей поклоняются пантеисты, джайнисты, многие коренные народы различных стран и континентов. К священному поклонению перед ней призывал великий Гёте.

На антропоцентрических позициях находится и часть авторов сборника “Экология и религия”, участников международной конференции с таким же названием, проведенной в начале 1994 г. Центром гуманитарной подготовки кадров управления и Ноосферно-экологическим институтом Российской академии управления. Они все также усердно цитируют строчки из Библии, дающие якобы право человеку “обладать” и “владычествовать” над природой (стр. 38).

Нельзя согласиться и со многими другими тезисами авторов рецензируемого сборника, например, священника Е. Мельникова, что “*в руководящие органы экологических служб должны входить только люди, искренне и твердо верящие в Бога*” (стр. 51). В свое время в руководящие органы экологических служб допускали только людей, “искренне и твердо верующих” в коммунизм. Мы знаем, что из этого вышло...

Тезисы международной научной конференции “Православные монасты-

ри и экология”, по идее, могли бы оказаться интереснейшим источником информации об экологической деятельности русских монастырей. Недаром еще в 1913 году один из лидеров природоохранного движения в России профессор Г.А. Кожевников писал в своей статье “Монастыри и охрана природы”: “*Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления...*” . К сожалению, в сборнике “Православные монастыри и экология” говорится о чем угодно, (военная мысль России в православных началах русского воинства, технология производства почвы из отходов сельского и лесного хозяйства, новомученики православной церкви и т. п.), но не об экологии. Видно, просто не нашлось нужного материала...

Сборник “Христианство и экология”, выпущенный Русским Христианским гуманитарным институтом в Санкт-Петербурге, нельзя сравнить с вышереченными работами. В нем нет набивших оскомину догм, наоборот, христианские ценности интерпретируются по-новому: “*Сегодня милосердный самаритянин поспешил бы на помощь земле, животным, воздуху, деревьям. Они наши ближние, изуродованные и обокраденные нами*”, — отвечает один из авторов сборника Т. Горичева на старый библейский вопрос “Кто мой ближний?” (стр. 119). И с ней нельзя не согласиться. Природа — это наш ближний, и человек над ней отнюдь не хозяин.

“*Мир должен стать брачным чертогом, храмом и евхаристическим даром*”, — пишет Т. Горичева (стр. 131). Естественно, у некоторых современных апологетов русского православия такие заявления вызовут негодование. Недаром известный российский христианский теолог Т. Горичева одно время бы-

ла вынуждена эмигрировать, а ее одна из лучших работ, опубликованная в этом сборнике — “Святые животные”, до сих пор не известна даже специалистам.

Другой интересный труд, помещенный в сборнике — “Песнь творения” Жана Бастера (в переводе с французского). Автор анализирует религиозные воззрения раннего христианства, византийского Востока, века Просвещения и современной эпохи по отношению к природе, стараясь доказать, что все, что создано Богом — это “хорошо”. По мнению Жана Бастера — *“каждое дерево обладает своей личностью, каждый зверек играет свою роль в природе”*. Жан Бастер также христианин, однако он далек от антропоцентризма. Он биоцентрист.

В таком же биоцентрическом духе выпущен еще один сборник — “Экотеология. Голоса Севера и Юга” (под редакцией Д. Холмана), подготовленный Всемирным советом церквей и переведенный на русский язык. По-видимому, это первая “ласточка” из той многочисленной экотеологической литературы, которая широко издается на Западе. Книга открывается статьей нашего соотечественника Митрополита Сурожского Антония “Христианство и экологический кризис”. *“Жизнь драгоценна, — пишет он, — и мы призва-*

ны служить жизни, а не обладать ею, властвовать над ней или быть паразитами земли” (стр. 19). Подобное биоцентрическое высказывание одного из современных лидеров Русской православной церкви вселяет надежду, что среди наших священников наконец-то постепенно происходит осознание истинных путей выхода из экологического кризиса.

Рецензируемый сборник широко и подробно представляет взгляды христианских теологов из Европы, Америки, Африки, поднимает проблемы экофеминизма, экологической этики, дает возможность познакомиться с экологическими религиозными взглядами автохтонных народов. Лично для меня совершенно неожиданной явилась практика эфиопской православной церкви. Оказывается, согласно местным традициям, возле любой православной церкви в Эфиопии сохраняется как священное пространство участок неизменной природы.

Религиозные воззрения — важный инструмент в сохранении природы. Таиландские буддисты, индийские джайнисты, многие западные христианские церкви давно добились в этом больших успехов. Что не скажешь о нашей Русской православной церкви.

В.Е. Борейко

Хорошо не забытое старое

Рецензия на книгу: Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 248 с.

Николай Федорович Мокшин, мордовский историк и этнограф — одно из значительных имен в современном финно-угроведении. Его работы не просто заняли прочное место в науке

— они успели стать классикой. В самых авторитетных энциклопедиях и словарях, где заходит речь и мордве, о традиционной культуре финно-угорских народов, мы непременно найдем

ссылки на его труды — “Этническая история мордвы” (1977), “Мордовский этнос” (1989), “Тайны мордовских имен” (1991), “Мордва глазами зарубежных и российских путешественников” (1993).

К числу таких монографических исследований Николая Федоровича относится и книга “Религиозные верования мордвы”. Впервые она вышла в 1968 году. И теперь вновь вернулась к читателю — обогащенная недавно обнаруженным фактическим материалом, редкими фотографиями.

Мордва — крупнейший финно-угорский народ России, численность которого составляет около 1,2 миллиона человек. Вместе с тем, от переписи к переписи цифра эта сокращается на несколько десятков тысяч! Только в Нижегородской области за 1980-е годы было “потеряно” 18 тысяч человек (одна треть!) мордовского населения — вместе с утратой в иноязычной среде родной речи исчезает национальное самосознание, уходят в прошлое традиции.

Традиционная религия мордвы — а она теряется из народного быта быстрее всего под натиском христианства — стала объектом изучения еще в прошлом веке. Ей посвящены значительные труды известного писателя и этнографа П.И. Мельникова-Печерского, исследователя финно-угорских народов Поволжья И.Н. Смирнова. Но лишь Н.Ф. Мокшину — после длительного периода замалчивания “неактуальных тем” в науке — удастся впервые изложить религиозные представления мордвы систематически. И эту систему он знает не “извне”: детские годы Н.Ф. Мокшина прошли в мордовском селе Иванцеве возле города Лукоянова в Нижегородской области. Это были времена войны, наполненные трудом и горем. А именно в такую пору в народном быте оживает то, что существует подспудно, дремлет.

Уже вполне сложившийся за последние десятилетия угол зрения гуманитарной экологии привычно нацелен при взгляде на исследовательские труды, на тот стык, где смыкаются традиционная культура и природная среда. Сказки, несущие идею единства мира живого, обряды, формирующие у человека позитивное отношение к элементам естественной среды, — все это тщательно отбирается, коллекционируется, чтобы пополнить бесконечный ряд примеров-иллюстраций: наши (и не наши) предки были не так-то уж глупы и старались беречь природу.

Работа Н.Ф. Мокшина, вероятно, менее всего подходит для таких изысканий. Она начисто лишена экологической тенденциозности. И быстро начинаешь понимать, что это ее конкретное достоинство. Именно потому и становится ясно: в ряду важных задач, которые обеспечивали существование этноса, достаточно скромное, но четкое и постоянное место отводилось сохранению ландшафта, который вмещал мордву. Это было не менее существенно для человека, чем, например, защитить себя от болезней, обеспечить себе высокий урожай, предотвратить опустошительный пожар в деревне. Легко понять, что на протяжении веков леса, где жила мордва, были богаты дичью, реки — полноводны. И перспектива уничтожения этого щедрого мира не могла рассматриваться народным сознанием вполне реально.

Небольшую главу автор посвящает религиозно-мифологическим представлениям, связанным с животными. Она открывается анализом тотемистических представлений, которые присутствуют в рассказах о людях-птицах, людях-конях, людях-медведях, людях-волках, людях-пчелах, населявших землю во времена “кезэрень пинге” (“старинного века”). В этом ряду и сказки о “вараке-патяй” (“тетке-вороне”), браках людей и животных, благородном медве-

де, приносящем девушке подарок в благодарность за свое исцеление — древние мистические воспоминания об общности происхождения человека со зверями и птицами. И они заставляют рассматривать животных как существ, равных человеку, уважать их жизненные притязания, их интересы. Именно по этим причинам животных нельзя убивать, обижать безнаказанно (Н.Ф. Мокшин приводит яркий пример — песню-миф “Утка”, герой которой заплатил смертью близких за убийство птицы, хотя и был ею предупрежден). *“В наиболее архаичных пластах фольклора мордвы мир природы полностью слит с миром человека, который, наделяя природу своей сущностью, постоянно ищет в ней аналогии с человеческой жизнью. Звери и птицы являются посредниками между различными мирами, миром живых и мертвых, они знают тайное, помогают человеку, выступают в качестве мудрых советчиков в трудную минуту”* (с. 44-45). Среди “чистых” — охраняемых и не используемых, например, в качестве топлива, видов деревьев, Н.Ф. Мокшин отмечает яблоню и рябину, рационалистически и, вероятно, справедливо объясняя это их особым хозяйственным значением.

Обстоятельно анализируются озксы — традиционные моления, которые мордва осуществляла в культовых местах. Говоря о том, что священные леса мордвы подлежали безусловной охране, автор в то же время не останавливается на том, что они собой представляли и какова была такая охрана. Причина становится ясна в главе, посвященной сравнению верований поволжских народов. Священные леса мордвы в последние десятилетия были известны лишь по литературе, и попытки найти их на местности просто не предпринимались, считаясь безнадежными. *“Во время экспедиционных поездок по мордовским селам мне нигде не довелось*

ничего услышать и узнать о “керемети” (с. 136), — пишет Н.Ф. Мокшин, вполне оставляя место для возможных не известных ему фактов.

Сегодня о таких фактах уже можно говорить — в Нижегородской области выявлено около полутора десятков остатков священных лесов мордвы, в том числе три керемети. Практически все — на территориях, где мордва в течение XX века окончательно утратила национальную самоидентификацию. К сожалению, публикации об этом вышли в свет, когда подготовка второго издания монографии Н.Ф. Мокшина уже завершилась.

Обстоятельный экскурс в медицинскую экологию автор совершает в главе, посвященной магическим колдовским обрядам. Он анализирует факторы, которые привели в последние десятилетия к росту заболеваемости и сокращению продолжительности жизни в Мордовии, на основе цифровых данных выделяет особо загрязненные районы, фиксирует внимание на формах разрушения ландшафта. В совокупности с экономическим кризисом и пагубными результатами реформирования здравоохранения в России эти обстоятельства стали причиной оживления знахарства, народного целительства. Исследования последних лет, в частности труды изучавшей мордовское знахарство Л.И. Никоновой, дают автору возможность показать, как широко в народе использовались предоставляемые окружающим ландшафтом целительные средства.

И еще о нескольких безусловных достоинствах книги Н.Ф. Мокшина. Нельзя не отметить ее спокойную, взвешенную интонацию. С ее страниц слышится голос аналитика, который привык видеть во всем плюсы и минусы. Стало уже привычным в девяностых годах обнаруживать в трудах этнографов, в работах, освещающих проблемы экологии, политические выпады и без-

адресные обвинения (благо, это авторам ничем не угрожает), назойливое навязывание своих взглядов и убеждений относительно многих событий. Думается, публицистика и научный анализ с трудом уживаются в одном тексте: он невольно превращается в нагромождение фактов, доказывающих то, что с патетикой уже провозглашено на первой же странице. Н.Ф. Мокшину удастся хранить необходимую ученому беспристрастность. Описывая интереснейшие, яркие обряды, он не зовет их немедленно воскрешать и насаждать. Рассуждая о христианстве, привнесённом в быт мордвы огнем и мечом, он

не может не отметить позитивные стороны этого процесса. Православие способствовало внедрению грамотности, вписало мордву в культурную среду России, приобщило ко многим общечеловеческим достижениям.

Единственное, чему готов открыто противостоять автор монографии — это попыткам разделять и стравливать людей и этносы, обесценивать культуру, имеющую двухтысячелетнюю историю, попыткам разорвать судьбу людей и природы, которая их породила и выпестовала.

Н.В. Морохин

Литература о природе. Взгляд народов

Рецензия на книгу: Literature of nature. An international Sourcebook. Ed. P.D. Murphy. Chicago – London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1998. 475 p.

Американские и английские издатели снова удивили мир великолепной книгой. На этот раз они издали почти 500-страничный интернациональный сборник, вместивший в себя обзоры литературы различных народов о природе. Представители США, Канады, Англии, Шотландии, Франции, Германии, Мальты, России, Испании, Австралии, Японии, Кореи, Китая, Индии, африканских и латиноамериканских стран широко представлены своими эссе.

На мой взгляд, наибольший интерес представляют работы американских и английских авторов. Наверное, это потому, что именно английская «озерная» поэтическая школа — Кольридж, Вордсворт, Саути, а также американские эссеисты-трансценденталисты Эмерсон, Торо, Мюир и «примкнувший» к ним Леопольд оказали огромное влияние на развитие идеологии движения в защиту природы.

Так, в работе Карла Артбустера рассказывается о выдающихся очерках Генри Торо «Уолден» и «Прогулка», в которых практически впервые, наперекор западной литературной традиции, дикая природа была показана как место красоты, нравственности и чуда.

Оригинальным является эссе Стивена Стила о «внутренней» литературе известной природоохранной американской организации «Earth First!» (оно опубликовано в этом номере нашего журнала).

Исследования Ричарда Кериджа, Линды Пич и других посвящены обзору английских, ирландских, шотландских поэтических школ, писавших о природе.

Одна из лучших работ рецензируемого сборника — публикация Тома Линча — «Дорога к природе: хайку, ее эстетика понимания».

Обычно хайку определяют как по-

эму, состоящую из японского эквивалента 17 слов, выстроенных в три строки по 5-7-5 слов, хотя часто они сложены в одну линию из трех частей. Однако в англоязычных странах, прежде всего США, Канаде и Великобритании, где существуют специальные общества любителей хайку, эти правила несколько нарушаются. Что, однако, не делает стихи-хайку, сложенные англоамериканцами, менее привлекательными.

Ноша снята,
продрогшая лошадь!
Идет дождь.
Утро,
плачущих младенцев
кричащих петухов
что есть мочи.

Ну и конечно, шедевр Николаса Виргилио:

Лилия:
из воды...
из себя.

К сожалению, несколько разочаровывают публикации, посвященные гер-

манскому романтизму и природе. О том же Новалисе можно сказать гораздо увлекательнее.

Специалисты из Российского НИИ культурного и природного наследия (г. Москва) представляют русскую поэзию и прозу. Юрий Веденин, Ольга Лавренова, Александр Каменец и Юрий Мазуров знакомят западного читателя с природоохранными традициями в русской прозе и поэзии.

Жаль, что составители сборника упустили польскую литературу, прошли мимо бессмертной поэмы Адама Мицкевича “Пан Тадеуш” и эссе Яна Павликовского, оказавших большое воздействие на европейскую природоохрану в начале XX века.

В заключении хочется поблагодарить создателей сборника за уникальную возможность хотя бы на пару часов окунуться в океан мировой поэзии и прозы о природе.

В.Е. Борейко

Три ответа на три чисто русских Вопроса

Рецензия на книгу: Забелин С.И. Время искать, и время терять. М.: СоЭС, 1998. 129 с.

*Понял теперь я: наша свобода —
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.*

Николай Гумилев
“Заблудившийся трамвай”.

Наших “зеленых” условно можно разделить на три группы: те, которые ничего не читают и ничего не пишут; те, которые только читают; и те, которые и читают и пишут. Один из

лидеров Международного Социально-Экологического Союза Святослав Забелин относится к последней, очень немногочисленной группе. Он обладает литературным даром, слог его вы-

верен и точен. Со многими забелинскими манифестами и эссе я познакомился еще в конце 1970-х годов; в самиздате.

К сожалению, сейчас, когда с изданием своих трудов стало значительно легче, С. Забелин как-то не очень утруждал себя написанием книг. Наверное, его временем владела бестолковая московская текучка.

Но все-таки он обрадовал нас своей новой работой. Трудно сказать, в каком она написана жанре. Это не научное исследование, не литературные очерки, не мемуары, не эссе. Скорее всего нечто вроде антиутопии, изредка разбавленной цитатами, эпитафиями, письмами, декларациями СоЭС. Что порой несколько сбивает с главной мысли.

В своей книге С. Забелин постарался ответить на три исконно русских вопроса: куда мы идем?, кто виноват?, что делать?

Куда мы идем?

Часть книги “Время искать, и время терять”, посвященная ответу на этот вопрос, является лучшей. Здесь С. Забелин показал себя действительно блестящим “мрачным пессимистом”.

По его мнению:

– “... система “СССР” не отстала, а обогнала так называемый цивилизованный мир, ... переживший ... кризис пределов роста” (стр. 40).

– “Этот век будет не менее трудным, чем XX” (стр. 41).

– “... весьма вероятен распад больших систем, например, США, Канады и России” (стр. 45).

– “... представляется фактическое исчезновение с политической арены всех международных органов, начиная с ООН и кончая Всемирным Банком” (стр. 45).

– “... наиболее вероятным инициатором третьей мировой войны ... выступят США” (стр. 47).

– “... XXI век (по крайней мере его

начало) представляется веком войны всех против всех, веком упадка культуры, веком нулевой ценности человеческой жизни” (стр. 48).

Последнее — самое грустное и мрачное пророчество Забелина. И я очень боюсь, что оно имеет под собой почву.

Иногда Бог вынужден почти убить нас, чтобы преподать нам урок.

Кто виноват?

“На вопрос, “кто виноват” я лично уверенно отвечаю: пока никто” (стр. 53). Таков ответ С. Забелина на второй русский вопрос. Не могу с ним согласиться. Мне ближе позиция американского историка Линн Уайт, которая считает экологический кризис следствием антропоцентризма, особой идеологической установки в западной культуре на покорение природы. По ее мнению, она во многом порождена иудейско-христианским верованием о человеке как сверхприродном существе и венце творения. Произошла десакрализация дикой природы. Что подтверждается известной цитатой из Библии, где Бог говорит Адаму и Еве: “плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю и покоряйте ее. Будьте хозяевами над рыбами в море, над птицами в небе и над всеми тварями на земле”.

Многие сейчас по чем зря ругают марксистско-ленинскую идеологию переделывания природы на “службу социалистическому строительству”. Но ведь большевики-ленинцы ничего нового тут не придумали, просто развили еще дальше антропоцентрические взгляды, выраженные в христианстве, и особенно в его наиболее ортодоксальном течении — православии.

С. Забелин сетует: “Перестал быть слышен голос науки, зато все громче голоса мистиков и обыкновенных шарлатанов” (стр. 5). А не в этом ли виновата сама наука?

Развитию антропоцентризма во многом способствовал триумф факта над ценностью. Американский экофилософ

Юджин Харгроув полагает, что *“чувствуя, что ценностные соображения негативно влияют на научную объективность, ученые стали избегать гуманитариев, ориентированных на ценности и приняли доктрину морального нейтралитета в отношении их работы. К середине 20 века наука и гуманитарные дисциплины считались настолько различными, что они могли быть охарактеризованы как две различные культуры”*.

Поэтому на вопрос “кто виноват?” — я бы ответил — “антропоцентризм”. Именно он мешает уяснить моральную ответственность человека за остальную часть природы.

В своем обращении к читателям автор называет две главные беды современности: кризис экологический и кризис социально-экономический. По его мнению, *“каждый из этих кризисов выступает в качестве непреодолимого препятствия на пути выхода из другого кризиса”* (стр. 3). Это — верное замечание. Но вместе с тем С. Забелин как-то упускает главную причину, породившую экологический и социально-экономический кризисы — моральную распущенность. Оба этих кризиса заключаются в кризисе ценностей. И поэтому требуют морального решения. Но, к сожалению, именно этот вопрос наиболее слабо проработан в рецензируемой книге.

“Что делать?”

А может ли вообще существовать единственно верный ответ? Наверяд ли. С. Забелин предлагает свои неординарные выходы из ситуации. Один из них — создание добровольной конфедерации свободных территорий, население которых живет согласно неким договоренностей. *“— Никакого управления, кроме самоуправления, никакого перераспределения, кроме добровольной взаимопомощи, никакого насилия, кроме самообороны, и никакого ограничения, кроме самоограничения. Вторую осно-*

ву нашего альтернативного общества составляет добровольный союз альтернативных производств...” (стр. 79).

Я догадываюсь, откуда С. Забелин пришел к такому парадоксальному предложению. В прошлом, как биолог, он занимался изучением общественных насекомых — муравьев и термитов. Но насколько в нашем случае возможны аналогии? Скажу честно, лично я бы в такую коммуну не пошел. И не только потому, что не очень-то верю в эту затею. Как известно из истории, коммуны, как стиль жизни и производства, существовали давно, вспомним хотя бы ранних христиан или некоторых бледнолицых поселенцев Америки.

Подобная идея была близка и русскому философу-“космисту” Н.Ф. Федорову, который мечтал об особых трудовых коммунах, где можно воскресить умерших отцов и расселить их по всей Вселенной.

Кто-то из древних заметил: — “великие умы ставят перед собой цели, остальные люди следуют своим желаниям”. Каковы станут желания или мотивации членов экологической коммуны “Земля людей”? Ежели эта земля опять декларируется для людей, а не для людей и дикой природы, то все вновь вернется на круги своя, то есть к экологическому кризису.

Гораздо ближе мне иное предложение С. Забелина, заключающееся в том, что, борясь с экологическим кризисом, нужно начинать с самого себя. Здесь автор приводит несколько экологических правил, которых должен придерживаться каждый человек как предприниматель, как инвестор, как политик, как журналист, как активист НГО, как покупатель, как землевладелец, как избиратель, как мать или отец и т. д.

Несколько слов о том, чего нет, но что хотелось бы видеть в книге “Время искать, и время терять”, особенно в ее заключительной части.

Человечеству нужно обрести новую,

экоцентрическую идеологию, которая должна прийти на смену антропоцентризму. И пропитать ею религию, культуру, науку, политику, экономику. В этом большая роль будет отводиться экологической этике.

В книге публикуется несколько итоговых заявлений Международного Социально-Экологического Союза. Так, в манифесте СоЭС, принятом в 1989 г., заявлено, что члены СоЭС *“признают право на существование в условиях естественной свободы всех видов живых существ и считают неприемлемым для себя бесцельное уничтожение или причинение вреда любому живому существу”* (стр. 67). По-моему, это — краеугольный камень в наших единственно возможных будущих отношениях с природой. Однако, к сожалению, прошло уже более десяти лет, но никто так и не развил этот тезис.

Упустил в своей книге этот важнейший момент и автор. По-видимому,

пришла пора говорить о создании особого культа дикой природы, этики дикой природы, развитии религии природоохраны. Мы обязаны научить людей ценить в природе не только экономически полезные ценности, но и ценности — этическую, эстетическую, религиозную, культурную, внутреннюю.

В заключении об оформлении книги. Хочу отметить очень удачные иллюстрации к ней Ольги Берловой. Однако несколько портит книжку значительное количество опечаток. Хочется высказать также благодарность руководителям российского WWF Игорю Честину и Евгению Шварцу со товарищи, благодаря финансовой поддержке которых удалось издать дополнительный тираж этой умной, интересной и кое в чем парадоксальной работы.

В.Е. Борейко

Убийство — с Богом?

Рецензия на книгу: Каледин А. Православие и охота. М.: МГООР, 1999. 60 с.

Московское городское общество охотников и рыболовов в лице своего председателя — охотоведа А.П. Каледина, называющего себя богословом-философом, решило обратиться за благословением на убийство животных к Богу. Подержав в руках Библию, А.П. Каледин решает издать книгу “Православие и охота”, предисловие к которой пишет Протоиерей Сергей Правдолюбов, наверное, приглашенный на одну из охот данного общества. Представляете — священник с ружьем в руках?

Когда читаешь книгу “Православие и охота”, хочется взять в руки Библию и убедиться, что эта книга в оче-

редной раз была истолкована превратно (помните фильмы про убийц, читающих своим жертвам перед смертью отрывки из Библии, как в “Криминальном чтиве” Квентина Тарантино?). Еще большее возмущение вызывает перечисление автором орудий убийства, упоминаемых в Библии, правда, почему-то не упомянуты прилагательные этих орудий — “убийственная стрела”, “окровавленный меч”, “сражающее копье”, “опутывающие силки”. Перечислив многих пророков, А.П. Каледин не упоминает Екклесиаста (которого цитирует весь мир). *“Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так*

умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суeta!” (Еккл., Гл. 3, 18). В наше тяжелое время хочется больше полагаться на другие слова Библии: “Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго” (Еккл., Гл. 9, 18).

Теперь процитируем А.П. Каледина: “В Библии мы встречаем упоминания о следующих животных, на которых охотились евреи и древние народы: барс или леопард, бегемот, буйвол, вепрь (дикий кабан), волк, ворон, гиена, голубь, горлица, гусь, носорог (единорог), журавль, ибис, кит, коза дикая, коршун, кречет, крот, куропатка, лебедь, лев, лисица, медведь, олень, орел, павлин, пеликан, перепел, рысь, слон, сова (филин), страус, чайка, ястреб и другие”. И еще: “Охота на таких зверей ради выживания всегда считалась заслугой человека, при этом удовлетворялись самые необходимые потребности людей в пище, жилище и одежде”. А.П. Каледин пишет: “При этом надо учитывать, что извращенный взгляд на гуманизм появился давно, еще до эпохи Возрождения, когда началась отдельными мыслителями пересмотр нравственных законов религии и подмена их моральными принципами и ложными теориями”. И вот мыслитель А.П. Каледина наконец, через 2000 лет после прихода Христа изложил правильный, неизвращенный взгляд на гуманизм.

Автор, судя по фотографии, человек немолодой, наверное, и внуки есть. Интересно, как он объясняет своим внукам смысл охоты — зачем он убивает заганного зверя? Кушать нечего, и денег нет еду на рынке купить? У меня есть знакомые, которые тщательно скрывают от своих детей, когда им удастся привезти из деревни от родителей забитого кролика — дети не будут это мясо есть. Наверное, у них уже исчез

инстинкт добывать копьём себе пищу и вид окровавленного убитого животного (даже домашней курицы) у современных детей вызывает чувство жалости и содрогания.

Если бы А.П. Каледина внимательно изучил Библию, он, наверное, нашел бы там не благословение на убийство животных, а мечту Бога о мире зверей и людей. “Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому” (Исаия, Гл. 11, 6). Заметьте — лев будет есть солому, а не мясо другого животного. Разве мог пророк Исаия предположить, что в 2000 году после прихода Христа на землю люди не увидят многих разных животных? А ведь они были тоже творением Божиим! Неужели не в помощь человеку, а ему на растерзание? “Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе — животные” (Еккл., Гл. 3, 18).

Автор книги “Православие и охота”, охотовед-философ пишет: “наука и религия неразделимы и не только не противоречат, но и дополняют друг друга”. На подобный вопрос директор института мозга в г. Санкт-Петербурге, внук профессора Бехтерева, ответил, что наука и религия — два совершенно противоположных понятия, и многие медицинские необъяснимые явления давно имели бы обоснование, если бы можно было их переложить на Божьи плечи. Но математика — это алгебра и тригонометрия, а религия — это поклонение Богу. “Следует четко понимать, что Богу угодна деятельность человека, направленная как на охрану природы и экологическую безопасность, так и на охоту, связан-

ную с добыванием рыб, птиц и зверей”, — пишет А.П. Каледин. Откуда эта уверенность, если А.П. Каледин — человек верующий, то он не может не знать, что в Библии сказано: “Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога” (Еккл., Гл. 11, 5). Поэтому — “следует четко понимать, что Богу угодно” — кощунственная фраза, звучащая из уст автора. Человек, убивающий диких животных, решил рассказать нам, что угодно Богу и как вера в Бога может нам помочь в занятии “охотой, рыбной ловлей, экологией и охраной природы”. Смешав в одну кучу эти совсем разные по смыслу понятия, ему, наверное, следует исповедаться.

На ремнях у солдат Гитлера была надпись — “Gott mit uns” (“С нами Бог”) — один из вопиющих случаев оправдания массового убийства. Благодаря таким “экологам”, как А.П. Каледин, христианство заслужило славу, самой неэкологической религии в мире. “Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки” (Еккл., Гл. 1, 4). Наше дело — экологов и неэколо-

гов, верующих и атеистов — сохранить эту землю. Если уж человек — царь над зверями, то вести себя он должен по-царски. Нет в Библии перед Богом оправдания за убийство. “Зверовая охота помогала молодым охотникам учиться достойно переносить холод, зной, стойко встречать опасности и трудности, приучала к бесстрашию, ловкости и владению боевым оружием”. Неужели для того, чтобы приобрести все навыки, перечисленные А.П. Калединым выше, нужно обязательно научиться убивать невинных животных?! “Надо отметить, что Закон Божий и его заповеди даны человеку от Бога для жизни и взаимопонимания только между людьми и никак не могут быть применимы по отношению к животным”. Эту циничную фразу написал человек, награжденный Всероссийским экологическим клубом орденом “Зеленый крест”, а в мае 1999 года Указом Президента России ему присвоено звание “Заслуженный эколог Российской Федерации”.

Е.В. Поминова

Экономический самообман

Рецензия на книгу: Бобылев С.Н., Медведева О.Е., Сидоренко В.Н., Соловьева С.В., Стеценко А.В., Жушев А.В. Экономическая оценка биоразнообразия, М.: ГЭФ, 1999. 112 с.

Спасти природу может только любовь, только чувство восхищения, а не расчет.

Жан Дорст.

Когда я ознакомился с этой книгой, меня вдруг посетила неприятная мысль: я не имею никакой экономической ценности. Я не пашу и не сею, не лечу и

не строю. Не бизнесмен, не артист. Я всю жизнь занимался спасением уголков дикой природы — делом по мнению большинства моих знакомых бес-

полезным и ненужным. У меня нет ни “стоимости использования”, ни “стоимости неиспользования”. Поэтому в Украине, согласно методик этой книги, за меня не дадут и ломаного гроша.

Но, может быть, можно оценить экономическую стоимость толстуна многобугорчатого — совершенно бесполезной для человека и безобидной букашки, любителя целинных степей и поэтому попавшего в Красную книгу России? Опять нет. Он бесполезен для ведения “устойчивой охоты и рыболовства”, “рекреационной деятельности”, “туризма”. Он не древесина и не лекарственное сырье, не связывает углекислый газ, не предотвращает эрозию почв, не сохраняет здоровье населения во время отдыха.

Или такая грустная на вид пичуга как хохлатый старик. Из той же Красной книги. Его численность “не выяснена”, лимитирующие факторы — “не изучены”. Да и последний раз его видели 28 июля 1973 года. О какой экологической стоимости этой птицы можно говорить?

Книга “Экономическая оценка биоразнообразия” не дает ответ на эти вопросы. Как, впрочем, и на многие другие. Например, можно ли подсчитать экономическую стоимость видов, классов? Ведь “биоразнообразие” — это не только охотничьи птицы и звери, промысловые рыбы и спелый лес, грибы и ягоды. А еще и рептилии, амфибии, бесчисленные беспозвоночные. Какова им цена? И ответов нет и быть не может, когда этика и альтруизм сталкиваются с экономикой и выгодой.

Авторы соглашаются, что *“не существует какого-либо рынка, оценивающего довольно сложные морально-этические, эстетические аспекты: ценность природы самой по себе, эстетическую ценность природы для человека [почему только для человека? — В.Б.], долг по сохранению природы перед будущими поколениями и т. д.”*

(стр. 11). Но, может быть, как раз эти морально-этические и эстетические аспекты являются более важными, нежели подсчитанная авторами стоимость пушнины и мяса, особенно для будущих поколений? Ну а кто возьмет на себя смелость назвать цену эволюционных процессов природы?

Как известно, общая ценность биоразнообразия определяется не только утилитарно-хозяйственной полезностью, но и более чем двадцатью различными неэкономическими ценностями: экологической, образовательной, научной, музейной, воспитательной, историко-культурной, религиозной, эстетической, этической, символической, духовной и массой неосознанных (неизвестных) ценностей. Многие из этих ценностей, как справедливо считают авторы, не имеют экономического эквивалента в рублях. Но сказав “а”, не говорят “б”. Дело в том, что не все понятно и с утилитарно-хозяйственной ценностью. Скажем, как быть с теми растениями, медицинская полезность которых еще не определена? Быть может, отдав под вырубку какой-нибудь участок древнего леса, мы лишаем человечество крайне необходимого лекарства?

Читая работу “Экономическая оценка биоразнообразия”, вдруг ловишь себя на мысли, что ее авторы не совсем четко представляют, что такое биоразнообразие на самом деле. Иначе бы не выдавали за экономическую оценку биоразнообразия сумму стоимости благ за использование только лесных, рыбных, охотничьих ресурсов. Такой подход примитивен и пахнет обманом (или самообманом).

Вызывает сомнение и методика подсчета “стоимости неиспользования”, в частности, заповедников. Делается это так: выясняется у людей, сколько они готовы платить за поддержание конкретного заповедника в год. Так, население Кольского полуострова (г. Мон-

чегорск) готово платить 20 руб./чел. год. Умножим эту цифру на численность населения полуострова, получаем так называемую “стоимость неиспользования” Лапландского заповедника. Но насколько объективна такая оценка? Во-первых, она зависит от экологической грамотности населения, во-вторых, от уровня его доходов. И первое, и второе, думаю, на Кольском полуострове не на высоте. Значит, “стоимость неиспользования” окажется явно заниженной. Ну а если люди вообще не понимают важность существования заповедника, как тогда быть? Вспомним варваров, громивших величайшие достижения Римской империи, или толпы пьяных крестьян, уничтожающих помещичьи усадьбы в 1917 г., или Сталина, закрывшего 100 заповедников в 1951 году. Как можно оценивать институцию вечности (а заповед-

ники, как и памятники архитектуры именно к ним и относятся), ориентируясь на неустойчивое общественное мнение? По меньшей мере это несерьезно.

Лично я придерживаюсь другого взгляда, высказанного в 1914 году пионером охраны природы академиком И.П. Бородиным по поводу охраны участков дикой природы: “*Растерять эти остатки было бы преступлением (...). Это такие же уникалы, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности*”. Дикая природа — священна, бесценна, уникальна и именно поэтому требует защиты. А не потому, что стоит столько-то рублей, гривен или долларов.

В.Е. Борейко

Обзор изданий по гуманитарной экологии, выпущенных или подготовленных Киевским эколого-культурным центром в 1995–2000 гг.

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kecz@carrier.kiev.ua

Е.В. Борейко, О.Г. Листопад, В.Ф. Руденко, А.В. Подобайло. Охрана местных природно-исторических святынь. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 7. 1998. 144 с.

Книга “Охрана местных природно-исторических святынь” могла бы служить прекрасным учебно-методическим пособием для студентов экологических факультетов различных учебных заведений. Она состоит из пяти глав.

Первая глава — “Местные природно-исторические святыни. Что это такое?”. В ней рассказывается, что нужно относить к

природно-историческим святыням, как их выявлять, описаны природные объекты, которые относятся к ним, дана их классификация. Описывая такие объекты, как курганы, священные и мемориальные источники, речки, озера и болота, мемориальные вековые деревья, исторические скалы, яры, урочища, холмы, валуны, валы, городища, замковища, пещеры, шляхи, места легендарных военных лагерей, городки, остатки древних разрушенных городов, авторы рассказывают, какие природные ценности заложены в этих объектах. Они являются нашим природным и культурным наследием, обладают эстетической, этической, религи-

озной, культурной, патриотической, экологической, научной и другими ценностями.

В 1997 году Киевским эколого-культурным центром в Среднем Приднестровье была осуществлена акция по выявлению и взятию под охрану местных природно-исторических святынь. Во второй главе рассказывается о проведении этой акции; в конце книги, в пятой главе, представлен один из важнейших результатов работы — Кадастр местных природно-исторических святынь в г. Киеве и Киевской области. В него включены 129 объектов Киева и Киевской области. Предложена также анкета “Охороняйте місцеві природно-історичні святині!”.

Третья глава носит название “Как использовать народные традиции и религиозные поверья в охране местных природно-исторических святынь”. Здесь описаны традиции и поверья об источниках, деревьях, скалах, холмах, валунах. *“Необходимо находить и популяризовать различные экологические поверья, обряды, традиции, поговорки и т. д. при помощи средств массовой информации, средней школы и детского сада, краеведческих музеев, народных праздников, других форм народного творчества, использования экслибрисов, символики, геральдики, сохранять топонимику озер, речек, балок, гор и т. п.”*. Популяризация экологических традиций содержит в себе воспитательный процесс, пробуждение таких чувств, как любовь к природе, к родине и родному языку, красоте жизни и истории своего народа. Немаловажную роль уделяют авторы народному фольклору. “Экологические идеи, взгляды и ценности, рассеянные в фольклоре различных народов, могут стать материалом для разработки экологической этики, природоохранной эстетики и экофилософии”. Экологический фольклор подлежит тщательному исследованию и дальнейшей популяризации. Авторы книги приводят примеры собранных ими традиций, поверий и легенд, связанных с источниками, деревьями, скалами, холмами и валунами. Народная любовь, проникнутая чувством священности к природе, несет в себе большую эко-

логическую ответственность. Запреты на осквернение колодцев и родников, вырубку деревьев и разрушение священных камней и гор, обусловленные народными приметами, поверьями и легендами — важный аргумент в охране природно-исторических святынь при помощи фольклора.

Глава четвертая — “Практические мероприятия по охране местных природно-исторических святынь” предлагает конкретные меры: как помочь мемориальному дереву, как расчистить родник, помочь речке, как обезопасить водные источники от свалок мусора, как бороться с оврагами. Отдельный раздел посвящен заповеданию природно-исторических святынь, рассказано, на какие моменты следует обратить особое внимание при оформлении документов.

Борейко. В.Е. Охрана вековых деревьев. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 2. 1996. 80 с.

Основанием для написания книги “Охрана вековых деревьев” послужил большой скорбный список уничтоженных в разное время вековых и мемориальных деревьев в Украине, и не только. Это уничтожение памятников природы стало проблемой для наших экологов, которую тщательно изучил и проанализировал В. Борейко. Он объяснил причины гибели вековых деревьев.

Зачем охранять вековые деревья? В первую очередь — исходя из этических и эстетических мотиваций. “Забота о вековых деревьях — характерная черта культуры западной цивилизации”. Автор описывает практику охраны вековых деревьев за рубежом, где этим занимаются очень давно, что вызывает нескрываемое уважение и желание следовать их примеру и опыту. Описывается техника инвентаризации и заповедания уникальных деревьев. *“Заповедание вековых деревьев, в сравнении, скажем, с заповеданием отдельных территорий — более легкий процесс, так как заповедной становится не площадь земли, а всего лишь небольшой точечный объект”*. Однако грустная практика показывает, что просто инвентаризация и заповедание вековых

деревьев не может обеспечить им надежной охраны. В главах “И нарекутся Богом древесю” и “Народные традиции” автор предлагает пути улучшения охраны вековых деревьев. *“Чтобы дерево стало предметом поклонения, нужно развивать, популяризовать мотивы такого поклонения”*. На основании легенд, традиций, поверий и даже предрассудков можно проследить, что в охране деревьев люди исходили прежде всего из религиозных, исторических, культурных мотиваций. В книге приводится большое количество примеров культа деревьев, а также поговорки, пословицы, притчи, загадки, причем не только украинского, но и других народов. Перечисляются деревья, которые почитались людьми еще со времен язычества, священные деревья. Описаны обычаи, благодаря которым люди начинают питать уважение к дереву и считают его “духовным достоянием”. *“Калина у украинцев — дерево необыкновенно поэтическое... Опыт показывает, что деревья, “нареченные” именами великих и любимых в народе людей, имели более долгую жизнь, чем их “немемориальные собратья”*.

На примерах В. Борейко показывает, как можно поднять престиж вековых деревьев в глазах местного населения. Подход не должен быть шаблонным. *“А как еще раз не упомянуть о Канаде, где наиболее выдающиеся деревья получают медали, которые к ним крепятся. Это ли не действенный способ поднять авторитет самого дерева и его почитателей!”*. Автор приводит конкретные практические указания, как продлить жизнь вековому дереву. Как лечить раны, дупла, большие трещины, образовавшиеся во время морозов — все действия описаны от первого до последнего шага.

В конце книги приведен кадастр выдающихся вековых, мемориальных и других деревьев г. Киева состоянием на 1996 год. Он был составлен в 1994–1996 гг. Киевским эколого-культурным центром. В него вошли редкие, своеобразные, исторические и вековые деревья, на его основе были разра-

ботаны меры по охране таких деревьев, подготовлены документы для их заповедания, проведена работа по повышению престижа выдающихся деревьев среди местного населения.

В. Борейко предлагает приложение, которое включает в себя детские игры с деревьями, благодаря которым у ребенка просыпается любовь и уважение не только к деревьям, но к природе вообще. Также сюда входят три статьи и два старинных документа, найденных автором в Центральном Государственном историческом архиве во Львове: письма митрополиту А. Шептицкому и его подчиненным об охране вековых деревьев и распоряжение Епископского Ординариата (Галиция) от 1937 года.

Хочу закончить словами В. Борейко: *“История славянства создавалась среди дубов и лип. Вековые деревья привязывают человека к своей религии, культуре, истории, традициям, памятникам и красоте природы, ко всему тому, что питает нашу мораль и патриотизм”*.

Горичева Т.М. “Святые животные”. Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 11. 1999. 56 с.

В последнее время экологам все чаще приходится обращаться к философам и священникам, филологам и поэтам. Стало ясно, что в охране природы наступил новый период — осмысления и понимания духовных ценностей природоохраны. Книга известного российского православного философа и богослова Татьяны Горичевой издана Киевским эколого-культурным центром в рамках международного проекта “Любовь к природе”. Автор тщательно изучила и проанализировала связь христианской религии и природы. *“Сегодня милосердный самаритянин поспешил бы на помощь земле, животным, воздуху, деревьям. Они наши ближние, изуродованные и обокраденные нами. Чтобы облегчить душу, и писались эти статьи”*.

Первая глава носит название “Спасти творение”. В ней автор соединяет законы

физики (*“Тепло переходит только от теплых тел к менее теплым. Но не наоборот. Этот закон говорит нам, что энергия ограничена, конечна”*) и богословия, начинает искать оправдание христианству, сравнивает экологичность православия, протестанства и католичества. *“Экологическая проблематика объединила Запад и Восток, Север и Юг... Мы, христиане, должны помогать друг другу, чтобы выйти из тупика ложно понимаемого антропоцентризма”*.

Статья *“Космическая Евхаристия”* объясняет читателю, как человек должен относиться ко многим религиозным правилам и правильно трактовать некоторые строки Библии. Например, Бог дал людям землю и земные существа не для *“обладания”*, *“использования”* и *“насилия”*, как трактуют многие верующие и книги. В Библии говорится о *“мире, который должен был бы, по замыслу Бога, существовать между человеком и животным, о том, что ни одна тварь не должна уничтожать другую”*. Человек должен благодарить Бога и природу, а не губить то, что было дано ему в дар. *“Господь воплощается на каждой литургии в Хлеб и Вино Евхаристии”*. Апостол Павел пишет: *“За все благодарите”* (то есть совершайте Евхаристию) — (Фес 5.18), Евхаристия, по-гречески — *“благодарение”*.

В следующей статье — *“Мир и его права”*, говорится о том, что человек, который призван был быть священником для всей твари, превратился в хищника и потребителя. Здесь идет разделение на две небольшие главы — *“Особое положение человека”* и *“Мир, как Третье”*. Согласно православному учению, Бог присутствует в мире благодаря своим энергиям. Они неисчерпаемы. Он целиком и полностью присутствует в своих энергиях. А если богоподобие человека настолько необходимо нам, то оно должно быть не только внешним.

“Ойкология. Поиск пространства” — в этой статье Т. Горичева говорит, что экология расцвела в наше время оттого, что человечество почувствовало себя бездомным, ведь *“Ойкос”* по-гречески значит дом. *“Потеря корней, разрушение традиции при-*

вело к тому, что современный западный человек чувствует себя эмигрантом в любой стране”.

“Мать-сыра-земля” — название говорит само за себя. Христианство в Украине и в России проросло сквозь язычество, *“ибо Господь Иисус Христос оживотворил в своем духовном теле все тело земли”*. У многих народов, которые не связаны исторически, земля считается матерью всех людей. Т. Горичева рассказывает о французском философе Гатоне Башляре, который попытался сделать психоанализ земли. Также неразрывна связь земли и Церкви. *“Новизна и чудо — вот чем притягивает нас вечно обновляющая земля, не стареющая, щедрая, плодоносящая. Она сегодня несет рай и жизнь. Она в наши дни, как никогда, символизирует животворящий Дух Святой”*. В Библии написано: *“Побеседуй с землей, и наставит тебя”* (Иов 112.8).

Очень интересна статья *“Православие и животные”*, которая состоит из нескольких глав. В них говорится, что с точки зрения биологии человек — существо принципиально незаконченное, незавершенное. И Бог дал ему в помощь животных. Но человек забыл, что он создан несовершенным, недостаточным, поэтому и задыхается в отравленном им самим мире. Отношение людей к животным также приняло извращенный характер. Т. Горичева проводит философский экскурс на эту тему — отношение к животным. *“Мир зверя — мир загадки”*. Мы должны брать пример у людей, которых мы сами же причислили к Святым. Они говорят, что плохое отношение человека к животным нам диктует Дьявол, злая, нечистая сила. Райская жизнь описана в дружбе со всеми животными и между животными всех видов и их доверии друг другу. В житиях святых можно найти множество рассказов о том, как святым помогали и служили львы, как их спасали своим молоком оленихи, как вороны приносили им хлеб. Эти описания предоставлены нам в приложении. Автор книги призывает нас к состраданию ко всякому *“страданию, плачущему о стенаниях всего космоса”*.

Последняя статья книги называется

“Эколитургия”. “Природа сегодня — продолжение нашего тела. Она не объект страха или использования. Сам человек сегодня страдает, как часть космоса, как существо экологическое. И вместе со всей тварью страдает Бог”.

В конце книги автор дает приложение под названием “Святые и животные”. Оно написано на основе “Житий Святых”, составленных Юстином Поповичем и изданных в Белграде Издательством монастыря Келия в 1973 г.

Хочется поблагодарить Т. Горичеву за эту книгу, написанную с любовью и вдохновением от Бога. “Если уж человек — царь природы, то и должен поступать с ней по-царски, чему пример дал сам Царь Царей, Христос — не уничтожать, не разрушать и паразитировать, а служить и преобразять”.

Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 10. 1998. 128 с.

Книга известного московского деятеля движения за права животных Татьяны Николаевны Павловой “Биоэтика в высшей школе” была первой на просторах СНГ по данной теме. Ориентация этой книги сугубо на вузы, особенно сельскохозяйственного профиля, представляется, на наш взгляд, ошибочной. Гораздо успешнее идеи движения за права животных будут восприниматься в среде неправительственных экологических организаций, особенно гуманитарной направленности.

Книга состоит из семи глав. Сначала автор раскрывает понятие биоэтики — биоэтика как наука, как мировоззрение, как учебный предмет в вузе. Первые три главы носят названия “Принципы этичного отношения к животным”, “История отношения человека к животным”, “Общественное движение в защиту животных”. Автор раскрывает суть этичного отношения человека не только к животным, но к окружающему миру вообще. “Антропоцентризм и биоцентризм являются терминами, характеризующими мировоззрение человека, т. е.

его взгляды на окружающий мир и на его место в этом мире”. Т.Н. Павлова широко объясняет эти термины и дальше говорит о праве и долге человека по отношению к животным, проблему физических и нравственных страданий, возникающих у животных по вине человека, проблему владения животными.

Т.Н. Павлова одной из первых у нас поднимает вопрос о самостоятельной ценности животных. Опираясь на работы зарубежных авторов Майкла У. Фокса, Эндрю Линзи, А. Швейцера, она говорит, что жизнь животных имеет свою собственную цель, а не является средством удовлетворения человеческих потребностей. “Животное так же “отражает” в своем мозгу вселенную, оно так же ощущает себя как уникальное творение, противопоставленное остальному миру. Его психика так же индивидуальна — как и его анатомия и физиология...”. Благодаря богословам эту мысль можно выразить так — если Бог стоит за ними (животными), то мы не можем быть против них. Любая жизнь драгоценна в своей неповторимости, а это равняет в их ценности все живые существа.

Дальше автор рассказывает об истории возникновения общественного движения в защиту животных, о направлениях работы, о двух наиболее известных типах обществ, законодательстве по защите животных. Главы “Религии и животные” и “Использование животных человеком и проблемы биоэтики” продолжают эту тему. Вопрос взаимоотношения с животными составляет важную часть религий мира. Т.Н. Павлова показывает это на примерах индуизма, буддизма, джайнизма, иудаизма, ислама, христианства. Также одной из самых сложных нравственных проблем человечества в этой связи является животноводство. “С одной стороны, оно составляет основу общепринятого способа питания, которого человечество придерживается в течение ряда столетий... С другой стороны, животноводство ставит перед человечеством неразрешимые задачи нравственного порядка”. Автор широко освещает этот вопрос, а также проблемы экологии и биоэтики. “Ди-

кие животные — такие же чувствующие существа, как и более знакомые нам домашние животные; дикие животные имеют такие же потребности, как домашние животные, как человек, и такое же право их удовлетворять. В соответствии с принципами биоэтики, их жизнь так же драгоценна и так же должна быть защищена, как и других компонентов биоса — всего живого на земле”.

Т.Н. Павлова в главе “Биоэтика в философских учениях различных эпох” проводит исторический экскурс этического учения. Рассмотрены этические учения древности, средневековья и эпохи Возрождения, эпохи Просвещения и начала XIX века, этика А. Швейцера, русских космистов и движения за права животных. Глава “Воспитание, образование и проблемы биоэтики” заканчивает книгу. В ней говорится о принципах нравственного воспитания, связи духовной культуры и биоэтики, воспитании этического отношения к животным как части нравственного воспитания, путях формирования этого отношения. “Система подготовки биологов также должна позволять воспитывать у будущих педагогов и исследователей уважение к любой жизни, понимание животного и сочувствие к нему. Хотя отношение человечества в целом к животным во многом не отвечает принципам этики и биоэтики, каждый вклад в укрепление биоэтических взглядов приближает время их полной победы”.

Из литературного наследия Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского (1866—1942). Проза, стихотворения, эпиграммы. Авторы-составители: В. Берлин, В. Борейко. Серия: История охраны природы. Вып. 8. 1996. 160 с.

В июне 1996 года исполнилось 130 лет со дня рождения Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского. Многим он известен как ученый-энтомолог, природоохранник. Благодаря книге, изданной Киевским эко-

лого-культурным центром, многие читатели могут узнать А.П. Семенова-Тян-Шанского как прекрасного поэта — певца русской природы. Книга состоит из пяти основных частей.

Первая часть — введение, написана В. Борейко. Он изучил судьбы многих идеологов этико-эстетического подхода в охране природы, встречался с их семьями и близкими. Он рассказывает о том, каким образцом мужества и стойкости являлся А.П. Семенов-Тян-Шанский в страшные 30-е годы, когда сникли многие отечественные природоохранники, называет написанное А.П. Семеновым-Тян-Шанским не архивом, а арсеналом. “Я думаю, что подготовка и воспитание современного природоохранника сегодня становится совершенно невозможной без серьезного изучения Пушкина, Тютчева, Фета, Саути, Кольриджа, Мицкевича, лучших образцов мировой живописи, музыки, философии и религии. Пусть с кафедр, где готовят будущих работников заповедников и природоохранных инспекций, выступают не только зоологи и ботаники, но и профессора словесности, музыки из лучших институтов культуры”, — справедливо считает В. Борейко.

Следующая часть книги — биографический очерк. Здесь говорится о жизненном пути, который прошел А.П. Семенов-Тян-Шанский, приводятся воспоминания профессора С.И. Огнева, переписка, рассказывается об интересах и увлечениях ученого. “Крайне интересовался А.П. жизнью Пушкина и написал большое исследование — “Пушкин и Елена Раевская, тайные страницы биографии поэта”... За последние годы А.П. много времени посвятил переводу стихотворений Горация... Хотя сам А.П. не рисовал, но был большим знатоком и любителем живописи”. Но кроме того, что ученый знал наизусть многочисленные стихотворения своих любимых поэтов, он и сам был прекрасным поэтом, глубоко чувствующим красоту стиха и стихотворных образов. В трудные военные годы он писал:

Не тех, кто, щедрою увенчанной судьбою,
Нередко получал награды сверх цены,
Но тех, кто душу нам отдав с ее красою,
Забыв, молчит и спит, мы поминать должны.

Третью часть книги составляет речь-доклад А.П. Семенова-Тян-Шанского, прочитанный на общем собрании Музейной конференции 18 февраля 1919 года в Петрограде: “Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения”. Этот доклад не имеет смысла комментировать, он должен быть проработан каждым уважающим себя природоохранником. Свободная природа *“есть великий синтетический музей, необходимый для нашего дальнейшего просвещения и умственного развития, — музей, который в случае его разрушения, не может быть воссоздан руками человека”*. Ученый представляет свой “план общего государственного строительства в деле охраны природы” и рассказывает о методах его выполнения. Но главное — не забывать и не отклоняться от цели — строгой охраны участков свободной природы и отдельных ее памятников.

Основная часть книги — стихотворения. Помню утро раннее — воздух золотой,
Щебетанье ласточек где-то над рекой,
Воркованье горлицы, чистый небосклон
И в дали сияющей благовеста звон.

Стихотворения А.П. Семенова-Тян-Шанского печатались в “Вестнике Европы”, в “Русской мысли”, в “Лукоморье”, в “Новом времени”, “Альманахе Муз” и многих других журналах. Тема природы однозначно присутствует в каждой строчке.

В этом мягком предзимьи цветы орхидей
Говорят мне о вечной весне,
О весне не в природе, а в светлой идее,
О весне, как во сне.

Его стихи созвучны и мелодичны, многие напоминают сонеты. И как бы в противоположность им — в следующей, последней части книги — эпиграммы, стихи-гномы. Это скорее короткие выстрелы, удары не в бровь, но в глаз. Жесткие, конкретные, дерзкие одностишия. *“Чисты ли руки твои, что уверенно тянутся к власти? Совесть чиста ли твоя, честен и трезвен ли ум?”*.

Написано 25.11.1917 г. *“Если ты видишь, что чаша полна животворною влагой, Дай прикоснуться к ней тем, в ком в этой влаге нужда”*.

Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 1 (издание второе, дополненное). Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 10. 1998. 224 с.

Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 2. Птицы (издание второе, переработанное и дополненное). Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 12. 1999. 172 с.

Наверное, нет человека, который не знал бы хоть одной поговорки или пословицы. Наверное, нет человека, который не верил бы хоть в одну примету и не соблюдал бы хоть одну традицию или обряд. Нетрудно заметить, что все эти вещи часто объединяет одна общая суть — природа. Авторы двухтомника попытались собрать максимальное количество информации, посвященной этой безмерной теме — экологический фольклор.

Том первый состоит из двух главных частей — рассказ о фольклоре, посвященном живой и неживой природе и советов по его внедрению в дело охраны природы.

Глава первая — “Держись за землю, трава обманет”. Здесь собрано большое количество ласковых и уважительных слов о матушке-земле. *“Славянские священные действия на холмах и горах и по сей день дают археологам интересный материал о древних языческих культах. Почитаемые идолы ставились славянами-язычниками, как правило, на холмах”*. Человек рождается и живет на земле, кормится тем, что дает земля и после смерти опять возвращается в землю. Неудивительно, что люди так красиво и почтительно воспевают ее в своих рассказах, стихах и песнях. Культ земли — самый древний из всех поклонений.

Глава вторая — “Без памяти родник пересыхает”. Почитание воды, как и земли, известно с самых древних времен. Автор рассказывает о разнообразных запретах, заклятиях, заговорах народов на воде. Приводится множество поверий, связанных с родниками и колодцами. Легенды о криниках, вызывании дождей, происхождении рек и балок. “Вода — очистительное средство... Будь здоров, как вода”. Святые источники, святая и освященная вода — безгранична любовь и вера народа в этой теме.

Следующая глава — “Древа жизни”. *“К лесу, как к единому целому, так и к видам деревьев или отдельным их наиболее крупным и древним представителям у различных народов наблюдается самое разное отношение. У земледельческих, кочевых, степных — в целом более враждебное, у лесных — доброе. С давних языческих времен в растительный культ многих народов входят представления о священных деревьях”*. Множество поговорок, пословиц, притч, мифов, молебнов, символов, культовых обрядов описывает автор. Легенды, сказания, стихи, загадки, сказки, былины, традиции, обряды, приметы описаны подробно и захватывающе.

“Культ деревьев, почитание лесов когда-то жили в крови славян и не совсем исчезли из нее сейчас, остается только переделать его в разумную форму и возродить его как сознательную опеку дерева”, — говорил украинский академик П.А. Тутковский.

Интересна и познавательна глава “Кто придумал новогоднюю елку”. В ней и в следующей главе — “Чур заповедано” продолжается перечень большого количества примеров почитания людьми деревьев и преклонения перед ними. *“Система запретов в священных ритуальных роцах у многих народов в конце концов трансформировалась в виде моральных норм, юридических установок, религиозных правил. Из запретов выросла самобытная интереснейшая культура”*.

Очень содержательны главы “Гостеприимство травы обычной”, “К ласке — с лас-

кой”, “Почему вы не любите жабу?”, “И козявка — божье творенье”, “Золотая рыбка”, “Природу нельзя отменить”. Приведено множество народных примет и поверий, пословиц и поговорок, заговоров и сказаний о растениях, пчелах, бабочках, пауках, рыбах, солнце, луне, радуге и “слепом” дожде. *“Нет сомнения в том, что нам еще много раз суждено возвращаться назад, дабы в сокровищнице древней красоты — народной культуре — черпать силы для нового движения вперед”*.

Во втором томе издания рассказывается об экологическом фольклоре и традициях, посвященных птицам. Он состоит из трех больших и содержательных глав — “Птицы и человек”, “Пернатые обитатели мифов и легенд”, “Традиции и птицы”. Птицы всегда пользовались повышенным вниманием человека — ведь им доступно небо, а в небесах живут боги. *“Недаром с древнейших времен у самых различных народов птицы были посредниками между небом и землей, посланцами и выразителями воли богов, переносчиками души, пророками, предвестниками и т.д. Ни одной из групп животных не уделялось столько внимания в мифах, сказках, поверьях и песнях”*. Птицы нужны нам, но и мы нужны им. Прежде всего, им необходимо наше доброе отношение. Ответственность за их жизнь и сохранение ложится на наши плечи. *“Благополучие вида в регионе может полностью определяться традициями, религиозными или мифологическими представлениями местного населения”*.

Изучение природоохранниками экологического фольклора и традиций, совместная работа любителей природы и служителей культа смогли бы способствовать более активному и широкому продвижению природоохраны среди народа. *“Народные традиции в природоохранной пропаганде, будучи по своей психологической и социальной структуре массовыми привычками, являются в то же время эффективным средством формирования этих привычек при помощи подражания у новых поколений людей. Это объясняется их большей*

изобретательностью, эмоциональной окрасенностью, запоминаемостью, коммуникативностью, способностью к передаче, направленностью, чем у других форм пропаганды”.

В.Е. Борейко и В.Н. Грищенко провели большую и кропотливую работу, создавая эти книги. “Легенды и сказки охраняют край”.

Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара “Трибуна-6”. г. Киев, 5–7 декабря 1997 г. 307 с.

В 1997 году в декабре в Киеве был проведен семинар “Трибуна-6” в рамках проекта “Любовь к природе”. Книга представляет собой сборник материалов семинара.

Глава первая — “Общие вопросы гуманитарной экологии”. Здесь шесть работ. Это: С. Келлерт “Девять основных ценностей природы и биофилия”, Р. Доминик “Антимодернизм, национализм, романтизм, мораль и религия в природоохранном движении Германии начала XX века”, В. Борейко “Идеальные ценности дикой заповедной природы”, М. Кулешова “Идентификация ценности природы и историко-культурного наследия для целей выбора организационной формы особо охраняемой территории”, В. Борейко “Неприродоохранные мотивации”, А. Рыжиков “Время и заповедность”. В этих работах выдвигается нематериальная оценка дикой заповедной природы, которая ставится на первое место, отодвигая рациональные ценности. Общая цель авторских работ — донести новый подход в определении основных ценностей природы. В. Борейко главными считает идеальные, а именно — историко-культурную, религиозно-мистическую, эстетическую, этическую, ценность дикости природы, ценность наследия, материальная цена у него заменяется моральным качеством заповедного объекта. В то же время в поиске сторонников защиты природы В. Борейко предлагает руководствоваться различными мотивами. Используя разные лич-

ностные интересы людей, такие, как мемориальное поведение, материальная выгода, “стадное чувство”, потребность быть полезным обществу (чаще всего у пожилых людей), потребность в получении удовольствия (у молодых), потребность в самоутверждении, желание откупиться (не ухудшая с кем-либо отношений), потребность людей в общении, использование благотворительности (есть те, кому все равно, на что дать деньги — на сооружение новой церкви или нового заповедника).

Глава вторая — “Экологическая культурология” — включает тринадцать работ: В. Руденко “Курганы как природно-исторические святыни”, В. Грищенко, Е. Яблоновская-Грищенко “Использование не прямых методов воздействия в природоохранной пропаганде и воспитании любви к природе”, В. Ясвин “Психологическая наука и охрана природы” и др. В. Чижова в статье “Любовь к природе (в вопросах и ответах)” в форме диалога дает ответы на простые, но одновременно и сложные вопросы, приводя содержательные примеры и стихи. Немало внимания уделяется в работах воспитательному процессу в экологическом образовании. “Если мы действительно хотим повернуть общество в целом к проблемам охраны окружающей среды, мы должны существенно пересмотреть всю концепцию обучения и воспитания молодежи, начиная с самого раннего возраста. Надо приложить огромные усилия в области эстетического и нравственного воспитания (тут стоит подумать и о религиозном воспитании, но это уже самостоятельная тема), решительно отказаться от культа насилия, необходимо развить в людях чувство добра, понимания прекрасного и преклонения перед природой”, — пишет А. Луговой.

Глава третья носит название “Экологическая этика”. По мнению Олдо Леопольда, “этику можно считать руководством в экологических ситуациях, настолько новых, сложных и поздно обнаруженных, что разрешение их, наиболее выгодное для общества, не всегда понятно среднему ин-

дивидууму. Индивидуум в подобных ситуациях руководствуется биологическими инстинктами. Возможно, что этика — это своего рода зарождающийся общественный инстинкт”. Во взаимоотношениях между человеком и животным необходимо руководствоваться нравственными и этическими принципами. “Этика есть безграничная ответственность перед жизнью”, — читаем мы в этой главе.

В четвертую главу “Природоохранный эстетика” включены статьи архиепископа Саратовского и Волгоградского Пимена “Красота природы”, В. Барышевцева “Лес и власть его красоты”, В. Николаева О развитии эстетического восприятия птиц в природоохранном движении” и др.

Глава пятая носит название “Экологическая теология”, куда входят пять работ: Л. Уайт “Франциск Ассизский — покровитель экологов”, Е. Александрова, Н. Троицкая “Природоохранные идеи и традиции в религиях народов Прибайкалья”, Иоанн Кронштадтский “Человек в мире богодарованной красоты и гармонии” и др.

Шестая глава книги — “Экологическая этнография”. В ней представлены работы Н. Морохина “Территориальная приуроченность обрядов и проблема охраны природно-культурных территорий в Нижегородском Поволжье”, Н. Морохина, Д. Павлова “Медвежья потеха” и ее роль в экологической культуре Нижегородского Поволжья”, М. Хийемяэ От народной экологии эстонцев к сознательной охране природы, И. Зайцевой, О. Ляпаевой, Л. Калининой “Экологические традиции терских поморов”, В. Зудова “Охрана природы: национальное и интернациональное”, М. Шилова “Использование местных особенностей в охране природы”. Эти статьи лишней раз убеждают в том, насколько сильны и мало изучены народные экологические традиции. А ведь именно устное народное творчество является мощным орудием в формировании экологического сознания людей.

В седьмую, заключительную главу — “Зеленая мифология” — включены работы Ю. Шевчука “Новая “зеленая” мифология”

и А. Кузьминой “Сравнительный анализ восприятия рисков в различных студенческих средах”. Завершают книгу две статьи В. Борейко, посвященные памяти безвременно ушедших из жизни в 1995 году природоохранников Рафаэля Идрисова и Юхана Лепика.

Скурагівський В.Т. На крилах храму. Екологічні уявлення українського народу. Серія: Природоохранный пропаганда. Вып. 7. 1998. 120 с.

Необычайно приятно читать книгу В. Скурагивского “На крилах храму”. С первых строчек книги окунаешься в певучий украинский язык, которым написано исследование автора. Первый раздел носит название “Створення всесвіту, небесних світил, землі. Виникнення атмосферних явищ”. Каждая глава раздела определена отдельным названием — “Всесвіт”, “Небо”, “Сонце”, “Місяць”, “Зірниця”, “Зорі”, “Сузір’я”, “Веселка”, “Хмари”, “Земля”, “Гори і долини”. В них приводятся своеобразные народные гипотезы образования этих природных явлений. В каждом регионе существуют различия, но общим является мнение, что на небе есть Бог, святые и праведные души. И люди должны придерживаться заповедей Божьих.

Многие легенды являются отголосками библейских рассказов. Приводится множество стихов, воспевающих солнце, месяц, звезды и зарницы. Интересно звучит обращение к тучам:

Бий, дзвоне, бий,
Хмару розбий!
Нехай хмара на татара,
Сонечко — на християна,
Бий, дзвоне, бий,
Хмару розбий!.

В разделе “Моря, річки, животоки” приводится фольклор о родниках, росе, дожде, снеге и инее. Все эти явления упоминаются в легендах, пословицах, поверьях. Воде приписываются магические и лечебные свойства, она исполняет очистительную и освящающую функцию в обрядах.

Со снегом, инеем и дождем связано много погодных и урожайных примет.

Раздел “Свійські тварини і дикі звіри” посвящен взаимоотношению человека с животными. “Особливо багаті на такі сюжети байки, казки та перекази, епічні твори і дитячий фольклор, де для кожного звіра особливе наймення — коза-дереза, лисичка-сестричка, котик-муркотик, вовчик-братик чи дядько-ведмідь”. Автор рассказывает о верованиях, песенных сюжетах, приметах, связанных с лошадьми; о уважении и почитании коровы, воспет, благодаря чумакам, вол, но еще большую приязнь народа завоевали собаки, коты, пауки. Описаны различные народные обычаи, пословицы, легенды, байки, приметы, поэзии.

В раздел “Птахи, плазуни, земноводні і комахи” попали петух, аист, орел, сокол, голубь, журавль, ласточка, жаворонок, соловей, кукушка, удод, сорока, уж, черепаха, лягушка, пчела. Украинский народ кукушку обозначает символом грусти и вдовства, ласточка — вещунья весны, соловей — “досвітковий сторож”, чибис — символ грустившей вдовы, оплакивающей своего мужа или любимого.

Много поверий связано с гадюками и ужами. Хотя люди часто негативно относились к змеям, убивать их народная практика не советовала. А пчелу в народе называли “Божою пташкою”, которая послана к человеку Всевышним. “Загалом пернаті, плазуни і земноводні посіли вагоме місце в мітології та тотемізмі. Наші пращури вірили в їх надприродну силу, кожен вид виконував свою роль, а відтак мав осібне символічне значення”.

Довольно объемный раздел, посвященный растительному миру — “Дерева і рослини”. Представлены рассказы о калине, вербе, дубе, осине, бузине, маке, барвинке. В мифологичных верованиях участвуют многие растения. Им приписывается волшебная сила, причем приносящая как добро, так и зло. Растения используются также в качестве приворотного зелья. Многие традиционные верования, например, в обереговую силу чеснока, сохранились по сей день.

Завершает книгу статья “Криниці і садки”. “Священне, якщо не побожне ставлення нашого народу до живих джерел. Пращури влаштовували біля животоків ритуальні дії, жертвоприношення, виголошували врочисті клятви, виановували своїх богів”.

Борейко В.Е. Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ. (Дискуссионный материал). Москва: Эколого-просветительский центр “Заповедники”, 1999. 23 с.

Работа В. Борейко “Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ” вышла с указанием — “дискуссионный материал”. Автор предлагает материал для споров и размышлений. Основной принцип “Радикального взгляда” заключается в том, что охрана дикой природы должна осуществляться путем создания ее культа и выработки мифопоэтического отношения к ней. Оно должно исходить из чувства святости, испытанного произвольно или непроизвольно, методом пропаганды, объяснений и внушения. Пропагандируя “религию природы”, В. Борейко доказывает, что в природоохране основным должен являться этико-эстетический, а не общественно-полезный мотив.

Автор рассказывает об отечественных основоположниках этики дикой природы — Г.А. Кожевникове, А.П. Семенове-Тян-Шанском, Д.Н. Кайгородове, В.И. Талиеве, И.П. Бородине, В.Н. Налимове, а также о зарубежных деятелях — Генри Торо, Джоне Мюире, Олдо Леопольде, Линде Грэбер, Альберте Швейцере. По-видимому, взгляды В. Борейко сформированы под влиянием этих людей, а также русской классики, о которой тоже упоминается в книге. Автор считает, что в культе дикой природы лежат русские корни, к сожалению, уничтоженные в 1930-х годах. Рациональный подход, который мотивировался в советской природоохране, сумел заглушить у людей чувство святости не только к заповедным

территориям, но и к природе вообще. Поэтому, как считает В. Борейко, мы должны воспитывать и внедрять радикально новое отношение в охране дикой природы, вводить новую идеологию. Для этого необходимо осознать важность нематериальных ценностей дикой природы.

По мнению автора, ООПТ являются священным пространством, местом ощущения Совершенно Иного. Историк религии М. Элиаде ввел термин “иерофания”, означающий “проявление святого”. “Иерофания” проявляется в объектах, имеющих нечто из “Совершенно Иного”. В данном случае этот объект — участки дикой природы. Кроме того, ООПТ ценны сами по себе, т.е. имеют внутреннюю ценность, не зависящую от нас и наших оценок.

Дальше В. Борейко перечисляет нематериальные ценности ООПТ, которые имеют наиболее важное значение. Автор цитирует Ральфа Эмерсона, который писал, что “у врат дикой природы изумленный человек света вынужден оставить свои городские оценки большого и маленького, мудрого и глупого. Ноша обычаев падает с его спины с первым шагом, который он делает в эти пределы”. ООПТ, по словам В. Борейко, являются местами откровений, островками свободы. “Дикая заповедная природа — это то место, где противоположности сходятся и внутренний конфликт излечивается единством. “Прежде” и “После” становятся единым, и кажется бессмысленным ценить что-либо, кроме мгновений. От первозданной заповедной природы веет истиной, она — дар Провидений. ООПТ связывают прошлое с будущим через настоящее. Временная перспектива, сокрытая в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. Они — часть “географии надежды” и способствуют появлению мечты”. ООПТ также являются научными лабораториями, школами, в которых скрыт большой образовательный ресурс, историко-культурными музеями, гордостью и достоинством нации. Культурная ценность ООПТ — важный аргумент для их охраны. “*Возраст (древность) культурных элементов*

значительно повышает ценность природных объектов”.

На последних страницах книги В. Борейко опять возвращается к теме защиты Совершенно Иного. “*Дикая природа — Совершенно Иное, отличное от человека. Это — лучшая часть Земли, ибо она — Совершенно Иная, свободная от человека и его “произведений”. В ней скрыт не только хаос, но порядок и совершенство. Помимо физического порядка в дикой заповедной природе имеется и порядок моральный”.* Опираясь на работы американских экофилософов Линды Грэбер и Холмса Ростона III, автор доказывает, что дикой природой невозможно и нельзя обладать. Скорее она нами обладает, даря утешение. “*Высшую ценность Совершенно Иного имеют именно те ООПТ (наиболее свободные от человека), где ввиду высшего подъема творческой теургической энергии свободно совершается акт творения. Именно такие территории становятся центром Вселенной, и от их благополучия зависит благополучие мира”.*

В. Борейко реабилитирует понятие “право дикой природы на существование”, которое предложил в начале XX века Г.А. Кожевников. “*Идея равенства на жизнь должна распространяться не только независимо от расовой, классовой, религиозной, половой, но теперь и биологической принадлежности. Виды, сообщества, участки дикой природы должны сохраняться потому, что они существуют, потому, что их существование само по себе представляет лишь часть древнейшего и величайшего исторического процесса”.*

Автор перечисляет такие ценности, как символическая, духовная, антитоталитарная, политическая, неосознанная, ценность наследия, дикости природы, дикой жизни. В. Борейко делает вывод, что идеология заповедного дела должна исходить из этики, защиты внутренних и идеальных ценностей, воплощенных в дикой природе. “*Заявление, что область дикой природы должна быть сохранена потому, что будущие поколения будут наслаждаться ею, явля-*

ется саморазрушающим. На самом деле участки дикой природы должны заповедаться потому, что внутренняя ценность дикой природы важнее других ценностей, полезных человеку". В охране ООПТ нужно руководствоваться этико-эстетическими критериями, тогда можно будет увидеть результаты своих трудов.

Книгу завершает словарь терминов, составленный В. Борейко, и список рекомендуемой литературы.

Борейко В.Е. Святилища дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 8. 1998. 112 с.

Книга "Святилища дикой природы" продолжает тему охраны природных территорий с этических, эстетических, религиозных позиций. Вначале В. Борейко рассказывает об истоках зарождения первобытного заповедного дела, дает классификацию древних заповедных объектов. Заповедные природные объекты, создаваемые древними языческими народами, можно классифицировать по таким категориям: 1) заповедники, связанные с богами или духами; 2) заповедники, предназначенные для самопознания, медитации; 3) заповедники, имеющие историко-культурное назначение (места погребений, битв и др.); 4) заповедники, связанные с рациональным использованием природных ресурсов (охота, рыбалка, сбор хмеля, орехов и др.); 5) заповедники, где оберегается "душа" природы, ее красота; 6) психологические заповедники, созданные благодаря генетически заложенному в человеке "чувству остатка".

"Дикая заповедная природа и ее ценности" — так называется следующая часть книги. "Успешность создания заповедных территорий явно зависит от адекватного понимания базовых ценностей, мотиваций и интересов всех заинтересованных лиц. Помимо фундаментальной важности науки, политики и менеджмента, образование и этика представляют собой важные инструменты для развития заповед-

ного дела и охраны дикой природы". В. Борейко называет заповедную природу "своеобразным "депо" по выработыванию ценностей", уточняет и расширяет термин "дикая природа". Дикая природа — колыбель эволюции, она представляет собой местонахождение всех ценностей — эстетических, моральных, экологических. Далее автор перечисляет ценности дикой заповедной природы и дает краткую оценку каждой.

Следующая глава — "Охраняемые природные территории как сосредоточение духовности". "Заповедные территории характеризуются не только чисто географическими координатами или списками редких видов флоры и фауны — они насыщены этическим, эмоциональным и религиозным смыслом". Именно участки дикой природы являются священными, вызывают у людей священные чувства и эмоции, которые вдохновляют и возвышают.

В следующей главе — "Охраняемые природные территории как явление культуры" автор доказывает, что по уровню развития заповедного дела в государстве можно судить об уровне культуры в этой стране. "Единственной имеющейся у нас вещью, с помощью которой мы можем сохранить дикую природу — является культура. Научные, этические, эстетические представления о том, что достойно заповедать, не остаются неизменными". Наличие природных заповедных "священных" территорий практически у всех народов на всех ступенях их цивилизации подтверждает особую и пока еще не раскрытую приверженность человечества к заповеданию природных объектов. В. Борейко представляет графическую схему пространственной организации культурного ландшафта.

В главе "Функции охраняемых природных территорий" перечисляются и характеризуются сами функции: функция хранения и накопления ценностей дикой природы (музейная), рекреационно-оздоровительная функция, образовательно-воспитательная, вдохновляющая, научная, моральная, неосознанная, хозяйственная, природоохранная, религиозная, функция сокрови-

ща, фетиша и символа, функция охраны культурных ценностей.

Последняя глава книги — “Идеология для заповедного дела”. Автор считает, что пришло время для новой идеологии, динамичной, отвечающей требованиям времени. Она должна основываться на морали, ценностях природы, разделении власти и собственности и обязательной поправки на бедность. *“Я считаю, что заповедники — это территории, где сосредоточено абсолютное добро. В наше время количество добра в мире быстро исчезает. Наша этическая задача — сохранить добро путем полного заповедания. Заповедники — это не только значительные экологические, но и этические системы. Поэтому менеджмент заповедника должен основываться не на принципах “выгодно-невыгодно”, а на принципах “хорошо-плохо”, понятиях “добро-зло”.*

В заключение книги В. Борейко представляет работы Г.А. Кожевникова “Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России” (публикуется впервые), А.А. Никольского “Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела”, В.П. Налимова “Священные рощи у удмуртов и мари”, В. Салтыкова “Заповедник”, В.В. Латышева “Освященные культом местности”, С.В. Максимова “Священные рощи”.

Борейко В.Е. Введение в природоохранную эстетику. Издание второе, дополненное. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 14. 1999. 128 с.

Вышло второе издание книги В. Борейко “Введение в природоохранную эстетику”. В нем расширены и дополнены все главы и внесена новая “Оценивание природной красоты ради ее самой”. Эпиграфом к книге являются строчки из стихотворений Фета, Тютчева, Пушкина, Полонского, А.П. Семенова-Тян-Шанского, Северянина. Открывает книгу глава “Различные подходы к красоте природы”. В ней автор проводит широкий обзор мнений по оценке красоты

природы. Начиная с древнегреческих философов, традиционных японских понятий красоты, русского средневековья и продолжая современными отечественными и зарубежными экологами. На страницах книги спорят английский художник и архитектор Уильям Моррис, русский ботаник В.Н. Хитрово, американский теолог Ричард Остин, философы Дж. Сантаяма, И. Кант, Генри Торо, Е. Милс, Л.Б. Альберти, французский лесовод Шантер, профессор Йенского университета Э. Геккель, финский экофилософ Ирио Сепанмаа, Юджин Харгров и многие другие. В. Борейко изучил большое количество литературы, список библиографии в конце книги насчитывает 208 произведений отечественных и зарубежных авторов.

Трудно остановиться на каком-то одном взгляде на эстетику природы. Сколько людей, столько и мнений. Автор выражает мысль, что все нетронутые части природы являются красивыми. *“Если смотреть на гору снизу, она будет вызывать эстетическое чувство возвышенного, а если сверху, с самолета, то это чувство может исчезнуть. Эстетическое восприятие природы часто носит мимолетный и нестабильный характер”.* В. Борейко считает, что эстетика природы во многом сродни эстетике искусства. Но есть и различия. В отличие от “недвижимой” красоты произведений живописи, красота природы постоянно меняется, она — “движима”, порой неожиданна. Восход солнца может обладать внезапностью грома. Красота природы, в отличие от красоты искусства, простирается до безгранично малых и больших масштабов.

Глава “Оценивание природной красоты ради ее самой” носит принципиальный характер. Это новая, написанная специально для второго издания глава. В ней поднимается вопрос о ценности природы ради нее самой, а не ради ее полезности для человека. Если мы желаем продвижения в природоохране, нам нужно перестать ценить природу лишь как средство для достижения человеческих целей. *“Мне кажется, что*

философская теория “незаинтересованности” может разрешить многие природоохранные споры”. Автор выводит два важных правила. “Во-первых, мы должны защищать не только ту природную красоту, которую видим, но и ту, которую не видим, но знаем, что она существует. Во-вторых, мы должны защищать не только ту красоту, которую видим, или знаем, что она есть, но и ту, которую пока разглядеть не можем, не знаем, существует ли она, но предполагаем, надеемся или верим, что она есть. Это второе правило позволяет взять под защиту природные территории и виды, красоту которых человек еще не в состоянии оценить”.

Дальше идут главы, по названиям которых можно определить, о чем идет речь. “Красота природы и формирование нации”, “Красота природы — мост между искусством, религией, философией и наукой”, “Красота природы: исцеление, спасение и моральное очищение”, “Красота природы — понятие контрреволюционное”, “Красота природы как одна из главных мотиваций природоохраны”, “Красота природы как неосознанная ценность”, “Красота диких видов живой природы”, “Звуковая красота и ароматы природы”, “Красота природы и духовность”, “Красота природы и воспитание детей”, “Моральные права красоты дикой природы”, “Красота природы и законодательство”, “Красота природы и заповедные объекты”, “Критерии природной красоты”, “Красота природы окультуренных ландшафтов”, “Красота природы и лесная эстетика”. Завершает книгу глава “Природоохранная эстетика как наука и вид природоохранной деятельности. Стратегия и тактика”.

Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Серия: История охраны природы. Вып. 14. 1997. 224 с.

Книга нижегородского исследователя Н.В. Морохина представляет собой систем-

ный анализ экологического устного народного творчества одного региона — Нижегородского Поволжья. Она состоит из четырех глав, большого списка библиографии и объемного приложения.

Глава первая — “Нижегородское Поволжье как регион и его прошлое в этническом и экологическом аспектах”. В ней автор дает оценку Нижегородского Поволжья как региона, его отличительных признаков. Н.В. Морохин считает, что целостность региона базируется на культуре.

Глава вторая — “Обряд и народная драма в традиционной экологической культуре Нижегородского Поволжья”. Н.В. Морохин описывает особенности взаимосвязей обрядового фольклора и традиционной экологической культуры, семейные обряды и их роль в формировании экологической культуры личности в регионе, календарные обряды и их обращенность к природе, говорит о территориальной приуроченности обрядов. Автор представляет “медвежью потеху” — единственную в регионе разновидность чисто драматического искусства, ее историческую роль в экологической культуре. “Особняком в группе рассмотренных вопросов стоит медвежатничество, в то же время обнаруживая глубокую связь с региональной традиционной обрядовостью. Его формирование оказывается возможным лишь на базе специфических природных условий, характерных для региона, и пережитков языческого типа отношения к окружающей среде. Это искусство помогло человеку с помощью эстетических средств осознавать глубокое родство с миром природы и необходимость паритетного отношения с ним, удовлетворяло нарождавшуюся в ходе разрушения ландшафта глубокую потребность в общении с дикой природой в разных ее проявлениях”.

Глава третья — “Прозаические жанры фольклора региона и экологическая культура”. Систематизируя прозаические жанры фольклора, Н.В. Морохин выделяет основные — сказки, рассказы о духах природы (былички), легенды, традиционные при-

родоохранные запреты, предания и сказовую прозу.

Глава четвертая — “Песенные и малые эпические жанры в традиционной экологической культуре”. Здесь описаны песенные и другие жанры региона, специфика выражения экологической идеи в них. Обращенная к природе образность опирается почти исключительно на реалии среды региона”, — пишет автор.

В заключении Н.В. Морохин обозначает главные итоги и выводы исследования. В том числе автор пишет: *“Фольклор был и продолжает оставаться важным элементом в духовной сфере региональной экологической культуры, способным передавать представления о мире природы новым и новым поколениям, формировать у них этическое и эстетическое отношение к среде, верные стереотипы поведения. Изучение этих его важных особенностей нельзя отрывать от познания природы региона, в котором он существует, как нельзя учитывать и культурного взаимодействия создавших произведения этносов”*.

Борейко В.Е. Эссе о дикой природе. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 16. 2000. 148 с.

Главы “Идея дикой природы”, “О красоте дикой природы”, “Дикая природа, как лик Бога или любимой” посвящены расшифровке самого термина — дикая природа. Автор объясняет это понятие с помощью различных зарубежных и отечественных источников, а также Библии и Корана, считая, что *“вопрос дикой природы (этой особой сверхприроды, элиты природы) более философский, чем биологический”*. Подзаголовки статей — “В поисках дикой природы”, “Дикая природа, как культурный мир”, “Дикая природа и девственная природа”, “Степени дикой природы”, “Критика идеи дикой природы”, “Дикая природа, как Совершенно Иное”, “Дикая природа, как святое пространство”, “Култ дикой природы”, “Дикость и дикая природа”, “Дикая природа и заповедное дело”, “Дикая при-

рода и биоразнообразии”, “Воссоздание дикой природы”, “Цена дикой природы”, “Внутренняя ценность дикой природы” — помогают читателю увидеть, насколько широко и объемно понятие идеи дикой природы. Автор рассказывает о своем личном восприятии дикой природы, сравнивая ее с образом любимой женщины. Красота дикой природы, как и любимой — внесловесна. Ее трудно, даже невозможно выразить словами. Но вмешиваться в тайну нельзя, потому что *“изучите до конца сущность дикой природы, и она сразу станет неинтересна и нелюбима. Не должна отвечать природа на вопросы смертных”*.

В следующих главах книги “Идеология для заповедного дела”, “Переизобретение традиций: священные рощи — заповедники будущего”, “О почтении памяти пионеров охраны природы”, “Заповедники, как национальный символ” В. Борейко говорит о необходимости пропаганды новой идеологии, которая должна исходить прежде всего из этических норм и правил, признания внутренней ценности природы, имеющей право на существование независимо от человека.

Проведя исследование, автор пришел к заключению, что традиционно признанные различными народами священными участки дикой природы являются лучшими образцами заповедников.

“О праве дикой природы на свободу”, “Право на жизнь и право на существование”, “Метафизический взгляд на древние леса”, “Ода вековому дереву”, “Проект “Любовь к природе”: опыт, цели и задачи” — в этих главах поднимаются многие правовые и этические вопросы, которые автор пытается соединить.

“Религия природоохраны” — в этой главе В. Борейко говорит о роли религии в охране природы. *“Природоохранники могут предложить мировой культуре свой взгляд на священное место, объявив священным пространством участки дикой природы”*. *“Пробуждение у людей чувства священного в природе является важнейшей задачей современных природоохран-*

ников, ибо религиозная деятельность может обладать мощной функцией защиты дикой природы”.

Опираясь на работы Отто Рудольфа, Эдвина Бернбаума, Мирча Элиаде, Линды Грэбер, автор книги “Эссе о дикой природе” разъясняет, в чем именно заключается смысл священности — в данном случае участка природы, и священности чувства, испытанного человеком в этом или другом месте. Хочется привести услышанную однажды историю о том, что в наиболее распространенных христианских молитвах — “Отче наш...”, “Богородица дева...”, “Ангел, хранитель мой...” и других, слова и звуки специально собраны и расположены в таком порядке, что при частом их повторении у человека возникает ощущение покоя, блаженства и благоденствия. Кто исповедывался, замечал, что священники для искупления грехов рекомендуют прочитать несколько раз подряд некоторые молитвы. Неоднократное повторение именно данных словосочетаний оказывает определенное действие на нервную систему человека. Этот принцип давно используется за рубежом, например в тюрьмах в воспитательных целях, а также в психиатрических лечебницах, где изучение молитв входит в курс лечения больных. Все это лишний раз доказывает, какую силу имеет религия в жизни человека, общества и государства. Для религии природоохраны не нужно изобретать молитв и строить церквей — природа сама все это создала. Людям нужно только прозреть и признать, что бороться с природой — это значит рубить сук, на котором сидишь. За рубежом уже есть практика создания религиозных сообществ защитников дикой природы, о чем пишет В. Борейко. “Природа нигде не является просто “природой”. Это божественное творение, которое наполнено религиозной ценностью” — цитирует автор Линду Грэбер.

Отдельное, довольно небольшое место, занимают в книге “Крохотки”. Это ласковое название В. Борейко дал небольшим этюдам, которые пронизаны любовью к природе и болью за нее.

В.М. Грищенко, В.С. Борейко, О.Г. Листопад. “Охороняйте лелек”. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 3. 1996. 112 с.

В книге “Охороняйте лелек” авторы рассказывают о белом и черном аистах. В первую часть книги входят главы — “Куди летиш, лелеко?”, “Біологія білого лелеки”, “Родичі білого лелеки”, “Допоможи, чарівний птах!”. Описана история отношений между людьми и аистом, которая отображена в народном фольклоре — поверьях, мифах, легендах и приметах. Только на Украине эта птица имеет больше двадцати разных названий. Проводя анализ происхождения и распространения этих названий, авторы изучают взаимосвязь языков и культур соседних народов.

Глава “Шляхи пропаганди охорони білого лелеки” рассказывает об использовании народных традиций, обычаев, обрядов, поверий в природоохранной пропаганде. Эффективным способом служат охранные грамоты, проведение таких мероприятий, как праздник “День аиста”. Авторы предлагают подробный сценарий. Большой популярностью пользуются у детей игры, орнитологические конкурсы, экологическое лото. В 1996 году Киевским эколого-культурным центром при поддержке Музея народной архитектуры и быта был создан Музей белого аиста. Это первый такого типа музей на территории бывшего СССР.

В книге рассказывается об операции “Лелека”, проходившей в 1986–1990 гг. в Киевской области, которая была организована Дружиной по охране природы Киевского университета им. Т.Г. Шевченко и Киевской областной организацией Украинского общества охраны природы при поддержке кафедры зоологии КГУ.

В 1987 году по инициативе ДОП КГУ и кафедры зоологии на Украине впервые в СССР была проведена комплексная научно-пропагандистская кампания “Год белого аиста”. Опыт этой акции с успехом может быть использован при проведении учебно-пропагандистских кампаний, посвя-

ценных другим видам широко известных населению птиц.

Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ. Составитель: В.Е. Борейко. Издание второе, дополненное. Серия: История охраны природы. Вып. 18. 1999. 260 с.

Данная книга представляет собой сборник отечественных классических работ о природе, некоторые из них публикуются впервые. Например, страницы из дневника А.П. Семенова-Тян-Шанского “Мысли об этике и эстетике в природе”. Представлены также его стихи о природе, научные труды “Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения”, “Задачи момента в деле охраны природы в России”.

Тема экологического воспитания обсуждается в статьях Б.Е. Райкова “Школьное естествознание и любовь к природе”, М. Рыбниковой “Эстетическое восприятие природы учащимися”, Д.Н. Кайгородова “Природа в будущей школе”.

Практическое значение для работников заповедного дела и охраны дикой природы представляют работы В.Е. Тимонова “Охрана природы при инженерных работах”, Г.А. Кожевникова “О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы”, “Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России”, “Вопрос об охране природы на естественно-историческом совещании Центрально-Промышленной области”, Д.Н. Анучина “Охрана памятников природы”, И.И. Яценко “Эстетическая охрана лесов и лесоустройство”.

Красота природы воспета во многих произведениях классиков русской литературы. В сборнике представлены единицы — Н.М. Карамзин “Деревня”, И.И. Пузанов “Красота, что уходит из мира”, М.М. Пришвин “Власть красоты”, М.Ю. Лермонтов “1831 года, июня 11”, Н.В. Гоголь “Ода

степям”, А.П. Чехов “Спор о лесах”, “Свирель”, С.Т. Аксаков “Хвала дикой природе”, Ф.И. Тютчев “Не то, что мните вы, природа...”, Н.А. Клюев “Песнь Гамаюна”.

О правах животных идет речь в очерке юриста С. Фишера “Этика и право по отношению к животным”.

Чувством природы обладает каждый человек на земле, выразить это чувство словами могут писатели и поэты, на холстах и картинах — художники, но вот в музыке проявить это чувство способен даже не каждый талантливый композитор. Этой теме посвящена статья Д.Н. Кайгородова “П.И. Чайковский и природа”.

Очень интересна и познавательна публикация главы “Сознание в природе” из книги русского философа П.Д. Успенского. На мой взгляд то, что немецкий философ И. Кант называл внутренней ценностью природы, П.Д. Успенский называет сознанием в природе. Ученый говорит о том, что если мы понимаем и признаем существование жизни и сознания вообще, то мы должны признать, что они присутствуют во всем, что окружает нас. “Жизнь и сознание составляют мир”. Активность жизни собирательных существ, как леса — совсем не такова, как активность жизни отдельных пород растений и животных, а активность жизни пород совсем не такова, как активность жизни отдельных особей”. Но именно наличие и различие функций, которые присутствуют в активности жизни и ее самоорганизации, говорят о существовании сознания в ней. Неодушевленные предметы и механические явления, с точки зрения человека, безжизненны и бессознательны. Но если находятся отдельные, а иногда и целые группы людей, которые признают священность гор, деревьев, рек, это значит, что в этих явлениях присутствует сознание, вызывающее определенные чувства у данных людей. *“Таким образом, мы рассматриваем нумен явления, как душу явления. Т. е. скрытая душа явления есть его нумен. Понятие души явления или нумена явления включает в себя жизнь и сознание, и как функции в непонятных нам разрезах*

мира, — *выражением которых в нашей сфере является феномен*". Невозможно не согласиться, что *"логически мы должны или признать жизнь и сознание во всем, во всей 'мертвой природе', или отрицать их совершенно даже в самих себе"*. Этот постулат может служить отправной точкой в деле охраны природы.

Борейко В.Є. Без верби і калини нема України. Серія: Природоохрानна пропаганда. Вип. 1. 1995. 102 с.

В книге В. Борейко "Без верби і калини нема України" собраны украинские экологические традиции и поверья о земле, воде, растительном и животном мире. Первые три главы — "Стежка до криниці", "З далекого минулого до наших днів", "Вода, криниці" рассказывают о народном фольклоре, посвященном природным явлениям. *"Поки не пізно, народні повір'я, звичаї, традиції, приказки вимагають свого досконального вивчення, особливо з точки зору застосування в охороні природи"*. Поговорки, приметы, обычаи, сказания о земле, воде, камнях, источниках, криницах, описанных в книге, лишний раз подтверждают, какую силу в охране природы имеют народная любовь и уважение.

Главы "Дерева, ліс", "Птахи", "Змії та жаби", "Ссавці", "Квіти", Комахи, "Риби", посвящены растениям и животным. Изучение экологического фольклора, по мнению автора, необходимо для повышения уровня экологического воспитания молодежи, для практической природоохранной работы — создания новых охраняемых природных территорий, активизации природоохранной деятельности в целом. Передавая из поколения в поколение правила этического отношения к природным явлениям, растениям и животным через народные приметы и традиции, люди смогли бы создать божественный образ природы в своем подлинном сознании. Благодаря этому удалось сохранить многие виды животных и растений.

Заключительная глава книги "Релігія і охорона природи". Автор рассказывает о

том, как различные религии помогают сохранить отдельные участки природы от уничтожения. Культ некоторых животных и растений, почитание священных рощ, криниц и других мест поклонения людей помогают природоохранникам при заповедании природных территорий. В. Борейко описывает направления, по которым должно проходить сотрудничество природоохранников и служителей культа.

Борейко В.Е. Священные горы. Серия: Охрана дикой природы. Вип. 15. 1999. 56 с.

(Обзор данной книги подготовлен Е. Кривошеевой).

Цель книги В. Борейко "Священные горы" — познакомить читателя со священными горами мира, привлечь внимание природоохранников к вопросу "священности" природных участков, в частности гор, и необходимости использования религиозной мотивации в охране природы и природоохранной пропаганде.

В главе первой "Священные горы и природоохранное движение" автор рассматривает важность чувства священного, которое вызывают у людей горы, для природоохранной практики — ведь во многих странах природоохранное движение зародилось в результате почитания гор, как священной территории, *"формы дикой природы, наиболее дикой, наиболее красивой, наиболее загадочной, но и менее поддающейся человеческому контролю"*. В. Борейко высказывает мысль о том, что для сохранения участков дикой природы необходимо использование местных религиозных традиций, объявление этих участков священными и пробуждение у людей чувства священного по отношению к природе — это и является задачами природоохранников, *"потому что религиозная мотивация может значительно укрепить экологические усилия общественности"*. Но *"чувство священного само по себе не гарантирует сохранение окружающей среды... мы должны полностью осознавать последствия про-*

буждения чувства священного”. Священные горы могут терять свою экологическую ценность из-за чрезмерного паломничества, ритуальных восхождений. “Только если чувство священного поощряет нас почитать вещи, как ценные сами по себе, а не как средства достижения других целей, какими бы благородными или возвышенными они не были, проявление чувства священного обеспечит нам прочное основание для усилий по сохранению редких животных и растений, других объектов природы”.

В главе второй “Горы и священная власть” В. Борейко раскрывает сущность, формы и причины возникновения чувства священного благоговения, восхищения, а порой и ужаса, испытываемого человеком в горах. Приводятся мнения альпиниста Э. Бернбаума, известных исследователей религии Р. Отто и М. Элиаде о возникновении чувства священного в результате ощущения Совершенно Иного. Э. Бернбаум полагает: “Нас привлекает именно аура тайны, чего-то за пределами нашего кругозора. Мы тянемся к именно священному, потому что оно является непознаваемым, таинственным, даже если мы находимся в его присутствии...”.

В третьей главе “Священные горы мира” приведены многочисленные примеры почитания священных гор народами различных стран мира. “На территории Украины, России и Белоруссии и по сей день насчитывается немало Красных, Червоных, Русых, Черных, Гремучих, Поклонных, Святых, Лысых гор. Славянские священические действия на холмах и горах и по сей день дают археологам интересный материал о древних языческих культах. Почитаемые идолы ставились славянами-язычниками, как правило, на холмах... Фиксированным местом ежегодных молений были высокие холмы, горы, возвышавшиеся молящихся над уровнем обычной жизни и как бы приближавшие их к небесным представителям мира, рожаницам или Роду”, — пишет академик Б.А. Рыбаков. В этой главе описаны причины и формы почитания гор как священной территории у разных народов в за-

висимости от культуры и исповедуемой религии, что должно заинтересовать читателя, которого волнуют проблемы природоохраны.

В. Борейко считает: “Пробуждение у людей чувства священного в природе является важнейшей задачей современных природоохранников, ибо религиозная деятельность может обладать мощной функцией защиты дикой природы. Участки дикой природы нужно сравнивать с храмами (созданными человеком строениями), осквернению которых противилась бы широкая общественность”. С этой точки зрения книгу “Священные горы” можно рассматривать как важный вклад в пропаганду охраны природы и экологического воспитания.

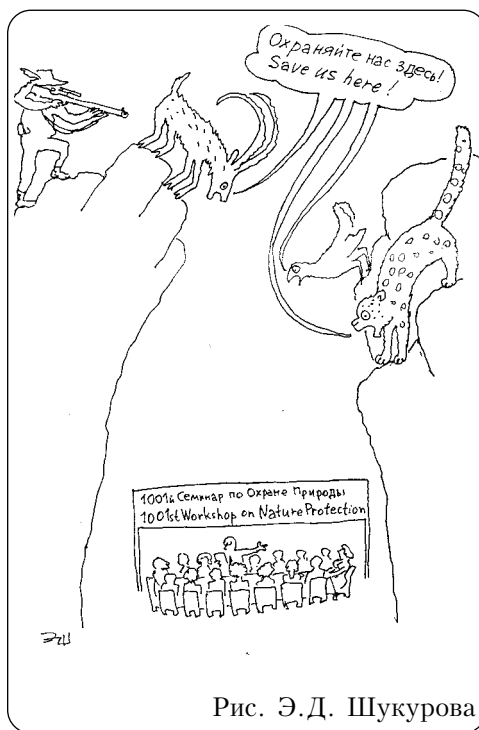

Рис. Э.Д. Шукурова

Конференция по экологическому образованию

3-5 июля 2000 г. состоялась VI Международная конференция по экологическому образованию “Стратегия экологического образования и воспитания в XXI веке”. Конференция проходила на базе Международного независимого эколого-политологического университета. В ее работе приняли участие делегаты России, Украины, Узбекистана, Беларуси, Эстонии, Таджикистана, а также гости из Югославии, Швейцарии, США, Португалии.

В докладах анализировалось общее состояние и перспективы развития экологического образования с акцентом на необходимость формирования целостной концепции. Работа конференции, кроме пленарных заседаний, была разделена по 5 секциям – экологическое образование детей; экологическое образование в вузах, эколо-

гическое просвещение населения; взаимодействие общественных и государственных организаций по вопросам экологического образования; международное сотрудничество и зарубежный опыт в экологическом образовании. На секциях обсуждались вопросы, посвященные программе конференции, а также были предложены темы для проведения “круглых столов”, такие как экологическое образование в Вооруженных силах, экологическое воспитание в семье; зеленое движение и экологическое образование. Издательством МНЭПУ издан сборник тезисов докладов “Стратегия экологического образования и воспитания в XXI веке”, куда включены пленарные, секционные и стендовые доклады.

Е.В. Поминова

Роль сакральной архитектуры в охране животных

20-21 октября 2000 г. в местечке Кальвария Паславская возле Перемышля (Польша) состоялся III Международный симпозиум “Sacral Architecture in Animal Protection”. В его работе принимали участие около 50 человек из Польши и Украины. Симпозиум проходил в Доме паломника при одном из католических монастырей. Организован он был Комитетом охраны природы Польской Академии наук при поддержке ПАН, Папской теологической академии, министерства окружающей среды и ряда других учреждений.

Суть проблемы в том, что многие виды животных обитают в сакральных сооружениях – церквях, часовнях, постройках на кладбищах и т. п. Из птиц – это совы, сокола, стрижи, галки; из млекопитающих – прежде всего летучие мыши. Немало на сакральных сооружениях обитает также насекомых и других животных. Целый ряд проживающих здесь животных принадлежит к редким или охраняемым видам. Так, сипуха предпочитает гнездиться на окраинах населенных пунктов в отдельно сто-

ящих постройках, где ее не особо тревожат. Церкви и колокольни для нее являются чуть ли не идеальным местом.

На симпозиуме было заслушано 10 докладов, посвященных обсуждению проблем и методов охраны животных в сакральных постройках, оптимизации их отношений с человеком. Больше всего меня заинтересовал доклад о методах изучения животных в сакральных сооружениях. В одном из епископств в Верхней Силезии проводилось обследование костелов и монастырей для учета обитающих в них животных. Работа эта не встречала особого непонимания или противодействия со стороны священнослужителей. Честно говоря, с трудом представляю, как такую работу можно провести в Украине или России.

21 октября проводилось также обсуждение проекта создания Турницкого парка национального в предгорьях Карпат, а затем состоялась экскурсия по территории проектируемого парка.

В.Н. Грищенко

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 11,5.

Печать офсетная. Подписано в печать 3.12.2000 г. Заказ № 420.

Напечатано с готовых диапозитивов в МКП “Склавия-94”, г. Черновцы, ул. Головна, 198а.

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссии

Бобылев В.Н. Как оценить биоразнообразие	3
Борейко В.Е. Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно	5
Грищенко В.Н. Охрана природы и религия: от науки к утопии?	11
Пруденко О.Д. Экологические воззрения в Библии и современность	26

Экофилософия

Поминова Е.В. Советуясь с Кантом: внутренняя ценность природы	32
Литература по природоохранной эстетике	34

Экодайджест

Эплет Г.Х. О природе дикости: исследование того, что действительно защищает дикую природу	38
Милтон К. Природа уже священна	51
Стил С.К. Литература и идеология легендарной экогруппы “Прежде Земля!”	55
Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей	61
Игнатовская Н.Б. Отношение к животным как проблема нравственности	66
Ясвин В.А. Отношение местного населения к заповедникам (социально-психологическое исследование)	78
Потапов В. Экологическая тема в православии	79

Из отечественной классики

Бизэ А. Байрон и поэтическое чувство природы	82
Даронов А.А. Дело защиты бессловесных тварей	86

Опыт работы

Борейко В.Е. Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников	90
Горошко О.А. Пропаганда охраны редких видов птиц в степях Забайкалья ...	97
Руденко В.Ф. Повышение престижа природных объектов с целью улучшения их охраны (на примере вековых деревьев)	98

Документы и факты

Как разгромили украинскую “Рабочую газету” за правду по охране природы	103
--	-----

Письма в редакцию	106
--------------------------------	-----

Художественный уголок

Пузанов И.И. Трофимиана	107
-------------------------------	-----

Критика и библиография

Рецензии	113
Поминова Е.В. Обзор изданий по гуманитарной экологии, выпущенных или подготовленных Киевским эколого-культурным центром в 1995–2000 гг.	126

Хроника и информация

Поминова Е.В. Конференция по экологическому образованию	146
Грищенко В.Н. Роль сакральной архитектуры в охране животных	146